«Буду верен словам до конца»

Жизнеописание и наследие иеромонаха Василия (Рослякова)

К двадцатилетию мученической кончины

«Буду верен словам до конца». Жизнеописание и наследие иеромонаха Василия (Рослякова)

Сборник

Эта книга знакомит читателя с жизнью и духовным путем иеромонаха Василия (Рослякова) – одного из трех насельников Оптиной Пустыни, убитых пасхальным утром 18 апреля 1993 года. Биография, составленная монахом Лазарем (Афанасьевым), сочетается с богатым творческим наследием отца Василия – дневниками, письмами, проповедями, стихотворениями, гимнографией. Из этих фрагментов, словно мозаика, складывается образ святого нашего времени, и в жизни, и в смерти последовавшего за Христом.

«Буду верен словам до конца»

Жизнеописание и наследие иеромонаха Василия (Рослякова): К двадцатилетию мученической кончины

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

От редакции

Ранним утром 18 апреля 1993 года радостный пасхальный благовест на оптинской звоннице резко оборвался. Этим утром в Оптиной Пустыни были убиты трое насельников – иноки Трофим и Ферапонт и иеромонах Василий. Через несколько дней их отпевали по пасхальному чину, и над монастырем вновь разносился праздничный звон колоколов, возвещающий непреложность победы Жизни над смертью. Несмотря на горе и слезы, именно так – в свете Пасхи Христовой – была воспринята мученическая кончина оптинских монахов.

Убитые сатанистом иноки были среди первых паломников и послушников, возрождавших монастырь в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Это было время восстановления не только порушенных святынь, но и сломленных душ. Про Оптину того периода отец Василий написал в своем дневнике: «Здесь вновь все совершается впервые». Именно тогда иеромонаху Василию вместе с иноками Трофимом и Ферапонтом было суждено пострадать за Христа.

Прошло двадцать лет. События Пасхи 1993 года – особая страница в истории возрожденной Оптиной Пустыни. Благодаря сохранившемуся архиву отца Василия мы можем и сегодня прикоснуться к сокровенной тайне его духовного пути. Словно мозаика, из разных фрагментов творческого наследия иеромонаха Василия (Рослякова) складывается цельный образ святого нашего времени.

Телеграмма Патриарха Алексия II наместнику Оптиной Пустыни архимандриту Венедикту (Пенькову)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Разделяю с Вами и с братией обители пасхальную радость!

Вместе с вами разделяю и скорбь по поводу трагической гибели трех насельников Оптиной Пустыни. Молюсь о упокоении их душ.

Верю, что Господь, призвавший их в первый день Святого Христова Воскресения через мученическую кончину, соделает их участниками вечной Пасхи в невечернем дни Царствия Своего. Душой с Вами и с братией.

18 апреля 1993 г.

«Я хотел бы умереть на Пасху под звон колоколов»

Жизнеописание иеромонаха Василия (Рослякова)

Отцом Василием 15 ноября 1989 года написано: «При брезе стану, Господи, и восплачу, яко зрю Тя по иную страну вод непроходимых; обрати очи Твои, Спасе мой, и помилуй мя». Он был еще послушником, Игорем Росляковым, – менее чем через два месяца состоится постригего в рясофор с именем Василия, в честь святителя Василия Великого. Мы еще не раз обратимся к тем поэтическим церковнославянским текстам, которые начал писать Игорь незадолго до поступления в Оптину Пустынь. А этот краткий, преисполненный глубокого духовного смысла текст мы привели здесь недаром. Едва уверовав, Игорь с редким самоотвержением потянулся к Господу – всю свою недолгую жизнь после этого он учился идти по «водам непроходимым». Помогало ему в этом покаяние – «плач», одно из существеннейших дел христианина, особенно монаха.

Игорь Иванович Росляков (так звали о. Василия в миру) родил ся 23 декабря 1960 года. Отец его, Иван Федорович, родившийся в 1917 году, был воспитанником детского дома, не помнившим своих родителей. Он был простой труженик, рабочий, во время Вели кой Отечественной войны – моряк. Это был честный и прямодушный человек, не чуждый веры в Бога. Умер он в 1979 году, когда Игорь заканчивал учение в школе. Мать Игоря, Анна Михайловна, много лет работала ткачихой на фабрике. Потом вышла на пен сию. Родители Игоря в церкви бывали редко, но сына своего крестили вскоре после его рождения.

Семья жила в Кузьминках. Этот пригород не так давно вошел в черту Москвы. Здесь сохранилось много зелени – остатки рощ и садов. Дом, где находилась квартира Росляковых, стоял в непосредственной близости к лесу, к посадкам, окружающим старинный Кузьминский парк, бывшее имение князей Голицыных. Здесь – сохранившийся флигель дворца, художественное чугунное литье оград, проточные пруды, некогда искусно насаженные аллеи английского стиля…

Многие известнейшие деятели русской культуры XVIII и XIX веков бывали тут на балах, плавали на лодках при звуках музыки, громе и блеске фейерверков – историк Карамзин, поэт Жуковский… У входа в парк – храм Влахернской иконы Божией Матери, реставрация которого началась в 1992 году. Не здесь ли совершала прогулки с малышом Игорем Анна Михайловна Рослякова? В парке много цветов, птиц… Благорастворенный воздух.

Учился Игорь в школе № 466, неподалеку от дома. Характер у него был самостоятельный, твердый и ровный. Школьные науки давались ему легко. С третьего класса начал он заниматься в секции водного поло и скоро стал участвовать в соревнованиях. Классный руководитель, преподавательница литературы, вспоминает: «Это был человек одаренный и отмеченный свыше. Ему рано стали зна комы понятия „долг“ и „надо“. Уже с третьего класса жизнь отрока была расписана по минутам… Он отсутствовал в школе порой по двадцать дней, уезжая на международные или союзные соревнования… А по возвращении выяснялось, что он уже прошел самостоятельно учебный материал и готов сдать сочинения и зачеты.

Это вызывало уважение учителей и „впечатляло“ одноклассников».

К 9-му классу Игорь уже мастер спорта международного класса, член сборной команды СССР по водному поло. О нем иногда писали в газетах. Но он чувствовал, что не спорт его призвание. В нем возгоралась вера в Бога. Внутренняя его жизнь была для по сторонних закрыта, но близкие к нему люди кое-что замечали, впрочем – не умея понять и оценить этого по-настоящему. Внеш не жизнь его протекала следующим образом. После школы он около года работал на автомобильном заводе, потом поступил на факультет журналистики МГУ и, почти одновременно, в Институт физкультуры имени Лесгафта. Тянуть два «высших» было нелегко, но в 1985 году окончил он и то, и другое.

Он состоял в команде МГУ по водному поло и со временем всех ее членов привел к Богу. Один из них вспоминает, что объездивший много стран Игорь вдругпопал в категорию «невыездных»… Начальство заметило, что он посещает церковь. «Когда, – вспоминает О. К., – уже после гибели отца Василия я со всей моей семьей и еще одним членом нашей команды крестился в Оптиной Пустыни и начал соблюдать посты, то впервые понял, как непросто поститься, даже

если сидишь дома… А каково поститься на ответственных выездных турнирах, где спортсменов кормят в основном мясом, ибо спорт отнимает много сил? А ведь Игорь Великим постом даже рыбы не ел… Мы боялись проиграть, если он ослабеет из-за поста. Помню, сидим мы с ним однажды Великим постом на бортике бассейна в Сухуми, и он говорит: „Главное, чтобы были духовные силы, а физические после придут. Дух дает силы, а не плоть“. Как раз после этого у нас был решающий финальный матч… И как же стремительно шел Игорь в атаку, забивая и забивая голы! Мы победили, и пост был оправдан в наших глазах».

«Человек он был очень образованный, – продолжает О. К., – а мы тянулись за ним. Помню, купил он себе Библию за границей – и мы Библии покупать… Конечно, все это лишь потом пригодилось, но хоть по шажочку, а мы шли за ним. Помню, один человек из команды попросил Игоря написать ему какую-нибудь молитву. Игорь написал ему молитву по-церковнославянски, сказав: „Лишь монахи сохранили язык“…

Слово Игоря в команде было решающим… Зайдет дело в тупик, Игорь скажет краткое слово, и все знают – решение принято… Когда началась перестройка и разговоры про демократию, то однажды на собрании команды все тоже заговорили про демократию в спорте и как расширить ее. Говорили-говорили, а Игорь вкратце подвел итог: „Команда – это монархия. И если не подчинить игру единой воле, то какая будет игра?“ Он свято чтил память убиенного Государя нашего, Николая II, и нам привил эту любовь».

После соревнований игроков отправляли на месячный отдых к морю, а Игорь уезжал на это время в Псково-Печерский монастырь, где трудился на разных послушаниях. Существуют предположения, что исповедовался он у архимандрита Иоанна (Крестьянкина), который однажды сказал ему как бы полушутя: «Ну что, пойдем в монахи?» Возвращаясь из обители, Игорь привозил святыни – песочек с могил старцев, освященный елей. Бывал он иногда в городе Порхове у иеромонаха Рафаила, служившего там на приходе. Игорь всегда вспоминал о нем с большой благодарностью, так как получил от него немало запавших в сердце духовных наставлений. Однажды вместо Пицунды забрался он с друзьями в деревенскую глушь где-то в

Тверской области и очень рад был пожить попросту, не по-городскому. В это время там похолодало, но он говорил: «Это моя погодка!»

Учителя, друзья, знакомые много рассказывали о нем. Всех случаев и событий, приведенных ими, не перескажешь, но из них ясно вырисовывается образ человека необыкновенного для той среды, где он жил. Где приобрел он те знания, ту культуру, глубоко христианскую, которым ни в школе, ни в университете нельзя было научиться? Откуда у него такая нравственная строгость, молчаливость, скромность, душевная красота? Откуда любовь к монастырям, к монашеству? Ведь рос он среди людей, в основном уже духовно обворованных, лишенных православных русских традиций… Господь ему посылал. А тем, что он имел, он всегда делился – у него был дар пробуждать в тех людях, с которыми он сталкивался, не только добрые чувства, но и уважение (по крайней мере) к религии. Даже иные атеисты хватались за голову и задумывались: «Может, мы чего-то не понимаем?..»

Высокий, сильный, красивый, он едва ли не с отрочества отвергмирские развлечения. Где-то на втором курсе МГУ женился, но через полгода брак распался, как бы и не было его. Никто среди многочисленных его друзей ни словом не вспоминает этого. И больше «не искал жены»… Его не видели гневающимся или даже просто чем-нибудь недовольным. Он никого не обидел. Тихий и мирный, он старался смиряться и не вступать в споры, а говорил лишь тогда, когда его спрашивали. Что касается его профессии журналиста, то он получал приглашения сотрудничать в крупных московских газетах, но, зная о зависимости прессы от властей, отказывался. Он нашел иную работу – стал инструктором по спорту. Во время одной из поездок в Псково-Печерский монастырь Игорь взял благословение у архимандрита Иоанна на труд стихотворно го переложения некоторых псалмов из Псалтири святого пророка Давида. В книжечке, изданной впоследствии друзьями о. Василия, этих переложений, вернее, вариаций, – тринадцать. Написаны они были в 1986–1987 годах. Нет необходимости придирчиво разбирать их, скажем только, что это более духовная, чем литературная работа, в своем роде проба. А теперь уже ясно, что эти вариации были ступенькой к тому, что явилось позже, в монастыре уже – к церковному гимнотворчеству, которое хотя и

оборвалось слишком рано, но однако успело дать первоначальный плод.

Но сначала он искал, что очень естественно и неизбежно. Кроме того, он писал стихи, «обычные», рифмованные, но и в них в основном были размышления и переживания верующего чело века. Задумал он и роман в прозе, краткий план которого сохранился в его дневнике. В печать он ничего не предлагал. Многое сжигал… Очень быстро душа его отвернулась от такого мирского литературного пути. Есть свидетельство, что он не принял входивших в моду песен на духовную тему – песен под гитару, которые ему довелось услышать. «Хорошо, – сказал он, – только бутылки не хватает. Душевное это, а не духовное. Вот стихами старца Варсонофия даже отчитывать можно». Словом, он, не оставляя пока писания стихов, подошел к тому мнению, которое высказывал о мирской «духовной» поэзии святитель Игнатий Брянчанинов, сказавший: «Мне очень не нравятся… все, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира… А о духовных предметах надо писать из „знания“, содействуемого „духовным действием“, т. е. действием Духа… Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело!»

Мирскому человеку, да еще талантливому, образованному, нелегко понять, что значит «мудрование»… Это не ложь. Это невозможность подавить в себе мирское, как говорит святитель Игнатий – «кровяное». Мирскому оно кажется законным. Но потому и привел Игорь Росляков в пример стихи старца Варсонофия, что этот великий наставник монахов и мирян есть именно монах… Что же думал в то время будущий отец Василий? Может быть, что не надо бросать писание духовных сочинений, а надо перейти границу между миром и духовностью: сделаться монахом. Тогда все встанет на место. Пусть мир не сразу, не скоро будет преодолен в душе, но монах, духовный воин, постигая тайны невидимой брани, стоит в истине Христовой – всегда, день и ночь, а не по временам, как есть обычно у писателей в миру. Надо перейти границу – безвозвратно.

В марте или начале апреля 1988 года Игорь начал вести своеобразный дневник. Здесь записывал он не столько события своей жизни, сколько свои размышления о тех путях – «водах

непроходимых», – которые ведут к Богу. Начал он с выдержек из Св. Писания и святых Отцов. Среди них отрывок из рассуждения святителя Игнатия о христианстве: «Изучение христианства доказывает со всею определенностью и решительностью истину его. Убеждение, доставляемое правильным изучением христианства, убеждение в существовании всего невидимого, преподаваемое христианством, гораздо сильнее, нежели убеждение в существовании видимого, доставляемое чувствами».

Там записано, что утром 12 апреля Анна Михайловна нашла Игорев крещальный крестик, – и вот он его надел – «впервые после крещения, бывшего 27 лет назад».

«Явный знак Божий, – пишет Игорь. – 1) указующий (м.б., приблизительно) день моего крещения (мать не помнит) – это радостно. 2) напоминающий слова Христовы: …возьми крест свой и следуй за Мной (Мф. 16, 26), – это пока тягостно». Вскоре настал Великий пост. Игорь на соревнованиях в Тбилиси. «Пост, – пишет он. – Познал опытно слова Да вида: колени мои изнемогли от поста и тело мое лишилось тука. Господи, спаси и сохрани!» 20 апреля Игорь вернулся в Москву и был на литургии в Богоявленском соборе. Он часто бывает в храме и так молится, что о нем сказал кто-то, видя его на церковной службе: «Это монах молится».

Он чаще всего сжигает написанное и, хотя еще набрасывает рифмованные стихи, но большей частью их перечеркивает, оставляет в черновом виде. 28 апреля 1988 года был он на вы ставке живописи К. Васильева, недавно умершего модного худож ника. «Интересно, талантливо, красиво, т. е. душевно, – пишет он. – А хочется духа! Людям нравится, говорят – возвращение к истокам (?). Каким? Истоки Руси в христианстве, а не в дремучем лесу. Васильев, видно, увлекался Вагнером (хоронили под его музыку), есть несколько работ о Нибелунгах. Потому и в картинах о Руси тот же языческий привкус (глаза). Соколиный взгляд, волчьи глаза. А хочется побольше доброты, любви, милосердия. Но тут уже Христос: милости хочу, а не жертвы». Игорь размышляет почти одновременно о православном богослужении и о «трех видах искусства» (литература, музыка, художество). Приходит к выводу, что «слово сильнее, чем звук и цвет… Слово – достояние человека, проявление его божественной сущности… Слово было Бог(Ин 1, 1). Не звук, не цвет, а Слово!!! Иначе евангелисты

должны были написать симфонии или картины, чтобы возвестить о Христе… Осмысливаем – значит сравниваем.

С чем? Со словом Божиим – оно критерий истинности всего».

Вот запись от 10 июня того же года. Это небольшое толкование на слова святителя Иоанна Златоуста: «Добродетель мы должны почитать не ради других, но ради ее самой». Игорь пишет: «Почему мы должны быть добродетельными? Почему мы должны творить добро?.. Нужно сердцем ощущать вкус добродетели, ее сладость и истинность. … Я делаю добро и через это убеждаюсь, что следую истине. Я творю добро, потому что это добро… Почему я должен быть добродетельным? Потому что я люблю добродетель».

Через несколько дней – запись в дневнике, где Игорь рассуждает о смерти. «Христианство дает знание о смерти и о будущей жизни, уничижая этим власть смерти. Да, и о христианине смерть знает все, но он знает о ней ровно столько, чтобы не бояться ее. Христианство превращает смерть из убийцы во врача, из не знакомца в товарища».

Игорь уже не раз говорил матери, что хочет уйти в монастырь, но она не принимала этого всерьез, а вообще была против этого. Когда в конце июня 1988 года Игорь поехал в Оптину Пустынь, она отнеслась к этому так же спокойно, как, бывало, к его поездкам в Псково-Печерский монастырь: мол, поработает на послушаниях и вернется. 21 июня Игорь прибыл в Оптину и пробыл здесь до конца августа. Он трудился на восстановлении обители, а в свободные часы вел свой дневник и читал. Он старался достать и про честь как можно больше книгоб Оптиной – это удавалось: старые издания, ксерокопии, машинопись… Не все отмечено в дневнике, но упомянуты два жизнеописания преподобного Амвросия (прот. Сергия Четверикова и иеромонаха Андроника), «Оптина Пустынь и ее время» И. М. Концевича, «Историческое описание Оптиной Пустыни» архимандрита Леонида (Кавелина), «Иеромонах Климент Зедергольм» К. Н. Леонтьева. Он читал «Лествицу» св. Иоанна Лествичника. В дневнике его появляются новые выписки. Вот, например, из слова св. Исаака Сирина: «В меру жития бывает восприятие истины». Из бесед пре подобного Варсонофия Оптинского: «Мир существует только до момента его окончательного самоопределения в сторону добра или зла. Мир существовал ради Тайны». Из творений святителя Иоанна Златоуста: «Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники

бывают согласны». А вот и из собственных размышлений Игоря: «Темные силы злятся на нас, потому что мы, приближаясь к Богу, осуждаем их (так человек, делающий добро бескорыстно, вызывает гнев и презрение у подлецов). Мы, немощные, скотские, и то выбираем Бога и стремимся к Нему, а они, бесплотные, зрящие величие Божие, уклоняются от Него. Наше стремление к Богу для них осуждение, намек на Страшный Суд».

Игорь принял решение остаться в Оптиной Пустыни. Ему пришлось выехать в Москву для того, чтобы рассчитаться с миром: на это ушло всего лишь две недели. 15 сентября он встал на колени перед матерью… «Я, конечно, знала, что сын собирается в монастырь, – вспоминает Анна Михайловна, – но и секунды не думала, что это всерьез. И вот настал день, когда сын опустился передо мной на колени – слезы в глазах, а он меня молит: „Мама, благо слови меня в монастырь“»… После отъезда сына она все время плакала. Однажды видела сон, – будто раздался звонок в дверь, и она, подумав, что вернулся сын, бросилась открывать, увидела за дверью старого монаха и захлопнула дверь… Вскоре снова раздался звонок, Анна Михайловна открыла, опять ожидая увидеть сына, но увидела незнакомую женщину со сложенными на груди руками – как для причастия… Ей смутно почудилось, что она видела ее на иконах. И тут она осторожно затворила дверь. Она не поняла, что все это означает…

17 октября 1988 года Игорь прибыл в Оптину Пустынь уже не на время. Вместе с другими рабочими и послушниками он был по селен в общей келье в монастыре, а потом переведен в Скит, в хибарку преподобного Амвросия, на половину, где и жил старец. В этот день он записал: «Пришел в монастырь. Преподобный отче Амвросие, моли Бога о мне!» Еще года не прошло с того времени, как обитель была возвращена Церкви. Шли усиленные труды по восстановлению келий и храмов. Скит был возвращен не весь – только Святые врата с двумя примыкающими к нему домиками: один бывший старцев, другой – скитоначальников. На остальной территории располагался филиал Калужского краеведческого музея, находились дома и хозяйства мирских семей.

Из домика старцев Игорь ходил на послушания. Это были ночные дежурства на вахте, разгрузка кирпича, переборка картофеля, работа в иконной лавке, в гостинице… Он имел большую физическую силу и

трудился усердно. Но уже тогда он удивлял своим высоким духовным устроением. Иеромонах Д. вспоминает: «Около пяти лет мне посчастливилось прожить рядом с о. Василием, а это был удивительный человек. Помню, зимой 1988–1989 года мы жили вместе в хибарке старца Амвросия. И хотя я был послушником, потом иноком, а он простым паломником, но уже тогда я чувствовал его духовное превосходство и особую духовную красоту… Он был сугубо монашеского устроения… Ему бы, как и о. Ферапонту и о. Трофиму – в Оптину столетней давности, ибо духом они были оттуда».

Келья старцев много говорила Игорю. Вспомним, как старец Нектарий оставлял какого-нибудь паломника в одиночестве, в ком нате, где живет и не исчезнет никогда благодатный дух великих на ставников и прозорливцев. И как много она говорила чуткой верующей душе! Вот пишет Игорь в своем дневнике 3 января 1989 года: «Свято-Введенская обитель, Оптина Пустынь достоблаженная, присно уповающая на милость Богоматери, на брегах реки, те кущей в живот вечный, взрастила чудное древо старчества и уподобилася еси граду, сошедшему с небес, идеже Богобитает с человеки, отымая от очей их всякую слезу, темже возликуем, братие, Христа Царя и Бога нашего воспоим и Владычицу мира Пречистую Деву восславим, яко дарова нам пристанище во спасение и наставников – отцев преподобных».

В Скиту, в домике великих старцев, будущий мученик за Христа продолжил писание церковнославянских поэтических текстов, в основном называя их стихирами. Уже по первым пробам, где церковнославянский язык еще не всегда правилен, видно, что это произведения многообещающие, созданные от сердца, вдохновленного верой в Бога. Талант церковного песнописца – явление редкое, и он, несомненно, был у о. Василия. Он и сам, вероятно, чувствовал это, так как его стихиры со дня на день становились и многочисленнее, и богаче.

17 ноября 1988 года Игорь записал: «Икона Казанской Божией Матери и икона преподобного Амвросия источали миро. Матерь Божия, укрепи нас! Старец святый, заступись за обитель!» На его глазах и при его участии из руин восставала обитель – в прошлом заштатная, ныне ставропигиальная. Ее священноархимандрит – Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II – благословил братию

Казанской иконой Божией Матери, некогда изъятой богоборцами у оптинцев.

Красота места, на котором располагается Оптина Пустынь, многими и в прошлом отмечавшаяся как имеющая неизреченную одухотворенность, навела и о. Василия на мысль о «словесности сотворенного», почерпнутую у святителей Иоанна Златоуста и Григория Богослова. «Все создано было Словом, – пишет Игорь, – и человеку, который уподобляется Слову, т. е. Христу, открывается словесная природа. Св. Амвросий куда бы ни взглянул, что бы ни услышал, везде находил эту словесность, потому он и говорил притчами, присказками и рифмами… Мир, сотворенный Словом, есть огромная Книга, Книга Жизни. Но читать ее может лишь тот, кто смотрит в нее чистым оком и чистым сердцем. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для ис правления, для наставления в праведности (2 Тим. 3, 16). Это сказано о Священном Писании, но то же самое можно сказать и о со творенном мире, ибо и это – Писание, и оно начертано великой десницей Святой Троицы».

Откуда же в людях столько непонимания духовного слова? «Людям затруднено проникновение в смысл слова, – пишет Игорь, – затруднено приобщение к силе слова, и тем самым затруднено сознание истины – только действием (могуществом) греха. Это следствие падения, преступления заповеди Божией. Адам не послушал слова, т. е. отвергся сам от понимания смысла, как бы разделился с ним, и мгновенно образовавшийся промежуток заполнил грех… Путь восстановления возможности слушания Слова и Его постижения и приобщения к Нему – вот смысл наших трудов».

Это серьезный уровень богомыслия. С ним пришел Игорь Росляков в монастырь, собираясь углублять свое понимание духовной жизни. Он еще даже не послушник, а душа его уже начинает монашествовать… Вот идет Великий пост 1989 года. Вслед за преподобным Андреем Критским, вероятно, – памятуя и «Плач инока» святителя Игнатия, Игорь изливает всю боль своего истинно покаянного состояния в дневнике. Он пишет целый ряд тропарей и стихир. Они производят сильное впечатление, хотя частью не доработаны и имеют множество вариантов. Окончательной отделки нет, а может быть, это было и не нужно ему: дневник не

предназначался для постороннего глаза. Но вот теперь мы читаем эти необычайной духовной красоты покаянные обращения к Господу.

«Откуду прииму слезы, аще не от Тебя, Боже? – говорится там. – Камо гряду в день печали, аще не во храм Твой, Владыко? Идеже обрящу утешение, аще не в словесех Твоих, Святый? Не отрини мене, Господи, и ныне помяни мя.

Яко Савл неистовствую на Тебя, Боже, ревностно гоню благодать Твою от себя, но Ты Сам, Владыко, явись сердцу моему, и ослепи оное светом любви Твоей, и аз, окаянный, возглашу: Что сотворю, Господи? (дабы ослепло оное от света любви Твоей и возгласило: Кто Ты еси, Господи?)

Отче, восстави мя – аз пред грехом коленопреклонен пред стою; Сыне, изведи мя из места студного моего жития; Святый, освяти ночь странствия моего; Троице непостижимая, да достигну Тебя безудержным покаянием.

К Тебе гряду, Отче, и утаити замышляю, яко Анания и Сапфира, часть души своей на дела постыдные; Тебе, Владыко, вручаю (приношу) житие мое, обаче тайную надежду полагаю в крепости моей (но тайно надеюсь на свою крепость); восстаю утренею Тебе славить, Святый, и сокрываюсь лукаво словес Твоих (и уготовляю часть некую лукавых словес); призри на немощь мою, Господи, и испепели тайное мое и Сам яви мя неосужденна пред Собою.

Ничесоже приемлет душа моя в утешение: аще окрест воззрю, лицемерный и лукавый приближается ко мне, аще ночь покрыет мя (сокроюсь ли в ночи), нечестие сердца моего поражает мя, несть мне прибежища; один токмо плач утверждение и упокоение мое.

Обличил мя, Господи, и преклонен есмь (приклонихся) пред Тобою; покрышася очи мои власами главы моея, да не узрит и ночь слез моих; токмо Тебе, Боже, – печаль моя; не оставь меня, смятенного, посети и спаси мя».

Это голос души глубоко христолюбивой.

Появляются в дневнике и оптинские моменты. Из «Исторического описания Оптиной Пустыни» Игорь выписал надпись на памятнике И. В. Киреевскому, который похоронен был в Оптиной Пустыни как трудившийся на ее благо: «Премудрость возлюбих и поисках от юности моея. Познав же яко не инако дерзну, аще не Господь даст, приидох ко Господу»[1]. Это только одна из надписей. Игорь, очевидно,

увидел в ней близость к своей жизни. Из той же книги архимандрита Леонида в дневнике Игоря – отрывок из «Духовной грамоты» оптинского игумена Авраамия (у о. Василия в дневнике: «Духовное завещание»), скончавшегося в 1817 году: «Отнелиже бо приях святый иноческий образ и постригохся в Московской епархии, в Николаевском Пешношском монастыре в тридесять третие лето возраста моего и обещах Богови нищету изволенную имети; от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжах имения».

Вообще во всем дневнике о. Василия почти нигде не выража ется «чувство немолитвенно». Но, конечно, выписал он часть гра моты игумена Авраамия как свое, близкое, чего бы и он хотел до стичь. А еще дороже оно ему оттого, что оно оптинское.

17 апреля по распоряжению отца наместника Игорь Росляков был в числе десяти рабочих принят в послушники и на следующий день переселен из Скита в один из братских корпусов монастыря. Запись о переезде Игорь заключил молитвенным прошением: «Батюшка Амвросий, не остави нас!» 29 апреля, в Страстную Субботу, восемь послушников, и среди них Игорь, были одеты в подрясники. 30 апреля, на Пасху, он пишет: «Милость Божия дается даром, но мы должны принести Господу все, что имеем».

Как бы предугадывая, что получит послушание летописца (он был им назначен осенью того же года, 22 сентября), Игорь пишет духовный очерк о праздновании Пасхи в Оптиной в 1989 году. Со хранился черновик, на самом деле – уже почти беловой текст. Это действительно историческая запись – и по описываемому событию, и в отношении самого автора, будущего мученика, который встретит еще лишь четыре Пасхи. Четвертая в его жизни будет последней.

Дневник Игоря отражает самое важное – жизнь его души. Всякая суета отринута. Он не пишет о том, кто рядом с ним живет, что делает, какие случаи и встречи бывают. Он сразу встал на путь молитвенного уединения.

9 мая 1989 года запись: «Почему Евангелие тру дно читать? Господь отвечает не на вопрошение уст, а на сокрытые помыслы сердца…»

13 мая, в день памяти святителя Игнатия: «Молиться святителю о даровании слез и покаяния». Творения святителя Игорь уже прочел, но не отложил в сторону: это чтение навсегда. Он связал с именем

святителя покаяние. В дневнике о. Василия среди его стихир – большинство покаянных, – шло это не от ума, а от сердца.

25 мая он пишет: «Стыжуся просити, окаянный, не имам словес к Тебе, Господи, токмо руце простираю и сердце, и яко нищий всеми отверженный и презренный, милости прошу и пропитания скудного (и прощения подаяние).

Ищу Тебе, Господи, и не обретаю; яко слепец ищу Тебе и поводыря не имам; тьма спеленала мя и отчаяние объяло мя; при дороге сижу и ожидаю, когда мимо идеши и услышиши стенания моя.

Слышу заповедь Твою: стучите и отверзется вам, но скорбь, Господи, одолела мя, связала руце мои и нозе мои, лишила мужества душу мою; при дверех сижу со плачем безмолвным: отверзи, Господи, и призри на мя, яко на расслабленнаго иногда».

Запись 3 июня: «Покаяние делает наше дело поистине добрым делом».

Покаяние не исключает духовных радостей. Вот идут оптинские иноки 14 мая крестным ходом на святой источник преподобного Пафнутия Боровского: «Повторение пасхальной радости», – пишет по этому поводу послушник Игорь, как всегда кратко. А далее черновик начала одной стихиры и двух полных, вошедших впоследствии в составленную им службу оптинским старцам.

В тишине своей кельи, думая о судьбах Оптиной Пустыни, о ее святых старцах, слышимый одному Господу, воспевает будущий мученик за Христа: «Воды, вспять возвратитеся и о временах утекших нам поведайте (возвестите); древа восклонитеся, труды и печали сокрытыя являя (явите); воскресните прах и камни (пепел), красоту древнюю зрети сподобите (сподобляя); вси бо узрим и ужаснемся, вся бо уведем и устыдимся; молим вас, отцы преподобные, не отвергните сынов недостойных, память вашу посильно совершающих» (25 мая 1989).

На Троицу этого года Господь послал утешение послушнику Игорю – в этот праздник был и день его Ангела (им был Игорь, великий князь Черниговский и Киевский, чудотворец, в крещении Георгий, в иночестве Гавриил – убитый киевской толпой 19 сентября 1147 года). «Отец наместник, – заносит он в дневник 18 июня, – благословил огромную просфору и поздравил меня и послушника И. П. с днем Ангела. В конце чина панагии в храме о. Владимир многолетствовал

нам, и братия подходила с поздравлениями. Господи, дай память о благоволении Твоем и нам, грешным, дабы не роптали мы в день печали, а проливали слезы покаяния». А вскоре искушение: «Приезжала мама с тетей Ниной. Причастились. Но не все спокойно. Слезы, упреки, уговоры ехать домой. Тесно мне от всюду! Укрепи, Господи, сердце мое смятенное и изнемогающее. Отцы Оптинские, старцы святые, помогите мне! Матерь Божия, утешь скорбную мою душу» (4 июля). Легко ли ему было видеть слезы горячо любимой им матери, которая оставалась на старости лет в одиночестве? Все было так непросто.

А в Оптиной происходят исторические события. 16 июля Игорь пишет в дневнике: «В Оптину из села Холмищи перенесены мощи иеросхимонаха Нектария. Часов около 8 вечера (я был дежурным в этот день у ворот) мы встретили честные останки о. Нектария, переложили их в гроб, перенесли в храм. Была отслужена великая панихида, мощи обнесли вокругхрама. Я по грехам и по лености к стяжанию благодати не был на службе, не присутствовал при обретении мощей, не участвовал в перенесении их во храм. Смотрел на все издали и сокрушался о недостоинстве своем. Вечер был необыкновенный. Прозрачный, тихий, лучезарный. В душе появилось ощущение об Оптиной такой, какой она была раньше при старцах. Святость наполнила воздух».

24 июля Игорь занес в дневник три новых стихиры, воспевающих возрождение Оптиной. Удивительна их духовная образность, оживленная глубоким чувством. Еще раз отметим, что это очень редкие по качеству вещи.

«Воста из мертвых земля Оптинская, – пишет он, – яко иногда Лазарь четверодневный; приииде Г осподь по мольбам отцев преподобных на место погребения ея и рече ей: гряди вон; воста пустыня и на служение исшед пеленами обвита, ликом воскресшим проповедь совершая, неверных обращая, ожесточенных умиряя, всех воздвизая вопити велиим гласом: Господи, слава Тебе!

Видя Господь Матерь Свою, яко вдовицу плачущу об обители умершей, милосердова о Ней и рече Ей: не плачи. И приступив коснуся чертогов (врат) монастырских; воста пустынь и начат глаголати и даде ея Матери Своей. Страх же объят вся, и славяху Бога глаголюще: яко посети Боглюдей Своих ради печали Матерней.

Се собор преподобных пришед, паде при ногу Иисусову и моляше Его много о пустыни Оптинской глаголя: яко дщи наша ныне умре, да пришед возложит на ню руце и оживет. Не умре бо земля, но спит, – глаголет пришедый Господь; и изгнан бысть из нея народ молвящ, воста обитель по глаголу Божию и возвратися дух ея и изыде весть сея по всей земле Российстей».

10 августа: «Радуйся, земле Оптинская, Заиорданье Российское! Ангелы место возлюбленное, человеком страна святая, дивны кра соты твоя, велия слава твоя, бездны обетования твои. Красуйся, благословенная, и ликуй, яко Господь Богс тобою!» Это духовная летопись возрождения обители.

Возможно, что по мере умножения оптинских гимнов все чаще являлась у Игоря мысль о каноне, посвященном ей и ее святым старцам, прежней и новой ее жизни. Далее появятся в дневнике одиннадцать тропарей преподобным старцам – Льву, Макарию, Моисею, Нектарию, Варсонофию, Антонию, Анатолию (старшему), Исаакию (первому), Никону, Анатолию (младшему) и Иосифу. Постепенно вырисовывались контуры двух канонов – оптинского и покаянного.

Но и это еще не все богатство дневника будущего оптинского мученика. Есть в нем очень выразительные и, безусловно, поучительные прозаические миниатюры.

Летом и осенью 1989 года Игорь пишет замечательные вещи, но, очевидно, никого не посвящает в это. Скорее всего – боится похвал, а особенно тщеславных помыслов. Творит втайне.

5 января 1990 года Игорь был пострижен в рясофор и наречен Василием – в честь святителя Василия Великого. В дневнике его после краткой записи об этом следует несколько выписок и собственных мыслей. Он пишет: «Храни зрение больше, нежели чрево. И. Сирин». «Убойся дурных привычек больше, нежели бесов. И. Сирин». «Келья – пристанище и прибежище от мысленных и сердечных бурь. Еп. Игнатий». «От ничтожного по наружности обстоятельства может для монаха возникнуть величайшее искушение и самое падение». «Молитва есть мать всех добродетелей. Дерзость есть мать всех страстей, т. е. вольность, свобода в обращении. Истинное христианство и истинное монашество заключается в исполнении евангельских заповедей. Где нет этого исполнения, там нет ни

христианства, ни монашества, какова бы ни была наружность. Монах – это тот, кто во всяком месте и деле, во всякое время руководствуется единственно Божиими заповедями и Божиим словом». (Это пересказ некоторых мыслей святителя Игнатия, у которого много раз читается: «Молитва есть мать добродетелей».)

Иконописец П. Б. вспоминает: «После пострига мы пришли поздравить о. Василия в его келью. Он предложил нам чаю и тихо сказал: „Видел сам не раз постриги и даже слезу пускал. Но это все иное“. Он был в особом состоянии благодати и той молчаливой сосредоточенности, когда мы без слов почувствовали – ему нельзя мешать, и быстро молча ушли».

Немного о. Василий сказал братии, но в дневнике в этот день и в следующие появились новые выписки и собственные размышления, основанные на прочитанном. Это выдержки из Евангелия о «гневе» и «скорби» Христа, слова из святителя Игнатия, из книги преподобных Варсануфия и Иоанна.

Далее – стихира, отзвук только что совершившегося иноческо го пострига: «Что за чудо зрю в себе бесплодном? Душа окамененная рассекается, очи пустые слезы источают. Се бо благодать коснуся души моея и сотвори мя чудом своим, яко да имею в себе свидетельство об истине превечной и обличение недостоинства моего».

Великий пост в 1990 году начался 26 февраля (по н. стилю). 23 марта, когда на утрени совершается поклонение Кресту и он уносится в алтарь, о. Василий пишет покаянную стихиру: «Всюду зрю Тя, Господи Боже мой, но не вижу Тя, Владыко, в сердце моем затворенном. Что за место сие презренное? Что за темница сия отверженная? Ты же, Господи, тьму адову облиставший сошествием Своим, сойди во мрачные бездны сердца моего – да не будет местом смертным душа моя, но селением славы Царствия Твоего, Господи».

7 апреля, в Лазареву субботу, был праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, а на следующий день – Вход Господень в Иерусалим. В э тот день о. Василий был рукоположен владыкой Калужским Илианом во диакона. 25 апреля, на память исповедни ка Василия, епископа Парийского (и других святых), о. Василий записал: «Первый раз служил самостоятельно литургию. Читал Евангелие от Ин. 5, 17–24». 9 мая, на Преполовение Пятидесятницы (память

священномученика Василия, епископа Амасийского и других святых), о. Василий отметил: «По благословению отца намест ника после акафиста Казанской Божией Матери говорил проповедь. Впервые в жизни».

К этому времени о. Василий стал и канонархом. Отец Василий хорошо знал службу, с большим вниманием и трепетом относился к богослужебным текстам, которые он произносил осмысленно, сохраняя все оттенки (об этом вспоминали многие оптинцы). 23 августа состоялся постриго. Василия в мантию – «в честь и память Василия Блаженного, московского чудотворца», как он записал. А на Собор Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, 21 ноября 1990 года, он был рукоположен во иеромонаха. Спустя некоторое время о. Василий записывает: «О предстоянии Престолу Божию. 1. От грешников первый есмь аз. Умолять Господа о грехах своих и людских. Милости просить. 2. Себя распинать, в жертву приносить. Страсти, похоти, нечистые помыслы терзают душу, но терпеть надо и совершать дело благочестия, исполняя заповеди Христовы».

Отец Василий ведет по возможности уединенную жизнь, чуждаясь посторонних встреч и разговоров. Когда его спросили – где легче молиться, в церкви или в келье? – он ответил: «Я не знаю, как кому… Но говорят, что в церкви, как на корабле, – другие гребут. А в келье – как в лодке: сел на весла и будь добр, греби. Хватит ли сил?..»

Келья о. Василия была в ветхом деревянном братском корпусе. Как она выглядела, что в ней находилось, мы отчасти знаем из воспоминаний бывавших в ней. Там была раскладушка, на которой лежали доски, а сверху войлок. В головах же два с половиной кирпича из старого склепа преподобного Амвросия (оптинцы почти все кирпичи оттуда взяли себе на возглавия). Вместо стула – толстый чурбак. Из икон: великомученица Параскева с тремя святителями; большая репродукция Св. Троицы преп. Андрея Рублева, для которой о. Василий сделал очень красивую рамку из расщепленных березовых веток. Была еще написанная Павлом Бусалаевым для о. Василия икона трех святых: Игоря, Черниговского и Киевского Великого Князя, Василия Блаженного и Василия Великого. Иконы на божнице иногда менялись: то ему дарили, то он раздавал. Возле них лежали разные святыньки. На аналое лежала Псалтирь. На столе и на ветхой этажерке

книги стопами… Евангелие с многочисленными закладками… В пустой книжной полке, поставленной на стол, – фотографии оптинских старцев. На стене – фотопортрет архимандрита Иоанна (Крестьянкина), про которого он говорил: «Вот истинный старец. Вот молитвенник. Как он мне близок!»

В тумбочке, обитой пластиком, он держал чайные принадлежности. Отец Марк вспоминал: «Там же был пакет с конфетами. На протяжении долгого времени, по меньшей мере года, я наблюдал такую картину, что он благословлял уходящим конфеты – „Белочку“, завернутую в желтую фольгу конфету с орехами и еще какую-то другую… Сколько там было этих конфет, я не знаю, потому что иногда он давал по три… Это был какой-то бездонный пакет. У него руки большие, движения размашистые… Он запускал руку в этот пакет, шарил, доставал: „На вот тебе!“»

Из книг, бывших в келье, в частности упоминают дореволюционного издания требник, «Лествицу», творения святителя Игнатия, включая его «Отечник». Святитель Игнатий был для о. Василия едва ли не главным руководителем в его духовной и вообще монашеской жизни. Иеромонах Ф. вспоминает, что о. Василий «читал о монашестве святителя Игнатия, перечитывал много раз, – изо всех сил старался следовать». Из сочинений святителя Игнатия о монашестве главное – «Приношение современному монашеству», занимающее почти весь пятый том его сочинений. Это полное руководство для инока, разделенное на два отдела. Первый: «Правила наружного поведения для новоначальных иноков»; второй: «Советы относительно душевного иноческого делания» (50 глав). Во второй отдел включены также как бы предваряющие «Отечник» выписки из творений святых Макария Великого, Марка Подвижника, Исайи Отшельника, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника. Это сочинение в сжатом виде обнимает весь кругвопросов, связанных с житием монаха. В первом томе сочинений святителя есть еще одна довольно обширная работа на эту тему – «О монашестве. Разго вор между православными христианами, мирянином и монахом». Однако у святителя Игнатия и все другие его сочинения, а также и письма его, посвящены не чему-нибудь иному, а только жизни духа, поискам путей к вечному спасению во Христе. Это все писания неустаревающие и, вместе с тем, преисполненные древнего монашеского духа. Недаром «Отечник» и

заключает собрание творений святителя: все прочие произведения как бы подводят к нему.

Отец П., оптинский иеромонах, вспоминал признание о. Василия: «Говоря о современном монашестве, он признавал, что мы сейчас не можем повторять тех подвигов, которые несли древние… Но все равно, – говорил о. Василий, – мое сердце на стороне того монашества». Это очень хорошо видно по дневнику о. Василия – весь его строй дышит духом древности, а кроме того, есть там и примеры слов и действий Великих – Арсения, Антония, Пимена и других преподобных.

«Отечник» о. Василий прочитал еще в миру. Против некоторых мест он поставил карандашом «птички» (60 отметок). Вышло так, что выделенные отрывки рисуют душевное устроение о. Василия, сложившееся в своих началах к тому времени, когда он стал иеромонахом. Больше всего отмечены им места из поучений святых Антония Великого и аввы Исайи. «Никого, ни по какой причине, не обличи в недостатке его», – сказал св. Антоний. Отец Василий ни когда не обличал, старался не осуждать никого. «Сын мой! – говорит св. Антоний, – не умножай слов: многословие удалит от тебя Духа Божия», и еще о том же: «Сын мой! Великая слава приобучиться молчанию. Молчание – подражание Господу нашему, Который ничтоже отвеща, яко дивитися Пилату». Немногословие о. Василия и удаление его от всяких бесед засвидетельствовано многими из знавших его. Снова Антоний Великий: «Никому не предлагай того, никого не учи тому, что прежде сам не исполнил на деле», – о. Василий строго следовал этому требованию. Еще св. Антоний: «Жизнь души есть непрестанное памятование и любление Бога. Это по преимуществу должно быть именуемо жизнью души и духа». Этой-то жизнью и жил в Оптиной Пустыни о. Василий. «Сказал авва Марк авве Арсению: по какой причине ты избегаешь общества и беседы с нами? Арсений отвечал: знает Бог, что я люблю вас, но не могу быть вместе и с Богом и с человеками… Не могу, оставив Бога, быть с человеками». Отец Василий не отвечал такими словами на подобные вопросы, но поступал (есть и этому много свидетельств) так же, как авва Арсений.

Вот поучает авва Исайя (перед цитатой скажем, что здесь все, без преувеличения, приложимо к о. Василию): «На вопрос: в чем состоит

смирение? – авва Исайя отвечал: смирение состоит в том, чтоб человек сознавал себя грешным пред Богом – не сделавшим ни одного доброго дела, благоугодного Богу. Возделывается же и выражается смирение следующими действиями: когда кто сохраняет молчание, когда не вменяет себя ни в каком отношении, когда уклоняется споров, когда кто послушлив, когда держит глаза опущенными к земле, когда имеет постоянно смерть пред взорами ума, хранит себя от лжи, удаляется от суетных и греховных бесед, не противоречит старшим, не настаивает на своем мнении и слове, переносит поношения, ненавидит праздность и негу, понуждает себя на телесные подвиги, когда никого не оскорбляет».

Слова аввы Силуана также созвучны внутреннему устроению о. Василия: «Возлюби смирение Христово и старайся соблюдать во внимании ум твой во время молитвы; где бы ты ни был, не выказывай себя остроумным, и Богдарует тебе умиление». Еще в миру, будучи человеком очень известным, заметным, уважаемым и многими любимым, он удивлял всех своей молчаливостью, нежеланием первенствовать в беседах, хотя, несмотря на это, его кратко высказанное мнение принималось всеми как самое разумное решение того или иного вопроса. Уже тогда он строго держал пост, читал духовные книги, все более проникался любовью к монашескому образу жизни. В Оптиной Пустыни эти дары Божьи он старался умножить. Так что в «Отечнике» святителя Игнатия о. Василий отмечал то, что глубоко сродно было его христолюбивой душе.

Оптинские иноки припоминали потом все, что знали об о. Василии. Их рассказы удивительны: подвижник старался все скрывать от людей, а Господь ставил его в пример другим и особенно – после его мученической смерти. Вот говорит о. И.: «Он был удивительно цельный человек и очень богато одаренный… У него все было стройно и осмысленно… У него никогда не было человекоугодия, – он был перед Богом, это его редкое качество выделяло его, пожалуй, из всех братий, кого я знал… Требовательность к себе была у него предельная: никаких компромиссов, ни малейшего самооправдания, только грех… он очень был чутким к голосу совести…

Это один из тех людей, который без Оптины не мыслил своей жизни… Он часто ходил на могилы к старцам. У него жизнь, конечно, была сокровенная, и это было естественно. Как настоящий монах, он

многое скрывал… Он умел хранить уста. Празднословящим его или, тем более, злословящим или осуждающим никто никогда не видел… Он старался избавиться от всего, что мешает жизни духовной… Стремление к Богу – именно этим объяснялось его постоянное сильное желание очищения, потому что грех разделяет нас с Богом. Это дар видения греха, самый драгоценный дар, который прежде всего нам необходим… Он нес его в такой полноте, в какой я не видел у молодых ни у кого… Он верил Промыслу Божию непоколебимо и молился нашим старцам, а особенно близок был ему батюшка Амвросий, и совершенно явно, что он получал благодатную помощь и просвещение… Если возможно было ему как-то уединяться, скажем, на неделе, он всегда уединялся… Это может понять только человек, который живет внутренней жизнью, монах… Он был все время в состоянии покаяния и плача… Он шел этим единственным путем, о котором говорили святые Отцы, – трезвения и молитвенного покаяния и плача. В нем он все время пребывал. И когда терял его, то всегда старался восстановить. Он читал много, и по мере того как читал, находил ответы на свои вопросы. Конечно, не только святителя Игнатия. Епископ Игнатий действительно много дает, многие вещи разъясняет для монахов истинного делания нашего времени. Епископ Феофан универсален – он для всех, а вот для монахов, для людей монашеского устроения, прежде всего – святитель Игнатий и старцы. Отец Василий выбрал верный курс изначально, поэтому он шел как корабль… Не было никаких перерывов – все постоянно. Он на подворье полную тяготу послушания нес, как там ни было трудно… Послушание он нес без всякого ропота».

Рассказчик – о. И. – хорошо знал о. Василия, насколько вообще можно знать монаха в его внутреннем облике. Он и о. Василий, по благословению, данному им, исповедовали другдруга. В его рассказе, как мы видим, духовный облик о. Василия не снижается в сравнении с приведенными выше выписками из «Отечника». То же и в рассказе о. М.: «Когда я вспоминал об о. Василии после его смерти, чаще всего мне приходило на ум слово – великодушие… Добродетель великодушия тождественна кротости. По св. Иоанну Лествичнику во втором, третьем и четвертом параграфах 24-го Слова – „кротость есть неизменное устроение ума, которое и в чести и в бесчестии пребывает одинаковым“; „кротость состоит в том, чтобы при оскорблениях от

ближнего без смущения и искренно о нем молиться“; „кротость есть скала, возвышающаяся над морем раздражительности, о которую разбиваются все волны, к ней приражающиеся: а сама она не колеблется“. Вот это, послед нее, высказывание хорошо характеризует о. Василия. Он, как любой человек, любой монах, так или иначе участвовал в жизни братства и, вообще, в жизни мира сего, но его устроение было таково, что он до себя не допускал. Кротость и великодушие в мирском понимании отличаются от того, что мы прочитали у Лествичника. Он могдействительно покрыть то, что до него достигало. Он выслушивал, могпосочувствовать, но видно было, что он до себя этого не допускал, – поэтому могсохранять свое устроение».

Может быть, не очень яркие примеры, но характерные, – когда о. Василий еще диаконом служил в Шамордине, он не сердился на старенькую монахиню, забывавшую поставить аналой для чтения Евангелия, а спокойно ставил сам. Потом, будучи уже иеромонахом, исполнял во время службы обязанности диакона, почему-то не пришедшего, а также зажигал вместо пономаря лампадки семисвечника. Не только спокойно, но и с любовью.

Еще один свидетель приводит характерные для о. Василия черты его облика – наружного и внутреннего (это о. И-н): «Я впервые увидел о. Василия, когда он был в канцелярии секретарем о. Евлогия (сейчас владыки). Отец Василий тогда ходил в простой рубашке в мелкую клеточку. В нем было что-то необычное; хотелось его рассмотреть и понять – в чем изюминка. Он был рослый, богатырского телосложения, с правильными чертами лица… Его об лик изумлял, – хотелось почувствовать такого человека. Он был настолько скромный, что было неудобно к нему подойти с праздными вопросами, хотя с другими разговор завязывался сам собой. Наверное, он тогда уже читал Иисусову молитву… и потому разговоров не было… Когда о. Василий стал монахом, иеромонахом, то стал еще больший интерес вызывать у меня… Из числа братии о. Василий особенно выделялся, – сосредоточенный, с молитвой, гла за в пол, собранный. Мне было интересно, соответствуют ли такие внешние монашеские манеры его внутреннему состоянию. Это не было позой, – я про себя отмечал, что действительно соответствовало… Он обычно сидел у себя в келье, выходил только в храм и в трапезную; если к нему обращались с

вопросами, он отвечал кратко и сразу шел в келью. Я не видел его даже прогуливающимся».

Отец Василий носил старую рясу, на которой были даже заплаты, – он сам и стирал ее. На ногах – кирзовые сапоги (с портянками, по-солдатски): это были его еще послушнические сапоги. Кто-то вспоминал: «Батюшку Василия было слышно издалека: когда он шел, то сапогами гремел». Попытки переобуть его во что-нибудь поудобнее не удавались. Так, до конца жизни он в этой кирзе и проходил: зимой и летом, в монастыре и в Москве на послушании; во время поездок в Троице-Сергиеву Лавру (он учился заочно в Московской Духовной семинарии).

Есть воспоминания и о том, как о. Василий постился. Это, конечно, отрывочные наблюдения, но уже и они весьма красноречивы. Случалось и так, как вспоминает тогдашний повар: «Придет, бывало, поздно, и спросит деликатно: „А супчику не осталось?“ – „Нет, отец Василий, уж и кастрюли вымыли“. – „А кипяточку не найдется?“ – Хлебушек да кипяточек – вот он и рад. Кроткий был батюшка, тихий». Вот другое воспоминание: «Был Успенский пост 1991 года, когда о. Василий служил в Шамордине. Я тогда только поступила в монастырь, работала на послушании в трапезной и беспокоилась, что батюшка не обедал. Шел дождь. И где-то в три часа дня я увидела в окно, как о. Василий идет под дождем спокойным шагом с красной дароносицей на груди, прикрывая мантией Святые Дары. Он ходил в деревню Каменку причащать больного. Потом зашел в трапезную и, отказавшись от обеда, попросил немного кислых ягод. Принесла я из кладовки ягод, он поел их немного, а на ужин не при ходил. На следующий день в обед он опять поел лишь немного ягод и опять не пришел на ужин. Лишь на третий день он съел с ягодами немного ржаного хлеба. Помню, я сильно удивилась такому воздержанию. Постом и так пища скудная, а он и этого не ест?» «У него, между прочим, – говорит о. М., – был прекрасный аппетит. Я с ним не сидел вместе за священническим столом, а отцы обращали внимание, что он старался есть овощи. К нему даже пододвигали тарелки с салатами. Не с его слов, а по моим наблюдениям, я замечал, что рыбу он ест неохотно… А другие мне говорили, что в отношении молочного тоже… Он по Лествичнику жил: и то мог, и то».

Вспоминают, что о. Василий был чужд смиреннословия. «Характернейшая черта о. Василия – отсутствие разговоров о смирении. И он даже это слово в наставлениях умудрялся обходить. И ни о каком смиреннословии никогда не могло быть и речи. Он хранился от этого. И на исповеди, и при советах он говорил, что о смирении мы говорить вообще не можем» (о. М.).

Вот еще некоторые штрихи из воспоминаний об о. Василии. «Когда о. Василий выходил из алтаря, когда заходил в храм, он ни когда глаз не поднимал» (м. Ф.). «Отец Василий не желал общений. Он убегал в келью свою» (она же). «Он нам говорил: „Нужно понять, что монашество заключается не в одежде, даже не в правиле, которое мы никогда не будем исполнять, а в покорности воле Божией“» (м. Л.). «Отец Василий был человек очень большой воли. Мне кажется, что он никогда в жизни не опускал свое молитвенное правило, – говорит о. Ф. – Помню, во время поездки в Архангельскую область мы с ним так уставали порой, что я думал: „Какое тут правило читать? Только бы рухнуть“. А он качался, но все равно читал правило… Полунощницу читал каждый день, повечерие все вычитает… Мы уже на ногах не держимся, не стоим, падаем, а он все стоит, читает». «Не смотря на свой строгий и иногда даже неприступный вид, о. Василий не производил на меня лично впечатления какого-то гордеца, холодного и нелюдимого человека. Ну, может быть, это потому, что я с ним пообщалась, почувствовала его неравнодушное сердце. А так, я знаю, что некоторые говорили о нем, что это гордец. Мне это непонятно. Просто он был человек с глубоко сокровенной внутренней жизнью. Мне кажется, это было видно с первого взгляда» (Е.).

Будучи иеромонахом, о. Василий продолжает делать записи в своем дневнике, которые, как и все, сюда занесенное, все более рельефно рисуют его духовный облик. После 2 июля 1991 года он не выставлял дат, писал подряд… Вот некоторые отрывки: «Богатство монаха – утешение, находимое в плаче, и радость от веры, воссиявающая в тайниках ума». «Жизнь – т. е. все и вся – это милость Божия, кротость Его и смирение. Это все для нас, ради нас». «Трудная, но высокая задача христианина – сохранить в себе великое счастье незлобия и любви». «Если взыщем Бога, то Он явится нам, – и если будем удерживать Его в себе, то Он пребудет с нами. Арсений Великий». «Евангелие – это уста Христовы. Каждое слово Спасителя – это слово

любви, смирения, кротости. Этот дух смирения, которым говорит с нами Спаситель, не часто является нам, потому и Евангелие иногда непонятно, иногда не трогает нас. Но… постигается, открывается дух Евангелия Крестом Христовым. Если увидим, что где бы ни находился Христос, что бы Он ни говорил, Он говорит это со Креста, – тогда открывается нам дух Евангелия. Дух смирения, кротости, бесконечной любви Господа к нам грешным». «Грех – разлучение с Богом».

«Сердце обнищавшее, лишенное благодати, а значит, и силы, подвластно телу и исполняет его хотения и желания». «Укрепить свое сердце, наполнить его благодатью и одолеть, подчинить тело сердечным стремлениям и намерениям – вот задача. Поставить сердце во главу, сделать его владыкою своего существа и отдать его в подчинение Христу за ту милость и ту благодать, которою Господь и укрепил и обновил это сердце». «Через вхождение, погружение ума, соединенного с чувством, в слово молитвы, входим в Царство Небесное, которое внутри нас. Там Царство Духа, там дом наш родной, в который вселяется смиренная и умиленная душа, дивясь непрестанно милости Божией, покрывающей ее нищету и греховность».

«Всюду труд, всюду терпение, всюду тягота жизни. Но в одном случае помогает Господь, а в другом отступает. В одном случае иго Господне, в другом – иго диавола. Господь не отнял окончательного наказания за грех – тягота жизни осталась, но жизнь преобразилась в Духе. Дух этот дается несущим иго Христово, выбирающим исполнение заповедей Божиих, а не служение плоти и крови. Господи, даждь мне силу избирать во всем иго Твое благое!»

«Как пленник связан веревками и лишен свободы действия, так падший человеческий ум связан мыслями лживыми, неправыми, и так связано человеческое сердце желаниями похотными, нечистыми, страстными.

И как пленники бывают с различною степенью свободы действия: один заключен в оковы, другой в темницу, третий в стены тюрьмы, так и человеческое сердце и ум бывают с разною степе нью истинности в мыслях и чувствах. Но пленник остается плен ником, в каком из видов заключения он бы ни находился, – так и падшие ум и сердце остаются падшими, т. е. неистинными, о чем бы они ни составляли свое мнение в мыслях и чувствах. Поэтому Господь говорит: Познаете истину, и истина сделает вас свободными (Ин. 8, 32), а святый апостол – Где дух

Господень, там свобода (2 Кор. 3, 17)». «Когда осуждаешь, молиться так: ведь это я, Господи, согрешаю, меня прости, меня помилуй!» Последняя запись дает ключ к пониманию о. Василия как духовника. Почти на последней странице дневника он пишет еще следующее: «Воз любить ближнего как самого себя, молиться за него, как за самого себя, тем самым увидев, что грехи ближнего – это твои грехи; сойти во ад с этими грехами ради спасения ближнего своего». Он часто исповедовал в храме. Сначала к нему подходили с некоторым недоверием и немногие, но со временем – да и очень быстро – все изменилось: к нему, когда он исповедовал, стали выстраиваться длинные очереди.

Паломница Е., тогда еще далекая от Церкви, приехала в Оптину. Вот ее впечатления, очень непосредственные, от о. Василия: «Придя в храм, я увидела две очереди, одну очень длинную, другую поменьше. Люди стояли на исповедь… И тут я обратила внимание, что в углу (там, где сейчас Распятие) исповедует тот самый, первый увиденный мною монах. И очереди к нему совсем никакой нет, а исповедуется всего один какой-то человек… Я сначала было поду мала, что к этому священнику не пойду, т. к. он еще молод, а мне хотелось поговорить с кем-нибудь постарше, а, следовательно, как я считала, поумнее… Выглядел он, конечно, очень внушительно: огромный рост, крупные, четкие, строгие черты лица. Кроме того, я обратила внимание, что он слушал исповедь с закрытыми глазами, как бы отрешенно. Словом, вид у него был неприступный… Идти или нет? Деваться некуда – надо идти…

В том, что именно мне надо сказать, я так и не смогла разобраться. Поэтому просто сказала, что никогда в жизни не исповедовалась и не знаю, как это делается. Тогда о. Василий стал задавать мне вопросы. Я отвечала на них с некоторым даже самодовольством – ничем особенным не согрешила. Но когда дело дошло до исповедания веры и выяснилось, что я верю в переселение душ, не считаю Иисуса Христа истинным Богом, не соблюдаю постов и вообще считаю, что Православие слишком уж устарело, оно только для старух, он буквально схватился за голову, т. е. встал, обхватив голову ладонями, а локтями упершись в аналой, и тяжело вздохнул. Меня поразило сразу, в этот же момент, что он вздохнул так, как будто очень переживает за меня и сожалеет о моем заблуждении, от всего сердца сожалеет… И

стал говорить: „Мы придумываем себе сладкие сказки, чтобы облегчить себе жизнь“ (дальше я, к сожалению, не помню дословно), – которые мешают нам принимать жизнь такой, какая она есть… Может быть, не помню потому, что никаких ярких, запоминающихся фраз он не говорил, слова у него были очень простые, кроме того, я тогда вообще не могла вместить в себя ничего по-настоящему духовного. То есть не слова по-настоящему меня затронули. Сначала вот этот его тяжкий вздох обо мне резанул прямо по сердцу. А немного погодя пришло сознание того, что главное – то, что он так со мной говорил, так держал себя, как человек, который знает Ис тину. Глубокий, серьезный, умный и явно образованный человек, которому невозможно не поверить. Отец Василий так и остался для меня человеком, благодаря которому я поняла, что Истина есть и что она именно здесь, в Православной Церкви». А вот говорит об о. Василии как о духовнике иеромонах о. М.: «Отец Василий был хорошим духовником. И именно в этом, в первую очередь, его ценность, может быть, и перед Богом, и пред людьми… Его внутренний облик, понимание Священного Писания и способность донести дух Священного Писания, любовь к Священному Писанию, любовь к богослужению и, как плод всего этого, конечно, духовничество. Я считаю, что в о. Василии мы потеряли в первую очередь выдающегося духовника».

Характерен рассказ художницы И. П., которая вспоминает о своей первой исповеди в Оптиной Пустыни и именно у о. Василия (это было в 1992 году): «Я лишь недавно крестилась, – пишет она, – а на исповедь пошла к ближайшему аналою, даже не зная еще, что мне дано было исповедаться у о. Василия. Исповедоваться я тогда совсем не умела, но, помню, вдруг заплакала, когда о. Василий накрыл меня епитрахилью, читая разрешительную молитву. Не знаю, как это выразить, но я чувствовала такую любовь и со страдание о. Василия, что слезы лились сами собой от ощутимого милосердия Божия».

Во время Херувимской песни, как вспоминает Е., – «он пре кратил исповедь, отвернулся к стене и встал, прижавшись лбом к древку прикрепленной к стене хоругви».

Оптинский рабочий Н. И. рассказывает: «Случилось в моей жизни такое страшное искушение, что я решил повеситься. Шел на работу в Оптину лесом и всю дорогу плакал. Иеродиакон В., узнав, что со мной,

сказал: „Тебе надо немедленно идти к о. Василию“. И тут же повел меня к нему в келью. Отец Василий стирал тогда в келье свой подрясник и был одет по-домашнему, в старенькие джинсы с заплатами на коленях и мохеровый свитер, уж до того выношенный, что светился весь. Знал я о. Василия уже несколько лет и, честно сказать, не понимал – то ли он хмурый, то ли строгий? А тут он просиял такой улыбкой, что у меня вдруг растаяла душа. Говорили минут 10–15. Помню, о. Василий сказал: „Если можешь – прости, а не можешь – уйди“. Помолился еще. Вышел я от него в такой радости, что стою и смеюсь! Скажи мне кто-нибудь 10 минут назад, что я буду смеяться и радоваться жизни, я бы не поверил. А тут радуюсь батюшке: родного человека повстречал… Стал я после этого ходить на исповедь к о. Василию».

Настоятель Козельского Никольского храма протоиерей Вале рий рассказал следующий поразительный случай: «У прихожанки нашего храма Н. В. умирал муж, и она попросила меня причастить его на дому.

К сожалению, предсмертная болезнь осложнилась беснованием – больной гавкал, отвергая причастие. Я не решился причащать его, посоветовав обратиться в Оптину Пустынь. Оттуда причащать умирающего послали иеромонаха Василия. По словам Н. В., больной сперва с лаем набросился на батюшку, а потом стал от него уползать. И все-таки о. Василий сумел исповедовать и причастить его. После причастия муж Н. В. затих и пришел в себя… Кстати, это был не единственный случай, когда о. Василию удавалось причастить тех тяжко болящих людей, которые никак не могли причаститься из-за беснования перед Чашей».

Иконописец П. Б. рассказал о. Василию о свалившихся на него «невероятных искушениях» и задал вопрос: «Отец, скажи, откуда столько ненависти и необъяснимой злобы?» – «Отец Василий, – рас сказывает он, – был спокоен и ответил по-монашески, из Святых Отцов: „Ну, ты же знаешь, что сказано: каждый, любящий Бога, дол жен лично встретиться с духами зла. И это сказано не про святых, а про обыкновенных людей вроде нас с тобой“. Тут я успокоился, не запомнив, в точности, что о. Василий сказал дальше, но запомнил поразившую меня мысль. Отец Василий сделал жест рукой, означающий движение по восходящей, и сказал кратко то, что я могу

передать так: каждый любящий Бога должен лично встретиться с духами зла. И чем больше любовь, тем яростней брань, пока уже на высшей точке этой нарастающей брани на бой с человеком, любящим Бога, не выйдет главный дух ада – сатана».

Иногда из Оптиной и из Шамордина, когда там служил, о. Василий ходил на исполнение треб в окрестные деревни. Об одном таком случае рассказал рабочий С. С.: «Однажды в Оптиной Пустыни узнали, что в одной из дальних деревень лежит в одиночестве в избе парализованная православная подвижница. Иногда к ней заходили соседи, приносили еду или топили зимою печь. Но большей частью она лежала одна – порой в нетопленной избе. Чем она питалась, никто не знал, но рассказывали, что она всегда в радости, всегда молится и славит Христа. Когда же болящую спросили, чем ей помочь, она попросила одного – причастить ее. Узнав об этом, о. Василий тут же вызвался поехать к ней и взял меня с собой. Помню, вошли мы в избу и увидели живые мощи. А подвижница воссияла при виде о. Василия и запела: „Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!“ Она пела ему Пасху, возможно, провидя, что на Пасху батюшку убьют. Потом о. Василий стал ее исповедовать, а я вышел из избы. Но помню, в каком потрясении был батюшка от этой встречи, и на обратном пути все повторял: „Какая вера! Куда нам до нее?“»

Отец Василий первым стал ездить в тюрьму калужского города Сухиничи. Там неподалеку от новой тюрьмы была старая, бывший дом купца Смольянинова, где много оптинцев перебывало в годы гонений и откуда уходили потом по этапу в далекие северные лагеря… «Приезжали мы в тюрьму сразу после обеда, – вспоминал о. Ф., – а уезжали в два часа ночи или же ночевали в тюрьме. Вся тюрьма уже, помню, спит, а у о. Василия все очередь на исповедь, и разговаривал он с каждым подолгу. Запомнился такой случай. Храма в тюрьме тогда еще не было – его построили сами заключенные после убийства о. Василия. А в ту пору крестить приходилось в бане. И вот пришли креститься 39 человек, а сороковой был, на их языке, „авторитет“, – богохульник был страшный, рассказывали, и пришел вместе со всеми в баню поерничать и позабавить ся. Перед Крещением о. Василий сказал проповедь. Этот человек очень серьезно слушал ее, а потом попросил: „Батюшка, а мне можно креститься?“ И стал спешно раздеваться.

После Крещения этот человек подошел к о. Василию и говорит: „Батюшка, я хочу покаяться в моих грехах. Можно мне исповедаться?“ Исповедовал его тогда о. Василий часа два. А на прощанье он попросил о. Василия дать ему почитать что-нибудь о Боге. По-моему, о. Василий дал ему книгу „Отец Арсений“».

Ездили оптинцы и в город Ерцево Архангельской области, где они освятили молитвенный дом и крестили людей по двадцать человек в день. Жительница этого города Т. Ф. Ц. пишет: «Крестил меня о. Филарет, а перед Крещением исповедовал о. Василий. После исповеди он принес Евангелие и сказал: „Читай!“ Я так и сделала. И вот после Крещения все ушли из церкви, а я стою и не могу с места сойти. Какая же духовная сила была у о. Василия! Словами не выскажешь, но Крещение изменило меня и всю мою жизнь. Я не стала есть мясо, строго соблюдаю посты. Каждый день читаю утренние и вечерние молитвы, Евангелие, кафизмы, акафист на каждый день».

Легок был на подъем о. Василий, когда просили его поехать для исповеди и причастия. Игумен П. вспоминает: «Однажды в два часа ночи позвонили из больницы, сказав, что умирает православный человек и надо прислать священника. Я знал, что о. Василий перегружен уже до предела. Но кого послать? Этот стар, тот бо лен… И я постучался в келью о. Василия. Вот что меня поразило тогда – он будто ждал моего прихода, был одет и мгновенно поехал в больницу. Причастить больного не удалось, так как он уже был без сознания, но всю ночь до последней минуты рядом с ним был и молился о. Василий».

Не всегда и не сразу отзывался о. Василий на стук в дверь своей кельи. Отец М. вспоминает, как однажды часов в 8 вечера несколько братий пришли к нему с «важнейшим» вопросом. Стучали долго и усердно. Вышел о. Амвросий (сосед). Потом еще и он долго стучал к о. Василию. Отец Василий вышел недовольный, но принял большое участие – проблема была общей болью.

Отец Василий любил свою мать, Анну Михайловну, но и для нее не нарушал монашеского жития. Он заезжал к ней на краткое время, – повидаться, что-нибудь взять. Чаще всего это было во время поездок о. Василия в Троице-Сергиеву Лавру для сдачи экзаменов в семинарии или во время несения послушания на московском под ворье Оптиной Пустыни. Настоятель подворья в Москве о. Феофилакт говорит: «У о.

Василия было много друзей и родных в Москве, но я не благословлял его звонить кому-то. Да и сам он уклонялся от общения с миром. Он был истинный монах и даже в Москве жил будто в затворе, зная одну дорогу: келья и храм». Отец П. рассказывал: «После рукоположения во иеромонаха я служил сорок литургий с о. Василием на московском подворье и жил с ним в одной келье. Нагрузка, помню, была огромная. Исповеди шли до одиннадцати вечера и позже. И когда к полуночи уже без сил мы возвращались в келью, то очень хотелось отдохнуть. Присядем на минутку, а о. Василий уже поднимается, спрашивая: „Ну что, на правило?“ Спрашивал он это мельком, никому ничего не навязывая, и тут же уходил молиться. После правила он где-то до двух ночи читал молитвы, готовясь к службе, а в четыре утра просыпался, снова вставал на молитву. Запомнилось, как необыкновенно тщательно он готовился к службе и как благоговейно, с любовью служил». Отец П. вспоминает, что перед совершением Таинства Крещения о. Василий всегда говорил новую проповедь, – «у него не было дежурной „заготовки“ на все случаи… Он говорил, как хотела сказать его душа в этот час и этим конкретным людям».

Служа на подворье летом, о. Василий не позволял себе никакого облегчения в одежде и ходил всегда в рясе. Отец М. со слов прихожанина подворья А. передает очень выразительный случай. «Священники жили на квартире где-то неподалеку от храма. И приходилось на службу ходить летом мимо пруда. А на пруду были женщины неодетые. Можно себе представить, что перед служением литургии это было большим искушением. И вот А. рассказывает, что о. Василий идет по направлению к храму. А около пруда стоят женщины и даже указывают на монаха, который в такую жару идет во всем черном. Словом, непристойно себя ведут. До какого-то расстояния о. Василий доходит и делает такое движение, закрывая лицо мантией как большим щитом, и, не опуская его, проходит мимо женщин и заходит в храм. А. говорит, что он был совершен но поражен этим жестом. В нем выразилось устроение о. Василия».

Иконописец В. А. вспоминает: «Помню, когда о. Василий служил на подворье в Москве, мы поехали с ним освящать квартиру моих родителей. Жара была градусов тридцать, а о. Василий был в шерстяной рясе, кирзовых сапогах и нес большую сумку. Я спешила, а он попросил меня идти помедленней, сказав, что после службы ноги

болят. Как раз перед этим он ездил отпевать одну старушку, уже так разложившуюся на жаре, что все избегали подходить к гробу. И вот идем мы с батюшкой по жаре, а навстречу четыре милиционера. И вдруг они разом, как по команде, отдали батюшке честь. Отец Василий удивился: „С чего это попу честь отдают?“ А поразмыслив, сказал: „Они люди служивые. Кому, как не им, понять попов? Ведь простому человеку не прикажешь пробыть на жаре с четырехдневным разлагающимся трупом“… Чин освящения квартиры о. Василий совершал так вдохновенно, что от его пения, казалось, содрогались все пять этажей нашей „хрущобы“. После молебна он окропил квартиру святой водой и, остановившись перед чуланом в коридоре, сказал как бы в шутку, что бесы любят прятаться по темным углам. Мы открыли чулан, о. Василий покропил темные углы, а потом вышел на лестничную площадку и окропил всю лестницу».

На Оптинском подворье в Москве прихожане охотно исповедовались у о. Василия, со временем все длиннее становились очереди к нему. Нередко бывало, что, окруженный прихожанами после службы, он беседовал с ними. Каких только вопросов ему не зада вали. Кто-то спросил: «Батюшка, а у вас есть какое-нибудь самое заветное желание?» Он ответил: «Да. Я хотел бы умереть на Пасху под звон колоколов».

Все, кто слышал проповеди о. Василия, говорят, что он был одним из лучших проповедников Оптиной Пустыни. Этому свидетельств немало. «Удивительны были проповеди о. Василия, – вспоминает Е. – Не сомневаюсь (и мне это известно из воспоминаний о нем), что он старался тщательно готовиться к проповеди, а это само по себе подразумевает, что он говорил в основном не „от себя“. Но когда проповедь произносилась, эта подготовка была незаметна. Конечно, он ссылался на Священное Писание, на св. Отцов, приводил какие-то их высказывания. Но впечатление было такое, что то, о чем он говорит, он пережил лично, прочувствовал в своем сердце и теперь стремится поделиться этим с нами. И, видимо, это так и было. Из проповедей о. Василия, слышанных мною, более всего запомнилась мне проповедь на евангельское чтение о гадаринском бесноватом.

Отец М. говорил о том, что у о. Василия был дар передавать словесно какой-то текст… Я замечала, что он мог так пересказать прочитанное на литургии Евангелие, что все события священ ной

истории для слушающих оживали. Видимо, тут дело было не только в его даре рассказчика. Мне кажется, что это передавалась слушающим и внимающим ему его живая вера. И не внимать его словам, и не верить ему было невозможно…

Речь у него была, как удачно выразился о. М., полуславянской, причем заметно было, что она была для него естественной, может быть, даже его обычной разговорной речью, только слегка „при глаженной“. Это была речь глубоко церковного человека. Но главное, что заставляло меня отдать ему предпочтение, было то, что при всем том это была речь современного человека, который к со временным же людям и обращается. То есть мало того, что в ней не было каких-то чрезмерно книжных оборотов, нагромождений эпитетов, важнее всего то, что примеры, которые он приводил, он умел направить точно в цель – какую-нибудь нашу, нынешнюю язву, язву современного человека. Ему удавалось все это осмыслить и преподнести так, что я, например, всегда со стыдом узнавала себя, свой грех, свою страсть, свою немощь…

На литургии читалось Евангелие о гадаринском бесноватом. И вот после запричастного выходит о. Василий и начинает толковать прочитанное Евангелие… И я ушам своим не верю. Что же я слышу? Отец Василий говорит, что свиньи – это наши страсти, которые мы холим и лелеем. И вот нас постигает какое-то бедствие, тягота, как тех жителей гадаринских, которые были в страхе от того бесноватого. Мы просим у Господа помощи, избавления от бедствия, и Господь подает нам Свою милость и помощь. А что же мы? А мы, лишь только буря миновала, успокаиваемся и видим, что Господь ждет от нас преданности Ему, благодарности и жертвы – отказа от служения собственным свиньям-страстям. Но жертвовать мы ничем не хотим! Нам становится жалко наших свиней и страшно – а что же будет дальше, чего еще попросит у нас Господь? От чего еще надо будет во имя Его отказаться? И мы, подобно тем гадаринским жителям, начинаем малодушно умолять Господа, чтобы Он отошел от нас: „Господи, только не сейчас!“…

Отец Василий проповедовал для современных людей, но из это го ничуть не следует, что он как-то подстраивался под аудиторию, позволял себе „простые“ выражения и интонации. Как-то у давалось ему совмещать и простоту (доступность для восприятия), и строгость,

и, главное, глубокую церковность… Он часто смотрел людям в глаза, и, когда я встречалась с ним взглядом, мне станови лось почему-то страшно и стыдно за себя».

Записанных проповедей о. Василия очень мало. Поздно при слушались, не сразу поняли, что это – незаурядное слово. Отец М. описывает такой случай: «Благочинный поручил о. Василию сказать проповедь на Обрезание Господа нашего Иисуса Христа. При мне он его благословлял на это. А я слышал от о. благочинного, что, мол, сказать-то нечего… „Что можно сказать на Обрезание? Давай-ка испытаем… что он скажет?“…Я хотел как-то помочь. Вспомнил, что есть замечательное „Слово на Обрезание“ святителя Димитрия Ростовского в Минеях на 1 января. То есть это не то что слово. Это один из перлов святоотеческой письменности… Может быть, это „Слово…“ закрывается памятью Василия Великого и опускается. И вот мы сели и стали читать. Он был восхищен этим „Словом…“ Он дошел до того места, где Господь говорит: Отец Мой доселе делает, и Аз делаю (Ин. 5, 17). Дальше идет авторский текст: „Что же соделовает наш Господь? – наше спасение: спасение содела посреде земли“ (Пс. 73, 12). У о. Василия, когда он прочитал эти слова, пере хватило дух: „Ну… отцы! Вот… отцы!“ Прочитал еще раз. Взял книгу с собой. И потом сказал слово на Обрезание почти по тексту, потому что там убрать или добавить ничего невозможно. Он его пересказал. У него был особый дар передавать… У него была речь полуславянская, как у преподобного Амвросия в переводе „Лествицы“».

Праздник Обрезания Господня – 1 января (14-го по н. стилю). Это и день памяти святителя Василия Великого, в честь которого о. Василий был пострижен в рясофор. Так что для него этот праздник имел и свое, личное значение: в этот день он стал монахом.

«Слово на обрезание Христово», помещенное в самом начале пятой – январской – книги «Житий святых на русском языке» (издано в Москве в 1904 году) перед Житием святителя Василия Великого, переведено с церковнославянского языка. Всего семь страниц, – но о. Василий (и о. М.) недаром так восхищались им. Оно искусно составлено по строгому плану – кратко, выразительно и преисполнено высокой духовности и мудрых мыслей. Христос-младенец, – говорится там, – «обагрялся действительно Своею кровью как Сын Человеческий». Это произошло на восьмой день от Его рождения, и

тем Он «предызображал нам кровью Своею грядущую жизнь, которая обыкновенно учителями Церкви называется осьмым днем или веком». «Обрезание, – говорится в „Слове“, – было только прообразом истинного очищения, а не самым истинным очищением, которое совершил Господь наш, взяв грех от среды и пригвоздив его на Кресте, а вместо ветхозаветного обрезания установив новое благодатное Крещение водою и Духом». «Он, будучи без греха, претерпевает обрезание, как бы грешник. И в обрезании Владыка нам явил большее смирение, нежели в рождении Своем… Обрезанием, Им принятым, Он предначал Свои страдания за нас и вкушение той Чаши, которую Он имел испить до конца, когда, вися на Кресте, произнес: Совершишася! (Ин. 19, 30)». В этом «Слове», как видим, очень значительное содержание. Есть прекрасные образные мысли поэтического характера, как, например, следующая: «С утра Он начинает сеять Своею Кровью, чтобы к вечеру собрать прекрасный плод нашего искупления». Далее идет замечательно выразительное рассуждение об имени Иисус. Там есть такие слова, которые, вероятно, не могли не поразить о. Василия: «В каком же сосуде неизреченная сладость – имя Иисусово – любит быть носимой? Конечно, в золотом, который испытан в горниле бед и несчастий, который украшен, как бы драгоценными камнями, ранами, принятыми за Иисуса, и говорит: аз язвы Господа Иисуса на теле моем ношу». Кончается же эта маленькая духовная поэма молитвой Обрезываемому Господу.

На все, что ему предстояло совершить, о. Василий просил по мощи великих Оптинских старцев, особенно преподобного Амвросия, которого он почитал еще в миру. Господь так устраивал его путь, что он оказался в Оптинском Скиту (поначалу пробыв некоторое время в общей послушнической келье в монастыре) в келье старца, а кроме того, он часто молился на его могилке, равно как и на могилках других старцев Оптиной. Это стало с самого на чала для него родным – все оптинское, созданное многими годами, оптинский молитвенный дух.

Трудница К., ухаживавшая за могилками старцев, сажавшая здесь цветы, вспоминает: «Перед Пасхой я сердилась, признаться, на о. Василия и о. Ферапонта. Весна, апрель – мне землю готовить надо и сажать, а они как придут на могилки старцев, так и стоят здесь, молясь подолгу. Отец Ферапонт минут по сорок стоял. А о. Василий увидит,

что мешает мне работать, и отойдет в сторонку, присев на лавочку. А отойду я на цветники, смотрю – опять у могилок стоит».

Есть у о. Василия в дневнике запись под названием «Памятные даты», т. е. даты его иноческой жизни. Вот начало: «17 октября 88 г. – обретение мощей преп. Амвросия. Приход в Оптину…» – и далее другие даты: облачения в подрясник, постриг в рясофор, рукоположение во диакона, постриг в мантию и рукоположение во иеромонаха… Именем старца Амвросия как бы открывается весь этот ряд.

В день памяти преподобного Амвросия в 1992 году (это было воскресенье) о. Василий произнес замечательную проповедь, вступительная часть которой – похвальное слово старцу.

Оптина Пустынь на протяжении всей ее истории была одной из тех немногочисленных обителей, которые поддерживали в русском народе должную высоту веры, любовь ко Христу, к житию по Его заповедям. Отец Василий никогда не забывал об этом, и Господь сподобил его встать в ряд великих делателей дела Божьего. Как понимал он это дело – видно из его тропарей преподобным Оптинским старцам, а это, пожалуй, лучшие образцы его духовного творчества. Тропарей было составлено одиннадцать. Вот они все[2].

Тропарь, глас 3

Яко скимен рыкая на сердце лукавое, яко агнец незлобивый взирая на душу кроткую (смиренную), преподобне отче Льве предивный, младенчество во Христе возлюбил еси, глаголя: пою Богу моему дондеже есмь, темже моли милостиваго Господа, да подаст нам область чадами Божиими быти и с тобою петиБогу нашему. (Младенцем во Христе предстоял еси, всем утешения от тебя чающим, темже моли Господа нашего, да подаст и нам область чадами Божиими быти и спасет души наша.)

Глас 3

Сердце, исполненное благодати, в ризе смирения и кротости неизлиянно пронесл еси чрез все твое иноческое житие, преподобне отче Макарие блаженне; такожде жаждущих напоил еси, скорбящих утешил еси, болезнующих исцелил еси. Темже испроси у Христа Бога

росу благодати душам нашим, мира и велия милости. (Темже испроси у Христа Бога нашего и нам грешным росу благодати во спасение душ наших.)

Глас 4

Потаенный (сокровенный) сердца человек явился еси в красоте неистленной кроткаго и молчаливаго духа, преподобне отче Моисее, стадо твое добре пасл еси, на камени веры обитель созидая, на немже храм сердца своего устрояя. Темже моли Христа Бога нашего и нам жити в дому Господнем, и вся дни живота нашего зрети красоту Господню, и посещати храм святый Его во спасение душ наших.

Глас 5

Неисследимы пути души твоей, непостижимы тайны сердца твоего, преподобне отче Нектарие, но яко лучи пресветлыя словеса твоя, благовествуют нам Царствие Божие, еже и внутрь себя сокрыл еси, темже Христа Бога моли спасти и просветити души наша.

Глас 4

Воине доблестный и изряднейший, светом откровения яко Павел, озаренный, вся в уметы Христа ради вменил еси, иноческим подвигом подвизался еси, течение скончах и веру соблюдох, вне стана со Христом смерть приял еси, темже зовем ти: спасай нас молитвами твоими, преподобне Варсонофие, отче наш.

Глас 2

Всем сердцем во Христе возлюбил еси житие скитское и послушание брату богомудрому; странствуя же от них далече, в терпении стяжал еси душу твою. Темже упокои тя Богв дому воздыханий твоих, окрест старца и брата возлюбленнаго, преподобне отче Антоние, не престай молитися о нас, чтущих святую память твою.

Глас 6

Святителю собеседник достойный, старцу смиренный послушниче, благодати восприемниче и подателю, освятил еси именем Христовым сердце свое, преподобне отче Анатолие, зерцало Духа Всесвятаго,

моли Жизнодавца Утешителя Христа, да помилует нас, грешных, и спасет души наша.

Глас 1

О велия твоя купля, преподобне отче Исаакие, село отеческое оставив, покров Божией Матери приобрел еси и игуменство с кротостию и незлобием, обитель Заступницы Усердной прославляя и украшая, под сенью Ея упокоился еси. Темже моли Владычицу нашу Богородицу спасти от смерти души наша.

Глас 2

Отрасле святая лозы старческой, простершаяся до севера и моря, плодами исповедничества украшенная и венцем мученичества венчанная, преподобне отче Никоне, слава Оптины и похвало, упование наше и утверждение, не забуди убогих твоих, призывающих имя твое святое.

Глас 3

Яко голубь Ною утомленному, тако ты утешителю нам предивный (пречудный), преподобне отче Анатолие, спасения благовестниче, миром души окрыляющий, темже молим тя и просим земли спасения достигнути сокрушенным сердцам нашим.

Глас 2

Послужив старцу преусердно, облистаем был еси сиянием его славы и преобразился еси телом и душею, благообразне преподобне отче Иосифе, светильниче пресветлый, темже чреду старчества унаследовав, таинник Божия благодати явился еси. Моли Человеколюбца Христа и Заступницу Усердную спастися душам нашим.

Эти одиннадцать тропарей – как единая молитва к преподобным старцам. «Собор преподобных», как писал он в своих стихирах, предстательствует перед Господом о возрождении Оптиной Пустыни. Старцам можно молиться и не по отдельности каждому, а сразу всем. Так, вместе, они были прославлены; так же обрелись и их святые

мощи… Только преподобный Амвросий – первый, но и он неотделим от старческого «собора», где все первые и все последние.

В дневнике о. Василия вызревал канон, посвященный Оптиной Пустыни, точнее даже – возрождающейся Оптиной, обнимающий все – и прошлое, и настоящее обители, и благодатных ее настав ников, и преисполненную русской красоты землю, на которой она стоит.

Недолог был монашеский путь о. Василия. Вот уже настал и 1993 год. Кончается Рождественский пост. Отец Василий, как всегда, очень глубоко переживает службу. «В Рождественский сочельник 1993 года, – вспоминает о. М., – в храме не было света. Отец Василий канонарх. Я подошел к нему с книгой и свечой. У батюшки все лицо было залито слезами. Мне даже удивительно было такое обилие слез. То есть он весь был залит, и вся борода…» Пользуясь темнотой, о. Василий дал себе волю. Господь ему, вероятно, что-то открывал из грядущего… Этому еще впереди будут подтверждения. А вот архимандрит Иоанн (Крестьянкин) за четыре месяца до Пас хи просил передать оптинской братии: «У вас должно произойти очень серьезное событие. Будьте к этому готовы: это воля Божия». Братия тогда, услышав это, никак не могла догадаться, о чем идет речь. И вскоре о предупреждении прозорливого старца забыли…

За месяц до Пасхи о. Василий побывал в Москве. Отслужил панихиду на могиле отца. Дома он, зная, что Анна Михайловна завела сберкнижку на его имя и кладет туда деньги, работая гардеробщицей в свои семьдесят лет, – взял ее у матери, пошел в сберкассу, закрыл вклад и, отдавая ей деньги, сказал: «Мать, не клади больше. Ну как я с такими знаками предстану перед Господом?» Потом со брал все свои прежние рукописи и увез в Оптину. Там он их, кажется, сжег в печке.

Во время службы 11 апреля, в воскресенье, – это был праздник Входа Господня в Иерусалим – о. Василий произнес на запричастном стихе проповедь. Эпиграфом к ней можно было бы поставить слова святителя Игнатия (Брянчанинова): «Кто не взойдет в таинственный Иерусалим духом во время земной жизни, тот и по исшествии душею из тела не может иметь удостоверения, что дозволен ему будет вход в Иерусалим Небесный» (Молящийся ум взыскует соединения с сердцем // Аскетические опыты. Т. 1).

Проповедь о. Василия произвела большое впечатление. «И сегодня для нас с вами, – говорил он, – Господь восходит в Иерусалим. Идет

так же впереди нас, но мы с вами представляем собою ту же самую картину, как некогда представляли ученики Его. То же самое несовершенство владеет нами, те же самые страсти нас обуревают, и мы с вами и ужасаемся и мятемся, а иногда друг-другу завидуем… Не хотим воззреть на Него, идущего ради нас с вами на распятье. Не хотим посмотреть на Него и принять ту силу, которую Он нам дарует каждый день. Доколе мы с вами будем так скорбеть и так малодушествовать, и постоянно этим прогневлять Бога? Почему мы с вами не хотим взять ту решимость, которую нам Господь сегодня предлагает, почему мы не хотим с вами понудить себя на дела поста, на дела молитвы, на дела милосердия и благочестия?.. Господь ныне восходит в Иерусалим. Мы идем и мятемся, и не хотим воззреть на Него… Не хотим даже по рой открыть Евангелия и почитать… Восклонитесь волей вашей от земли, от скорбей ваших, от неприятностей ваших, воззрите к Богу и веру примите, – примите радость о Духе Святом, который ныне торжествует в нашей Церкви. И сегодня, причащаясь Святых Христовых Тайн, войдите с Господом нашим в Иерусалим! Восходите в то небесное жилище, которое нам с вами уготовал Господь святою смертью Своей и святым Своим Воскресением!»

Великим постом этого года многие из братии болели, служить было некому. Отец Василий находился в храме ежедневно: он служил и был постоянным канонархом.

Многие поступки о. Василия в эти дни многозначительны. Вот, уже на Страстной, в Великий Вторник, он зашел к своему сотаиннику иеромонаху Ипатию, у которого был день Ангела (он был наречен в честь преподобного Ипатия, целебника Печерского). «После литургии, – вспоминает о. Ипатий, – он зашел меня поздравить и принес крест. И сказал: „Вот я подумал… Мне хочется, чтоб он был у тебя“. Рассказал, что этот крест из Иерусалима. Я был поражен тем, что он самую большую свою святыню мне отдал, – я знал, как он дорожил этим крестом. Благодарить было как-то не лепо. Мы обнялись с ним. И вот что я заметил: он был в особом состоянии, тихий-тихий такой, необычайно тихий. Поскольку я очень хорошо знаю его, знаю много лет, то это особое состояние внутренней тихости, кротости было для меня явно».

Иконописец Дмитрий (впоследствии о. Иларион) был свидетелем этого случая. Отец Василий обратился к нему: «Дмитрий, по весь его на подобающее место». «Я повесил крест, – вспоминал о. Иларион, – между иконостасом и окошком. Я заметил, что он – о. Василий – в это время был очень благостным, обычно более суровый, нахмуренный, собранный. А тут он был как человек после молитвы… Я отошел продолжать работу, а они еще некоторое время разговаривали. Потом о. Василий тихо вышел. Мне было очень приятно, что он подошел ко мне и спросил: „Что ты пишешь?“ Я говорю: „Пророка Илью“. – „Пророк Илья… хорошо…“, – он кивнул мне головой и, тихо прикрыв дверь, вышел. У меня в памяти вот таким он и остался».

Отец Василий жаждал тишины, т. е. смирения и кротости, старался их приобрести и хранить… В своем сокровенном дневнике он писал тогда: «Если смирение Христово воссияет в сердце, то жизнь земная для тебя будет раем. Но как это описать? Невозможно. Это чувство сердца. Если оно есть, то знаешь, что это – оно.

…Но все это только помыслы смиренномудрия, а само смирение не живет в окаянном сердце моем. Вижу, как должно быть, но стяжать этого не могу. Господи, подай мне смирение и кротость Твои и наполни ими сердце мое, и преисполни, дабы не осталось места ни для чего другого, но все – смирение Твое сладчайшее».

Все последние записи дневника об этом. Все это святоотеческий аскетический опыт, осваиваемый иноками вновь и вновь… «Смирение – это чувствовать себя хуже всех. Не думать, не помышлять, а чувствовать всем сердцем. Это и есть – видеть себя смиренным. Сердце своими очами видит чувства. Оно их различает, как наше зрение различает цвета: вот – кротость, вот милосердие, вот – гнев, вот тоска и т. д. Отверзаются очи сердечные только благодатью Божией. Это чудо. Чудо исцеления слепого».

У о. Василия в дневнике все сугубо свое, – он часто среди своих мыслей приводит цитаты, нередко – из творений святителя Игнатия, духом учения которого был проникнут. Есть в дневнике цитаты без обозначения источника. Так, не имеет, например, подписи текст, принадлежащий святителю Игнатию: «От грехопадений моих бегу не в затвор, не в пустыню, а в самоукорение, в исповедание грехов моих, в раскаяние» (Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова). М.; СПб., 1995. С. 221, – о. Василий, вероятно, пользовался ксерокопиями

с известного собрания писем святителя, составленного трудами игумена Марка (Лозинского). Это собрание и легло в основу указанного издания). Можно произвести внимательную сверку, – найдутся и другие тексты, принадлежащие святителю Игнатию и другим аскетическим писателям. Но такая сверка ничего не изменит: от страницы к странице течение духовной жизни во всех нюансах принадлежит о. Василию. Можно убедиться лишь в одном – в том, что он – ревностный ученик святителя Игнатия.

Приближалась Пасха… Отец Михаил рассказывает: «За неделю, в воскресенье, у нас было составлено расписание, кто служит на день Пасхи. Я тогда исполнял обязанности скитоначальника. Была средняя служба в Скиту, и вдруг я увидел, что у нас нет исповеди, хотя обычно в Скит приходил народ причащаться. Я понимал, что нужна исповедь, отдельный иеромонах. Я сказал об этом о. М., он был тогда благочинным, и он ответил: „Возьми о. Василия“. Я подошел к о. Василию и сказал: „Батюшка, вас ставят в Скит на исповедь“, – он обычно был человек ровный, спокойный, а тут начал отказываться. „Почему?“ – „Нет, нет…“ Тогда я пошел к благочинному и сказал ему о том, что о. Василий отказывается. Он ответил: „Передай ему, за послушание пусть идет“, – что я и передал о. Василию, и он смирился. В итоге получилось, что он как раз шел на исповедь через скитские ворота…»

В Великий Четверг братия причащалась. Отец М. вспоминает, что о. Василий в трапезной, когда все «встали, пропели все, что положено, и он мне говорит: „Ты обратил внимание, какая была тишина на трапезе? Все причащались…“ Я кивнул. Он говорит: „Какая тишина! Вот бы всегда так!“… Это его тоже характеризует».

На утрене Великого Пятка о. Василий канонаршил хвалитные стихиры. Но после чтения 9-го Евангелия он промолчал, так что вместо него начали канонаршить с правого клироса… «Потом спрашивали о. Василия, – вспоминает о. М., – почему он молчал.

„Я не смог“… В это время, видимо, о. Василий что-то пережил… Может быть, слезы у него были или настолько сильное переживание, что он не смог канонаршить». Это был случай из редких, так как многие отмечали, что о. Василий обычно канонаршил очень хорошо. «Он канонаршил совершенно бесстрастно, – говорит о. М. – Это слышно из записей, из чтения его канона. У него была какая-то своя

манера… Канонаршил хорошо, хотя большого, мощного голоса у него не было… Он постоянно был на солее. Никаких у него не было стеснений. Когда пели два клироса, он всегда канонаршил на солее. Так у нас принято в монастыре… И до конца, до последнего дня жизни своей он остался канонархом, исполнителем этого важнейшего послушания».

На царских часах, утром, о. Василий читал два часа (на вопрос – будет ли он их читать, он ответил: «А что же! Это такая честь: их же цари читали») и произнес проповедь. На вечерне, перед выносом св. Плащаницы о. Василий канонаршил, на вынос св. Плащаницы сказал слово, потом канонаршил опять. На литургии Великой Субботы он исповедовал, читал паремии, канонаршил. На пасхальной полунощнице читал канон Великой Субботы.

Отец Ф. рассказывает: «Перед Пасхой я дважды исповедовался у о. Василия. Утром Страстной Субботы о. Василий говорил проповедь на общей исповеди.

Я был тогда на послушании, входил и выходил из храма, не имея возможности прослушать проповедь целиком. Но то, что я услышал, подтвердило догадку, – да, о. Василий как бы берет на себя наши грехи, считая их своими. Как раз в ночь перед этим я читал об одном старце, который умирал воистину мученически, поскольку набрал на себя много чужих грехов. И вот, входя и выходя из храма, я почему-то все думал про о. Василия: да как же ты, батюшка, умирать будешь, если набрал на себя столько грехов?»

Перед Пасхой о. Василий удостоился чудесного видения – о нем он сказал кратко игумену Ф.: «Батюшка, ко мне сейчас пре подобный Амвросий приходил». Отец Ф. посмотрел на него испытующе, помолчал и ответил так: «Да ну тебя!.. Скажешь еще…» Больше о. Василий не сказал об этом никому. Отец М. говорит об этом: «Отец Василий, насколько я могу судить, почувствовал, что это должно остаться между ним и небом». Как не вспомнить при этом об особенной любви о. Василия к преподобному Амвросию, а вместе с тем и ко всем старцам и к самой Оптиной… Сколько у него в дневнике молитвенных обращений к старцу Амвросию!

«В дни Недели крестопоклонной, – рассказывает о. М., – о. Василий читал поучение из св. Макария Великого о состоянии души человеческой, когда она понимает необходимость истинно

христианской жизни, т. е. жительства под водительством Духа Святаго, и начинает искать такого жительства… Отец Трофим и о. Василий и по послушанию, и, конечно, по сердцу своему постоянно находились в храме этим Великим постом в числе немногих братий… Были моменты, когда он отпрашивался и уходил на кафизмах и на чтении часов отдохнуть, потому что к концу поста явно ослабевал силами. Тем не менее он канонаршил, нес эту свою чреду».

Когда окроплялись куличи, о. Василий исповедовал – и с утра, и днем, и уже когда стемнело… «Смотрите, батюшке плохо!» – воскликнул какой-то ребенок. Все посмотрели на о. Василия. Он стоял у аналоя такой бледный, словно вот-вот упадет в обморок. Отец Ф. кропил святой водой молящихся, и когда, окропив о. Василия, по шел дальше, тот окликнул его: «Покропи меня покрепче…» Батюшка окропил его уже так, что залил ему все лицо. «Ничего, ничего, – облегченно вздохнул о. Василий, – теперь уже ничего». После бессонной пасхальной ночи он, по расписанию, должен был исповедовать на средней литургии в Скиту.

Многим запомнилось, что во время крестного хода на Пасху о. Василий нес икону «Воскресения Христова» и был единственным из иеромонахов одетым в красное облачение. Игумен М. вспоминает: «Я подошел в алтаре поздравить иеромонаха Василия: „Христос воскресе, о. Василий!“ – „А я уже воскрес“, – ответил он, показывая на свое облачение: из всех, находящихся в алтаре, он был единственным в красном пасхальном облачении, а мы еще лишь готовились переоблачаться». Вспоминают, что проскомидию о. Василий совершал всегда четко, разрезал Агничную просфору быстрым и точным движением. Но этой Пасхой он как-то медлил… «Ты что, о. Василий?» – спросили его. «Так тяжело, – ответил он, – будто себя закалаю»… Потом он совершил это великое Жертвоприношение и в изнеможении присел на стул. «Что, о. Василий, устал?» – спроси ли его. «Никогда так не уставал», – ответил он. В конце пасхальной литургии о. Василий вышел канонаршить. «Отец Василий, вы же устали, – сказал ему регент. – Вы отдыхайте. Мы сами справимся». «А я по послушанию», – сказал бодро о. Василий. И вот раздался его голос: «Да воскреснет Боги расточатся врази Его!..»

Служба кончилась в 5 ч. 10 мин. утра. Народ весело выходил из храма, многие христосовались, пели… Кто-то заметил, – маленького

роста иеродиакон Р. христосуется с высоким о. Василием. «Ну что, батька? – смеется иеродиакон. – Христос воскресе!» – «Во истину воскресе!» – отвечает тот. В это время звонили колокола… На звоннице иноки Трофим и Ферапонт, и иеродиакон Лаврентий. Молящиеся садились в автобусы, разъезжались и всюду слышалось: «Христос воскресе из мертвых!..»

Братья ушли в трапезную. Вспоминают, что о. Василий посидел недолго за столом, но ничего не съел.

В это время иеромонах А. благословил инока Трофима звонить. Вскоре к нему присоединился инок Ферапонт. Начался ли кующий пасхальный звон…

«В шесть часов утра в Скиту началась литургия, – вспоминает о. М., и я обратил внимание, что почему-то задерживается о. Василий – он должен был исповедовать. Вдруг в алтарь даже не вошел, а как-то вполз по стенке послушник Е. и сказал: „Батюшка, помяните новопреставленных убиенных иноков Трофима и Ферапонта. И по молитесь о здравии иеромонаха Василия. Он тяжело ранен“. Имена были знакомые, но у меня и в мыслях не было, что это могло случиться в Оптиной. Наверное, думаю, это где-то на Синае… И спрашиваю: „А какого они монастыря?“ – „Нашего“. Вдруг вижу, что иеродиакон Иларион, закачавшись, падает, кажется, на жертвенник. Я успел подхватить его и стал трясти за плечи: „Возьми себя в руки. Выходи на ектенью!“ А он захлебнулся от слез и слова вымолвить не может… Невозможно передать, какой стоял стон в храме… Я отпустил дьякона, поэтому ектеньи провозглашал сам. Когда надо было возглашать „Христос Воскресе!“, – я не мог кричать, только сказал один раз. Все плакали. Объявлять не нужно было: все уже знали… После литургии мы пошли в монастырь. Тогда я и увидел этот страшный нож. Убиенные братия были накрыты черной тканью. Я знал, что это лежали мученики, но тогда было впечатление ужаса».

Убийца выбрал момент, когда двор обители был почти пуст. Тем не менее, нашлось несколько очевидцев. Первым был убит инок Ферапонт, пронзенный насквозь ударом в спину. Затем о. Трофим – также в спину. Отец Трофим успел несколько раз уда рить в колокола набатным звоном. Потом упал. В это время о. Василий направлялся к воротам, выходящим на дорожку к Скиту. «Он услышал, что звон прекратился, – вспоминает о. М., – какие-то крики. Он, вообще,

немного плохо видел. Убийца набежал прямо на него. Отец Василий спросил: „Что там случилось?“ Тот ответил: „Ничего“, – сделал шаг, поворот, отошел за спину о. Василия и с маху пронзил его».

Тринадцатилетняя паломница из Киева Н. П. вспоминает: «Я под бежала и вижу, что о. Трофим приподнимается, ударяет в колокол, падает и стонет: „Боже мой, помилуй мя!“… Отец Ферапонт весь в крови лежал. Потом смотрю, еще один батюшка упал, старается приподняться. Мы подбежали, оказалось, что это о. Василий. Я спрашиваю: „Батюшка, что, что такое?“ А он хочет что-то сказать, но не может. Прямо на дорожке в Скит лежал у ворот… Отца Василия сразу в храм отнесли, к мощам преподобного Амвросия… Думали, что он будет жить, потому что он все признаки жизни подавал. Я когда подбежала, у него четки вдалеке были – он их рукой искал».

Убийца, убегая, бросил возле о. Василия черную шинель с чужими документами и самодельный меч длиной 666 мм и с выгравированными на нем цифрами: «666».

«В день похорон неожиданно пошел снег, – писал один из друзей о. Василия еще по жизни в миру. – Он падал густыми, мокрыми хлопьями… А в храме прощались с убиенными, тепло и сладко пахло ладаном и воском свечей. На отпевание в Оптину пришли сотни людей, причем многие с детьми… Когда гробы вынесли из храма, снегопад прекратился, небо очистилось и выглянуло солнце».

Погребение совершалось по пасхальному чину. Именно поэтому гробы были обшиты красной материей. По-пасхальному радостно звонили колокола… Игумен М. сказал: «Мы потеряли людей, а приобрели Ангелов на небе; мы потеряли монахов, потеряли священнослужителей, но мы приобрели на небе новомучеников. Их молитвы будут покрывать наш народ, будут покрывать нашу Церковь, будут покрывать весь народ Божий, который стремится к чистоте жизни и святости».

Отец Феофилакт, знаток церковного устава, организовал сложный обряд погребения монахов. Во время отпевания он сказал слово. «Всякий христианин, – говорил он, – хорошо знакомый с учением Церкви, знает, что на Пасху так просто не умирают, что в нашей жизни нет случайностей и отойти ко Господу в день Святой Пасхи составляет особую честь и милость от Господа. С этого дня, когда эти трое братий были убиты, по-особому звучит колокольный звон Оптиной Пустыни.

И он возвещает не только о победе Христа над антихристом, но и о том, что теперь земля Оптиной Пустыни обильно полита не только потом подвижников и насельников, но и кровью оптинских братьев, и эта кровь является особым покровом и свидетельством будущей истории Оптиной Пустыни. Теперь мы знаем, что за нас есть особые ходатаи пред Престолом Божиим». Заканчивая свое слово, о. Феофилакт сказал: «В чинопоследовании написано, что, подходя к усопшему, мы должны ему говорить: „Христос воскресе!“ – и этим выражать нашу веру, что нет больше смерти на земле, что наша жизнь с минуты Воскресения Христа приобрела вечный смысл: если люди умирают, то лишь на некоторое время, до Страшного Суда Божия… И мы сегодня не столько печалимся, сколько радуемся, потому что эти три брата благополучно начали и успешно завершили свой жизненный, монашеский путь. Прощаясь, мы должны обращаться к ним с радостным пасхальным приветствием: „Христос воскресе!“».

После смерти о. Василия на столе в его келье остался Апостол с закладкой в том месте, где было его последнее чтение. Это были строки из Второго послания апостола Павла к Тимофею, 6–8 стихи четвертой главы: Время моего отшествия наста. Под вигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Удивительно, что именно – это! Невольно вспоминается письмо преподобного о. Никона Оптинского из Оптиной Пустыни, написанное в 1922 году, когда обитель была уже практически закрыта большевистской властью. «Эти дни, – писал он, – я неоднократно вспоминал батюшку Варсонофия. Мне вспоминались его слова, его наставление, данное мне однажды, а может быть, и не однажды. Он говорил мне: „Апостол завещает: Испытывайте себя, в вере ли вы, – и продолжал: – Смотрите, что говорит тот же апостол: Течение скончах, веру соблюдох, а теперь мне готовится уже венец. Да, великое дело – сохранить, соблюсти веру“».

Далее на странице, заложенной о. Василием, следовало: Прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия(там же, ст. 8). Невольно думается, что для о. Василия здесь «венец правды» – венец мученика за Христа.

Весьма многозначительны две последние записи в духовном дневнике о. Василия. Первая: «Господи, Ты дал мне любовь и изменил меня всего, и я теперь не могу поступать по-другому, как только идти на муку во спасение ближнего моего. Я стенаю, плачу, устрашаюсь, но

не могу по-другому, ибо любовь Твоя ведет меня, и я не хочу разлучаться с нею, и в ней обретаю надежду на спасение и не отчаиваюсь до конца, видя ее в себе». Вторая: «Духом Святым мы по знаем Бога. Это новый, неведомый нам орган, данный нам Господом для познания Его любви и Его благости. Это какое-то новое око, новое ухо для видения невиданного и для услышания неслыханного. Это как если бы дали тебе крылья и сказали: а теперь ты можешь летать по всей вселенной. Дух Святый – это крылья души».

В самый день убиения монахов сообщили об этом о. архимандриту Иоанну в Печоры. Он заплакал и сказал: «Это впервые в истории Церкви: на Пасху, на литургии убивают – такое грозное знамение!»

Начальник мучеников – Христос, Он первый пострадал за Свое учение. Он дал последователям Своим, христианам, силу духа, пре одолевающую любые мучения. Дал Он и благодать святым мощам их (вот, мы видим, и лежащим под спудом мощам оптинских новомучеников). Мученики ходатайствуют перед Богом за тех, кто молитвенно призывает их. Во время трехсотлетних гонений в первые века христианства мучеников за веру Христову погребали в катакомбах, куда собирались христиане для тайного совершения Евхаристии над останками страдавших за Христа. Со временем умно жались храмы, построенные над мученическими мощами. В житии о. Василия мы видели, как он внимательно изучал подвиги мучеников, говорил о них в своих проповедях, и невольно казалось, что речь идет не о древних временах, а о нынешних. Он как бы призы вал христиан быть готовыми ко всякому повороту событий.

«Честь мученичества превосходит все чины святых», – писал святитель Димитрий Ростовский. «Память мучеников, – утверждал он, – есть оставление долгов, врачевание немощных, скорбящих, избавление страждущих от духов нечистых; память мучеников есть живот и здравие мучениколюбцев» (Жития святых. 8 февраля). «Тысячи мертвых по всей земле, и однако бесы бывают близ них, и многих бесноватых можно видеть живущими в пустынях и гробницах, – а где погребены кости мучеников, оттуда они бегут, как от какого-нибудь огня и невыносимого мучения, возвещая громким голосом бичующую их внутреннюю силу. Этим доказывается, что смерть мучеников есть обличение бессилия бесов», – писал святитель

Иоанн Златоуст (Похвала святой великомученице Дросиде, и о памятовании смерти).

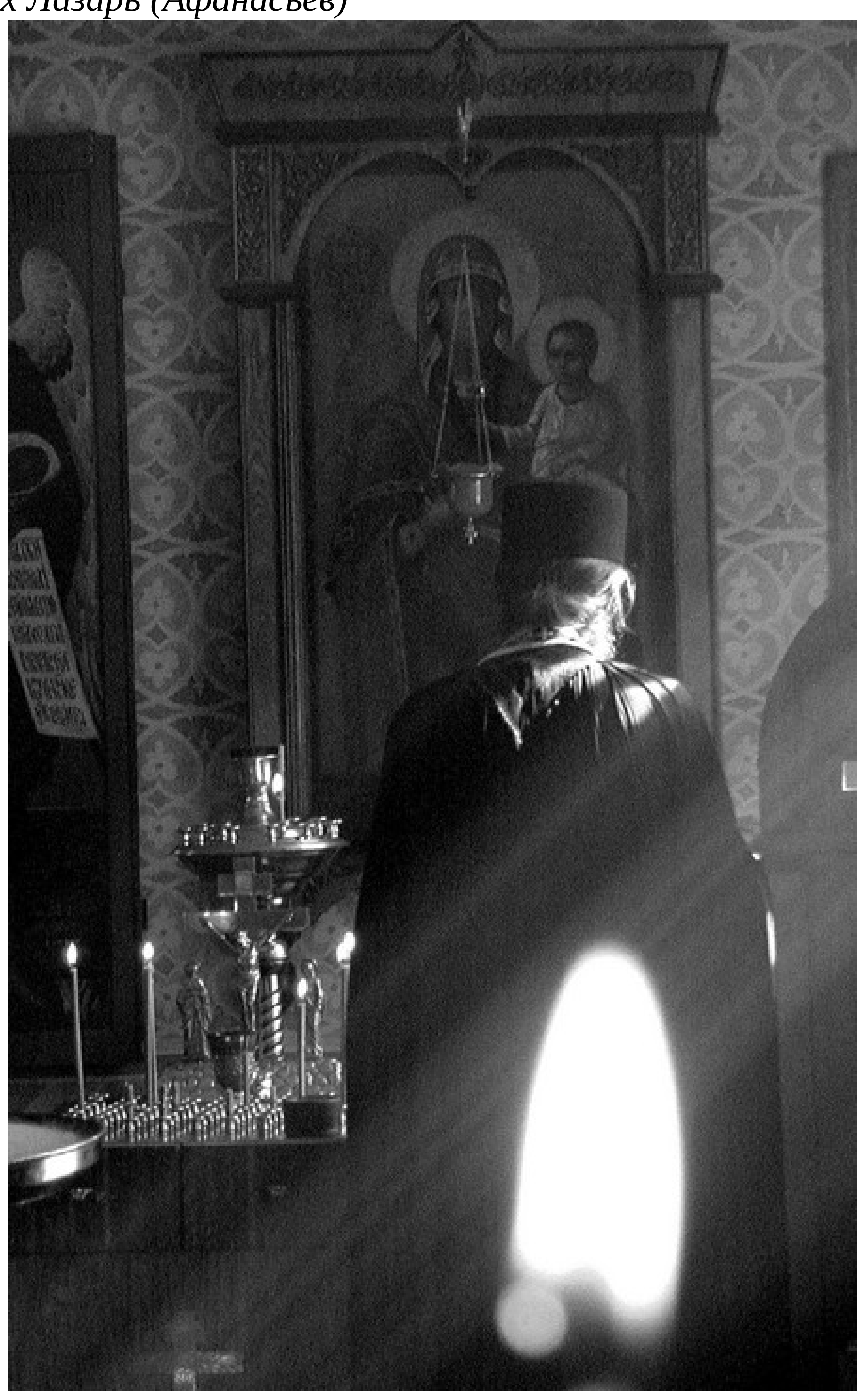
Нам в памятную Пасху 1993 года, может быть, показалось, что произошло что-то такое, чего в наши дни не должно быть. Ужас возобладал сердцами многих… Да, это нелегко пережить со спокойствием, но надо помнить писание Тайнозрителя: Я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: до коле, Владыко Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число (Откр. 6, 9-11).

Мученичество есть свидетельство о Христе кровью. Оно началось с подвига первомученика архидиакона Стефана, побиенного камнями, потом существовало во все времена, в известные периоды выливаясь в массовые гонения на христиан. В создании Небесной Церкви – Небесного Иерусалима – наряду с апостольской проповедью все более и более участвовала кровь святых мучеников. Оптинские новомученики, отцы Василий, Ферапонт и Трофим находятся в общем ряду страстотерпцев, свидетельствовавших о Христе своей кровью, претерпевших мученическое убиение именно ради Христа (но и до этого – как монахи – бывшие мучениками, страдавшими от невидимой брани с духами зла).

В связи с последним келейным чтением о. Василия вспомним слова святителя Иоанна Златоуста из его «Похвалы святому мученику Юлиану»: «Послушайте Павла, который говорит: Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее соблюдается мне венец правды; – где и когда? – Егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия (2 Тим. 4, 7–8). Здесь он состязался, а там увенчивается; здесь победил, а там провозглашается. Послушайте, что и сегодня он взывает и говорит: По вере умроша сии вси, не приемше обетований, но издалеча видевше я, и целовавше (Евр. 11, 13). Для чего же у подвижников внешних вместе и победы и венцы, а у подвижников благочестия победы и венцы не вместе, но на таком расстоянии времени? Они подвизались, трудились здесь, потерпели бесчисленное множество ран, и Господь не тотчас увенчивает их? Не

тотчас, говорит апостол, – потому что настоящая жизнь по природе своей не вмещает величия той чести; настоящий век скоропреходящ и краток, а тот беспределен, бессмертен и бесконечен».

Монах Лазарь (Афанасьев)



«Монахи – это возлюбленные Господни дети»

***Фрагмент интервью**[3]*

Отец Василий, как вы думаете, оживет ли Оптина Пустынь, возродится ли она?

Святое Писание говорит нам, что Богне есть Богмертвых, но есть Богживых[4]. У Бога все живы. Мы служим именно такому Богу, Который воскрес и победил Воскресением смерть; у Него нет смерти, в Боге нет смерти, она существует только вне Бога. Поэтому вполне естественно, что Оптина жива, для человека верующего даже вопроса такого не существует.

И старцы живы?

Конечно.

Все-таки духовность России – что это такое?

Духовность России – это Христос. Он говорит нам: Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14, 6). А постольку, поскольку духовности не может быть вне Христа, для России она одним словом выражается – Христос. Вот и все.

Может быть, отсюда и наша трагедия?

Без сомнения.

Мы преданы Христу, и поэтому нас так мучают?

Без сомнения, так. Христос сказал: «В мире скорбны будете, но не бойтесь, я победил мир»[5]. Так что обетования Господни непреложны, и никто никогда их отменить не сможет. Мы и живем сегодня только по этим обетованиям. Только так.

Я понимаю, что это, наверное, нельзя спрашивать, и все-таки скажите, насколько это возможно, – какая ваша внутренняя жизнь?

Внутренняя жизнь Оптиной – тайна, таинство. Ведь наша Церковь содержит семь таинств, если вы знаете. На этих таинствах зиждется все. И всякое таинство имеет какую-то внешнюю окраску – совершаются какие-то молитвы, производятся какие-то действия, – но в э то время в этом таинстве действует Сам Христос, невидимо и незримо. Именно Его благодатью совершается само таинство. Так и внешняя жизнь Оптиной и ее внутренняя жизнь. Вы внешнее видите, а внутреннюю жизнь нельзя рассказать. Опять же: внутренняя жизнь Оптиной Пустыни – Сам Христос. Только если мы к Богу приобщаемся, мы можем понять эту внутреннюю жизнь. А по-иному она нам никак не откроется. Аз есмь дверь, – говорит Господь, – Мною аще кто внидет, спасется, и внидет и изыдет, и пажить обрящет (Ин. 10, 9). Вот эта дверь к внутренней духовной жизни Оптиной – Христос.

И все это несказанно?

Несказанно, потому что как рассказать о том, как действует Бог? Это невозможно.

Но можно рассказать то, что ты чувствуешь, на пример?

Можно. Возьмите псалмы Давида. Он говорит: Вкусите и видите, яко благ Господь… (Пс. 33, 9). Пожалуйста – вкушайте, и увидите. «Кого люблю, – говорит Господь, – того и наказую»[6]. Биет же Господь всякого сына, егоже приемлет[7]. Мы возлюбленные сыны у Бога ради того, что мы содержим истину Православия. Поэтому, естественно, мы и наказываемся, ибо Господь нас особенно любит. Как любой отец, который любит своего сына, без наказания его никогда не оставит. Он наказывает по любви, не по жестокости, понимаете? Мы привыкли к тому, что мы наказываем только жестокостью. Нам неизвестно такое чувство – любовь, неизвестно, что такое наказание с чувством любви. Господь нас наказывает именно любовью, ради того, чтобы нас вразумить. Ради этого только нам посылаются какие-то скорби – ради вразумления нашего, чтобы нам познать истину Христову. Вот и все. Поэтому в этом ничего страшного нет, надо быть всегда готовым ко всем скорбям. И я вас уверяю, что нет такого человека на земле, который бы никогда не скорбел, нет. И то, что у нас так, – я считаю, что у нас лучше всех. Мы хороши лишь только потому, что мы

православные, если мы православные. Не то, что лучше нас нет, но если мы содержим Православие, тогда мы хорошие.

А почему Христос выбрал нас?

Ну взял и выбрал. Откуда мы знаем Промысл Божий? Когда Он учеников Своих собрал, то сказал им: «Вы думаете, что вы Меня избрали? Нет, но Я вас избрал и поставил служить вас»[8]. Почему Господь избрал иудейский народ? Мы не знаем. Почему даровал им святых пророков, Ветхий Завет? Почему Он избрал русский народ и вот так дал ему хранить истину Православия? Мы не ведаем пути Божии, и для нас это закрытая тайна, запечатанная, может быть, даже навсегда. Даже, может быть, после смерти она нам не откроется. Но поскольку этот дар нам дан, мы обязаны его хранить и свято блюсти. А как и почему – это не наше дело.

Что такое для вас служба?

Мы совершаем службу, службу Богу. Господь говорит: «Вы Мне будете поклоняться духом и истиною, на всяком месте»[9]. Вот что такое служба – это общение с Богом, разговор. Молитва – это наш разговор с Богом, Ему предстояние, Ему служение. Поэтому это всегда живо, всегда неумирающе, тут жизнь, тут присутствует Сам Христос.

А вы не устаете от этой службы?

Ну мы же не Ангелы, конечно, устаем. Мы же люди. Но Господь нас укрепляет, настолько, насколько Он это считает нужным. Дает нам и уставать, и потрудиться. Преподобный Исаак Сирский пишет: «Если твоя молитва была без сокрушения сердца и без труда телесного, то считай, что ты помолился по-фарисейски». Так что надо и пот пролить, и тело свое понудить, ну и душу, конечно. Так что это труд. А помните, как говорит старец Силуан: «Молиться за мир – это кровь проливать». Вот такой труд молитвенный. А вот, пожалуйста, возьмите Евангелие – как Господь молится о Чаше: и пот Его был как капли крови[10]. Вот какая молитва может быть. Нам она неведома и непонятна, но такая молитва тоже есть.

Получается, чтобы достичь чего-то, нужно всегда пройти через боль?

Обязательно. Это закон жизни. Его установил Сам Господь. Зачем же Он претерпевал Крест, зачем Он терпел?

Каждый через свой крест должен пройти, иначе ничего не получится во внутренней жизни?

Никак не получится. Возьми крест свой и следуй за Мной (Мф. 16, 24), – это же Господни слова. Значит, надо обязательно взять крест и с верою идти за Господом. Отвергнись себя, возьми свой крест и следуй за Мной, и будешь Моим учеником[11]. Вот и весь закон. Но в основном, как учат святые Отцы, все то, что исполняет инок, должен исполнять и благочестивый христианин. За исключением, пожалуй, того, что мы даем обет безбрачия. Раньше так и было. По жизни древние христиане мало чем отличались от монахов.

Но ваша жизнь все равно более внутренняя…

Это не нам судить. Господь Судья – где мы есть. Он знает, чем мы живем и как мы живем.

Как же вам трудно и просто больно…

Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех (Мф. 5, 12). И паки реку: радуйтеся (Флп. 4, 4)! Вот такие мы обетования имеем. А вы говорите – трудно.

Ну все равно же вам трудно?

Нам помогает Господь. Поэтому нам легче.

Он всем помогает, а вам все равно труднее.

Ведь есть у отца любимые сыновья, да? Вот монахи – это любимые сыновья. Кого Бог больше любит, кому больше помогает? Монахам. Поэтому нам легче. А вот люди, которые отдалены от Бога, они как бы становятся теми блудными сыновьями. Вот тогда им становится трудно. Трудно почему? Потому что Самому Господу труднее им помочь. Понимаете? Вот отчего трудность-то возникает в жизни – когда человек берет на себя что-то и отстраняет от себя Бога, Который помогает ему. Вот мир и несет все эти скорби, потому что от Бога отошел, отстранился от Христа и тащит на себе этот воз непосильный. А мы пришли к Богу, и Господь их Сам за нас несет и все делает.

Но опять же, если более любимый, тогда и больше страданий, хотя они внешне и не видны?

У каждого человека есть боль, у каждого есть страдания. Монахи – это возлюбленные Господни дети. Вот, старцев, пожалуйста, возьмите. Ведь к чему они пришли? – к непрестанной радости. Они у нас были источниками радости. Представьте, что вы подходите к батюшке Амвросию и говорите: «Батюшка, отец Амвросий, да вы скорбите, наверное, да?» При взгляде на них таких вопросов не возникало. Это при взгляде на нас, таких вот немощных, такие вопросы могут возникнуть.

«Господь ближе к нам, чем дыхание»

Фрагменты дневника

«Подлинно, только вы люди, и с вами умрет мудрость!»

…Я желал бы только отстоять пути мои пред лицем Его! И это уже в оправдание мне; потому что лицемер не пойдет пред лице Его (Иов. 13, 15–16).

…Ты говоришь: «горе мне! ибо Господь приложил скорбь к болезни моей; я изнемог от вздохов моих, и не нахожу покоя». …так говорит Господь: вот, что Я построил, разрушу, и что насадил, искореню, – всю эту землю. А ты просишь себе великого: не проси; ибо вот, Я наведу бедствие на всякую плоть, говорит Господь, а тебе вместо добычи оставлю душу твою во всех местах, куда ни пойдешь (Иер. 45, 3–5).

Не сидел я в собрании смеющихся и не веселился; под тяготеющею на мне рукою Твоею я сидел одиноко, ибо Ты исполнил меня негодования.

За что так упорна болезнь моя, и рана моя так неисцельна, что отвергает врачевание? Неужели Ты будешь для меня как бы обманчивым источником, неверною водою? На сие так сказал Господь: если ты обратишься, то Я восставлю тебя, и будешь предстоять пред лицем Моим; и если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста. Они сами будут обращаться к тебе, а не ты будешь обращаться к ним (Иер. 15, 18–19).

И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня… (Иуд. 1, 22–23).

Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак. Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником (Гал. 2, 17–18).

Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас (Флп. 1, 22–24).

Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою (Флп. 3, 7).

Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить (Флп. 3, 16).

…ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии (Флп. 4, 11–12).

Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно (Кол. 2, 8–9).

«Изучение христианства доказывает со всею определенностью и решительностью истину его. Убеждение, доставляемое правильным изучением христианства, убеждение в существовании всего невидимого, преподаваемое христианством, гораздо сильнее, нежели убеждение в существовании видимого, доставляемое чувствами».

Еп. Игнатий. О христианстве

«Истина одна, и потому она по самой природе своей непоколебима и не подлежит перемене под влиянием личных мнений или ходячих идей времени. Напротив – ложь многообразна и самопротиворечива».

Св. Феодор Студит

Сыне, даждь Мне сердце твое[12], а все прочее Я Сам приложу тебе.

Сирах

NB! Вспомнить и записать хотя бы основные вехи, этапы, случаи, происшествия из прошлого.

11 апреля 1987 г.

По благословению пытаюсь начать дневник. Вечером беседа. Все мои слова не по существу. Не могу точно выразить свои основные духовные проблемы, поэтому беседа течет сама по себе и не утоляет моей жажды.

12 апреля 1987 г.

Утро. Мать нашла мой крещальный крестик. Мне 27 лет. Я надел тот крестик впервые после крещения, бывшего 27 лет назад.

Явный знак Божий:

1. Указующий, может быть, приблизительно, день моего крещения (мать не помнит) – это радостно.

2. Напоминающий слова Христовы: …возьми крест свой, и следуй за Мною… (Мф. 16, 24) – это пока тягостно.

На всенощном бдении – вынос Креста (Крестопоклонная Неделя Великого поста). Воистину крестный день!

13 апреля 1987 г.

Литургия в церкви Пророка Илии.

Тренировка. В гостях у Левана.

14 апреля 1987 г.

Тбилиси. 5 игр. Пост. Познал опытно слова Давида: Коле ни мои изнемогли от поста, и тело мое лишилось тука (Пс. 108, 24). Господи, спаси и сохрани!

20 апреля 1987 г.

Воскресенье. Литургия. Богоявленский собор.

21 апреля 1987 г.

Иеремия 15, 17–19

Не сидел я в кругу захмелевших друзей,
Не ругался (смеялся), как нынче все плохо.
(Не читал я Рубцова и Блока)
Опечалился я, и с печалью своей
Я сидел у икон одиноко.
И зачем так упорны недуги мои,
И печаль моя так неисцельна,
Что, отвергнув лекарства – вино и стихи,
По квартире шатаюсь бесцельно.
(Я режим применяю постельный)
(Я гляжу в этот мрак беспредельный)
(Свою жизнь выявляю бесцельной).
Неужели и Ты, кому сердце вверял,
(От печали желая укрыться),
(Кому страстно учился молиться),
Кому стал доверять и молиться,
Неужели и Ты переменчивым стал
И оставишь, коль что-то случится?

(Ответила совесть как)
И на это ответил мне голос с небес:
Обрати на Меня свое око,
И Я дам тебе силы для свершенья чудес
(Ты увидишь истоки времен и чудес)
(Среди будней увидишь ты тыщи чудес)
И печальную участь пророка.

Отыщи драгоценное средь суеты,
И ты станешь Моими устами —
Ты не будешь слова расточать о любви,
(За любовью придут к тебе сами)
Люди сами придут за словами.

28 апреля 1987 г.

Выставка работ К. Васильева.

Небольшой зал в здании Речного вокзала. Вся выставка – работ 30. Интересно, талантливо, красиво, т. е. душевно. А хочется духа! Людям нравится, говорят, возвращение к истокам. Каким? Истоки Руси в

христианстве, а не в дремучем лесу. Васильев, видно, увлекался Вагнером (хоронили под его музыку), есть несколько работ о Нибелунгах. Потому и в картинах о Руси тот же языческий привкус (глаза). Соколиный взгляд, волчьи глаза.

А хочется побольше доброты, любви, милосердия. Но тут уже Христос: Милости хочу, а не жертвы (Ос. 6, 6; Мф. 9, 13).

Васильев умер в 34 г. Я сжег «Иудейские древности». Они были написаны в марте 1986 г., т. е. ровно год назад[13].

NB! 23 апр. 1987 г.

В культе, в богослужении задействованы все 5 чувств человека.

Зрение – иконы, утварь, одежды священников, т. е. все убранство храма.

Слух – песнопения; обоняние – кадильный фимиам, благовония; осязание – крестное знамение; вкус – принятие св. Христовых Тайн. Цель – облаготворить человека, в пределе – возвысить, выявить Божественную его сущность, дать ему самому ее ощутить, насладиться ею и пробудить стремление к умножению этой духовной красоты, которая, несмотря на наше греховное упорство, доходящее до полного отрицания существования этой красоты, все же не оставляет и не покидает нас.

После долгих раздумий над чем-то очень важным для нас и требующим обязательного разрешения вдруг рождается примиряющая мысль. Именно рождается: мы были чреваты этой мыслью, вынашивали ее, испытывали муки и боль – и наконец радуемся ее появлению. Радуемся искренне, как дети. Эту радость мы принимаем порой за истинность, считая, что мы много трудились и потому достойны ее. Но все подлежит проверке опытом. Мысль может быть убедительной, изящной, интересной, но не всегда истинной.

О трех видах искусства.

Литература	музыка	художество
слово	звук	цвет

Синтез = содержание, сущность + форма.

Слово сильнее, чем звук и цвет. Звук более тонок, как бы расплывчат, а потому менее конкретен, определен. Цвет более

определен, оформлен, но менее тонок. И в том, и в другом как бы существуют начатки слова.

Потому и звук, и цвет словесны, и потому они смогли составить слово.

Слово – достояние человека и явление его Божественной сущности. У животных есть и музыка, и художества. (Отсюда древние культы обожествления животных.) (Христианство же, по сути, словесно, потому и человечно.) Слово было Бог(Ин. 1, 1). Не звук, не цвет, а Слово!!! Иначе евангелисты должны были написать симфонии или картины, чтобы возвестить о Христе.

Итак, слово – это оформленный, окрашенный звук или наполненный, озвученный цвет.

Слово – меч, оно несет в себе направленность, вектор действия, оно заставляет определиться и потому рождает отношения, чувства, т. к. они существуют только по отношению к чему-то, к кому-то. Звук и цвет скорее опахало. Они приближают красоту и соединяют душу с нею, но всю (!) душу, т. е. все, что в ней хорошего и плохого. Здесь синтез, а в слове анализ.

В звуке и цвете нет критерия истины.

В музыке и живописи это гармония, т. е. осмысленный порядок. Здесь есть слово, хотя скрыто, но есть. Здесь синтез, а в слове анализ.

Слово – все осмысливает, оценивает и потому понуждает действовать – совершенствовать или изменять, а не просто наслаждаться красотою и гармонией (как в музыке и живописи).

Осмысливаем – значит, сравниваем. С чем? Со Словом Божиим – оно – критерий истинности всего.

2 апреля 1988 г.

Всенощная в Богоявленском соборе. Физическое ощущение присутствия благодати Божией. Глас хлада тонка (3 Цар. 19, 12). Был момент даже благоухания: во время чтения Евангелия. Я ощутил запахи пещер Псковского монастыря.

3 апреля 1988 г.

Литургия в Пушкине. Проповедь о Евхаристии.

1. Уже 1000 лет Господь отбирает слуг Себе для Града Небесного – нового Иерусалима – из народа русского (1, А) – толкование св. Отцов.

2. Беды земли нашей от непонимания (а потому и умаления) священством частого евхаристического общения [о. Иоанн (Крестьянкин). Свт. Игнатий (Брянчанинов)].

3. Евхаристия – по-русски причастие.

4. Не созерцательное присутствие в храме, а деятельное.

7 апреля

Великий Четверг. Благовещение Пресвятой Богородицы.

Литургия в Пушкине. Чтение 12-ти Евангелий в Пушкине.

Беседа: 4 столпа жизни православного подвижника: 1. вера, 2. любовь, 3. отдание себя в волю Божию, 4. смирение.

NB! Будущее в руках Божиих, прошедшее – в Книге жизни, настоящее – в наших руках, т. е. творение жизни возможно лишь стоя во Христе, – тем величественнее наша духовная свобода и ведение судеб Божиих, т. е. судеб мира. Пределы духовной свободы – это пределы Вселенной.

Идея романа: искра подвижничества высекается от столкновения воли Божией и хотения человеческого;

советы и оправдания греха;

свобода и рабство миропорядка.

3 плана, круга:

вселенский,

исторический,

бытийный.

10 апреля 1988 г.

Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Моя третья Пасха.

Литургия в Пушкине. Отдохнул в алтаре. И в 6 ч. еще одна литургия. Время – мистическая сущность. Спрашиваю себя: был пост или не был? Служба была или нет? Так придется когда-нибудь спросить и о своей жизни. Что же реально существует? Душа. Очищенная от греха или еще замаранная им.

«Ликуй ныне и веселися, Сионе…»[14] – именно ликуй! Это состояние духа, а не временное.

…Ибо всякий дом устрояется кем-либо; а устроивший всё есть Бог(Евр. 3, 4).

10 июня 1988 г.

«Добродетель мы должны почитать не ради других, но ради ее самой».

Свт. И. Златоуст

Почему мы должны быть добродетельны? Почему мы должны творить добро? Отвечают: потому что это радость для людей; потому что «добро побеждает зло», а значит, лучше быть на стороне сильного; потому что добро – это хорошо, а зло – плохо и т. д.

То есть добродетель утверждается логикой, умонастроением. Это приемлемо как первая ступень на лестнице восхождения к добру. Это приемлемо для младенцев, не имеющих чувства навыка в различении добра и зла. Это молоко, а не твердая пища.

Если только на этом будет зиждиться понятие добра, то оно зыбко, а во многих случаях – мертво. В нем говорит ум, а сердце молчит.

Нужно сердцем ощущать вкус добродетели, ее сладость. Тогда доказательство необходимости добра будет находиться в самом добре. Тогда не надо и доказательств. Я делаю добро и через это убеждаюсь, что следую истине. Я творю добро, потому что это добро. Я люблю добро, и я понимаю, что надо творить добро, – не однозначные выражения.

Итак, почему я должен быть добродетельным? Потому что я ЛЮБЛЮ добродетель.

14 июня 1988 г.

Смерть страшна, потому что она знает обо мне все, потому что она обладает мною, распоряжается мною, как госпожа своим рабом. Христианство дает знание о смерти и о будущей жизни, уничижая этим власть смерти. Да, и о христианине смерть знает все, но он знает о ней ровно столько, чтобы не бояться ее.

Христианство превращает смерть из убийцы во врача, из незнакомца в товарища.

Сколько б ни рассуждали о смерти атеисты и интеллигенты, она для них остается незнакомкой, явлением, не вписывающимся в кругжизни, явлением потусторонним, потому что они не имеют знания о смерти.

Мы боимся в темноте хулигана, потому что он не знаком нам, мы не знаем его намерений, а с близким человеком и в темноте встреча становится радостной.

15 июня 1988 г.

«Красота спасет мир», – писал Достоевский. Красота – это Бог. Сколько бы мы ни исследовали нашу жизнь, сколько бы ни расчленяли ее на составные части вроде бы для того, чтобы понять ее механизм, жизнь в своей целостности будет всегда прекрасной, Божественной и не познаваемой до конца, как не познаваема красота.

Сколько бы мы ни исследовали состав почвы, находя в ней все новые и новые металлы и соли, сколько бы мы ни проникали в тайны наследственности, создавая новые отрасли науки, умные академии, институты, лаборатории, все равно цветок, взошедший на изученной земле, цветок, взошедший из хрестоматийного семени, повергает в изумление своей красотой.

Радость, которую дарует знание, должна дополняться радостью созерцания, тогда она будет совершенна. «Все знаю, все понимаю и все равно удивляюсь», – говорит человек. Изумление перед всем, изумление, несмотря ни на какие беды, – это красота, это спасение миру, это начало пути к Богу. А жизнь без изумления перед красотой, а значит, и без Бога пуста и ничтожна.

21 июня – 29 августа

Оптина Пустынь.

Отдельные мысли и выписки из книг:

«Горе отнимающим плату у наемника, потому что отнимающий плату – то же, что проливающий кровь».

Прп. Ефрем Сирин

«В меру жития бывает восприятие истины».
Прп. Исаак Сирин

Прежде всего:

1. Сознание своей немощи.
2. Терпение.
3. Самоукорение.

Это путь к смирению (преподобный Амвросий).

Библия – ключ к истории. Дух истории. Потом археология, геология и т. д.

«Крепко сказал Господь!» (Один старый иеромонах.)

Крапива выше меня ростом
Растет у стен монастыря.
Лишь на заброшенном погосте
Так буйно всходят семена.

Лишь на местах минувшей славы,
Среди стареющих святынь
Такие вырастают травы…
Крапива да еще полынь.

Прочитанные книги:

1. «Жизнеописание старца Амвросия». Прот. Четвериков.
2. «Жизнеописание преподобного Амвросия». Иеромонах Андроник. Материалы к канонизации.
3. «Оптина Пустынь и ее время». Концевич.
4. «Историческое описание Оптиной Пустыни». Архим. Л. Кавелин.
5. «Священная поэзия». Схиархим. Варсонофий.
6. «Лествица» преподобного Иоанна.
7. «Иеромонах Климент Зедергольм». К. Леонтьев. Мир существует только до момента его окончательного самоопределения в сторону добра или зла.

«Мир существовал ради Тайны».
Схиархим. Варсонофий

О коммунизме

Ересь страшнее безбожия открытого. Безбожник скорее может обратиться к познанию истинной веры, чем еретик. Поэтому, может быть, Промысл Божий, чтобы сохранить чистоту Православия и оградить его от лукавства ереси, предал его в руки безбожников откровенных и воинствующих.

Почему нет хорошего образования в семинарии и академии? Бог смиряет: «Живите пред Богом, а не мудрствуйте!» 1. Это сохраняет, как ни парадоксально, чистоту веры, потому что богословие без жития по Богу (которого в современных условиях почти нет) губит.

2. Невозможность приобрести блестящее образование указывает на другой и единственно верный способ познания Бога – путь деятельной жизни по заповедям Божиим и святоотеческим преданиям. Тогда Сам Бог научает нас (пример – житие преподобной Марии Египетской).

Темные силы злятся на нас, потому что мы, приближаясь к Богу, осуждаем их. (Так человек, делающий добро бескорыстно, вызывает гнев и презрение у подлецов.) Мы, немощные, скотские, и то выбираем Бога и стремимся к Нему, а они, бесплотные, зрящие величие Божие, уклонились от Него. Наше стремление к Богу для них осуждение, намек на Страшный суд.

Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14, 6).

Все вокругнас, буквально все без исключения, вся сотворенная жизнь устроена так, чтобы привести нас к познанию Бога. Куда бы человек ни взглянул, он изумится, чем бы он увлеченно ни занимался, он поразится глубиною ремесла. А изумление – начало философии, как говорили древние.

Тут начинается искание, путь, который необходимо пройти, чтобы обрести истину. А обретая истину, мы обретаем жизнь.

Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14, 6).

Об антихристе

Число 666 дважды встречается в Библии. 1. В Откровении ап. Иоанна Богослова как указание на антихриста (13, 18). 2. 2 Паралипоменон (9, 13) – *Весу в золоте, которое приходило к Соломону в один год, было 666 талантов*…

Сегодня золото творит чу деса и знамения. Самые фантастические проекты могут быть осуществлены, если есть деньги. От их

количества зависит и фантастичность.

Начертание на правой руке или на челе – рука, считающая деньги и производящая коммерческие операции. Чело – бизнесмен. Все занято помыслами о золоте. Что бы он ни делал, он должен извлечь из этого деньги, иначе нет удовольствия от жизни. То есть все помыслы (чело) и все дела (рука) заняты добычей денег.

(Многие писатели говорили о деньгах как о страшилище – Э. Золя, Гёте.)

Антихрист – финансовый гений и религиозный мудрец, знающий и умеющий все, чтобы поразить всех. Еще Н. В. Гоголь писал: «Все, что нужно для этого мира – это приятность в оборотах и поступках и бойкость в деловых делах». Поэтому св. Отцы так всегда восставали против сребролюбия как идолослужения и беспочвенного умствования как духовной болезни.

Всякое знание имеет сладость и этим привлекает. Потому что дает право власти над чем-то, а значит, и гордости.

Христианское познание преподает скорбь. «Во многой премудрости много печали»[15]. Но «печаль есть двух родов, – говорит апостол Павел. – Печаль о мире производит смерть, а печаль о Боге – дар покаяния»[16].

Откровение (13, 17):

Не смогут покупать и продавать, кроме того, кто имеет это начертание (т. е. талант бизнесмена), или имя зверя (т. е. принадлежность к государственной власти), или число имени его (666 – золото, наследство, капитал).

Единая денежная единица во всем мире и единая (внешне) религия – дела антихриста.

2 сентября 1988 г.

Старцам открываются помыслы людей, и они отвечают на них. Ты подумал – а он уже отвечает. Думаю, что это действие Иисусовой молитвы. Это нужно познавать опытно, но можно представить и логически. Иисусова молитва – это чистота мыслей и чистота сердца. Это направленность к Богу и утверждение в Боге. Поэтому любой помысел, приходящий извне в этой чистоте, виден; так пылинка становится видна в ярком луче солнечного света.

8 сентября 1988 г.

«Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны».

Свт. И. Златоуст

14 сентября 1988 г.

Церковное новолетие.

15 сентября 1988 г.

Уехал в Оптину. Остановился в Козельске.

14 октября 1988 г.

Покров Божией Матери. Причащался в монастыре.

17 октября 1988 г.

Пришел в монастырь. Преподобный отче наш Амвросие, моли Бога о мне!

17 ноября 1988 г.

Икона Казанской Божией Матери и икона Преподобного Амвросия источали миро. Матерь Божия, укрепи нас! Старец святый, заступись за обитель!

Старец Силуан:

«Чем больше любовь, тем больше страданий душе,
чем полнее любовь, тем полнее познание,
чем горячее любовь, тем пламеннее молитва,
чем совершеннее любовь, тем святее жизнь».

«Любить Бога никакие дела не помешают».

Что надо делать, чтобы иметь мир в душе и в теле?

Для этого надо любить всех, как самого себя, и каждый час быть готовым к смерти.

19 ноября 1988 г.

Получил известие о гибели о. Рафаила. Он разбился 18 ноября на машине, 60 км от Новгорода.

Отцу Рафаилу

Нашел бы я тяжелые слова
О жизни, о холодности могилы,
И речь моя была бы так горька,
Что не сказал бы я и половины.
Но хочется поплакать в тишине
И выйти в мир со светлыми глазами.
Кто молнией промчался по земле,
Тот светом облечен под небесами.

«Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»:

«Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряженнее говорить молитву и скоро весь согреюсь. Если голод меня начнет одолевать, я начну чаще призывать имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть! Когда сделаюсь болен, начнется ломота в спине и ногах, стану внимать молитве и боли не слышу. Кто когда оскорбит меня, я только вспомню, как насладительна Иисусова молитва, – тут же оскорбление и сердитость пройдет и все забуду».

21 ноября 1988 г.

Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Отпевание о. Рафаила.

С момента получения известия о гибели до литургии, до причащения была невероятная душевная скорбь. И после причастия – спокойствие души, ощущение мира на сердце. Господь дает понять об участи о. Рафаила.

Он среди ангельских чинов и непрестанно молится о нас.

19 декабря 1988 г.

Св. Николай.

Св. Отцы пишут: «…и открывается словесная природа тварей».

Все создано было Словом, и человеку, который уподобляется Слову, т. е. Христу, открывается словесная природа. Св. Амвросий, куда бы ни взглянул, что бы ни услышал, везде находил эту

словесность, потому он и говорил притчами, присказками и рифмами (случай с гвоздем в крыльце). Мир, сотворенный Словом, есть огромная Книга, Книга Жизни. Но читать ее может лишь тот, кто смотрит в нее чистым оком и чистым сердцем. *Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления вправедности*… (2 Тим. 3, 16). Это сказано о Священном Писании, но то же самое можно сказать и о сотворенном мире, ибо и это Писание, и оно начертано великой десницей Святой Троицы.

Непосильные вопросы

Человек может задать любой вопрос, но ответ он должен получить по своим силам, иначе ответ для него не станет ответом.

Чтобы отвратить от истины, достаточно задать человеку пару непосильных вопросов и доказать, что истина, отвечая на них так-то и так-то, неверна, и представить тут же другой ответ, полный, который будет принят за истину. На самом деле происходит замена непонятной истины понятной ложью. Не человек возводится к пониманию истины (Христос), а истина низводится до греховной природы человека (коммунизм).

Христос, давая ученикам ответы на непосильные вопросы («Когда конец мира?» – «Молитесь и бдите»[17]), возводит их через осознание своей немощи (а значит, через смирение) к пониманию истины, а коммунизм сразу дает удовлетворительный ответ, тем самым ниспровергая истину и укореняя гордость в человеке.

23 декабря 1988 г.

День моего рождения. Вспомнил об этом только накануне вечером, когда взглянул в церковный календарь. А сегодня думал об этой дате раза два или три. По-моему, это первый день рождения за последние несколько лет, когда я не чувствовал уныния и тоски.

Никто здесь не знал, что у меня день рождения, и никто поэтому не поздравил. Как я благодарен всем за их незнание, за покой, который они даруют моей душе этим незнанием.

Нормальный человек подумает – безумец ты или эгоист, когда рассуждаешь так. Верно, апостол Павел проповедовал соблазн для

иудеев и безумство для эллинов[18].

24 декабря 1988 г.

Вчера в аварию попал отец наместник. Сотрясение мозга, перелом правой руки в двух местах. Ехали в монастырь поздно вечером и не заметили машину, стоящую на дороге без габаритных огней.

25 декабря 1988 г.

Грех не в осквернении – это следствие, а в лености, осуждении, гордости и беспечности.

29 декабря 1988 г.

Милосердый Господи! Да будет воля Твоя, хотящая всем спастись и в разум истины приити: спаси и помилуй раба Твоего (имя рек). Приими сие желание мое, как вопль любви, заповеданной Тобою.

3 января 1989 г.

Глас 4

Свято-Введенская обитель, Оптина Пустынь достоблаженная, присно уповающая на милость Богоматери и на брегах реки, текущей в живот вечный, возрастила чудное древо старчества и уподобилася еси граду, сошедшему с небес, идеже Богобитает с человеки, отымая от очей их всякую слезу. Темже возликуем, братие, Христа Царя и Бога нашего воспоим и Владычицу мира Пречистую Деву восславим, яко дарова нам пристанище во спасение: наставников – отцев преподобных.

31 января 1989 г.

Павел-художник просил записать: когда писали икону Спасителя, на о. И. и Татьяну (тоже художницу) с потолка упал огромный кусок штукатурки (потом собрали – оказалось 2 ведра). Потолок (снаружи, по крайней мере) был чист и не требовал ремонта. Икона и о. И. Не пострадали, только Татьяна в память об этом дненосит небольшой синяк под глазом.

26 февраля 1989 г.

Когда душа скорбит смертельно
И вас нет рядом никого,
Так тяжелеет крест нательный,
Что чуть живой ношу его.
Тогда я немощный и сирый —
Хотя мне нет и тридцати,
Листаю маленькую книгу,
Ищу в ней средство от тоски.
А в ней – однажды муж почтенный
Спокойно шел домой с полей,
И вдруг – навстречу Бог согбенный
С последней ношею Своей.
Позора крест несет на гору,
То падает, то вновь встает.
(И кровь из губ с дорожным сором
Заместо влаги жадно пьет.)
Мешая кровь с дорожным сором,
И не винит ни в чем народ.
И видит муж тот боль изгнанья,
И руку протянул Христу.
И палачи за состраданье
Велели крест нести ему.
(Так страшен был тот путь изгнанья,
Что муж пред Ним склонил главу.
Заметил стражник состраданье
И крест вручил нести ему.)
И он понес. Но на подъеме
Упал – и встать уже не смог…
Очнулся он при страшном громе,
Когда распятый умер Бог.
И все, что вспомнил он о жизни,
Что стало самым дорогим —
Тот путь плевков и укоризны,
Когда Господь был рядом с ним.
А я? Что мне на ум приходит,
Когда сбивает с ног тоска?
Деревня дальнего прихода

И ночь Христова Рождества.

27 февраля 1989 г.

Какая житейская сладость
Печали не прячет в себе?
(Печаль не скрывает в себе?)
Какая безмерная радость
Как сон не проходит в душе?
И нет ничего без ущерба,
Все тень от небесных красот.
Все ждет воскресенья из мертвых,
Христа-Утешения ждет.

16 марта 1989 г.

В рясофор облекли двух братьев. А. Наречен Д., С. – А. в честь Даниила Московского и св. Александра Невского. Помоги им, Господи!

20 марта 1989 г.

Колико одежду раздеру на себе, окаянный, и покоя душевного достигну? колико пепла возложу на главу срамную свою и не иму помышлений лютых? в кое вретище облекусь и не узрю беззаконий своих? всуе мятуся, всуе замышляю покаяние. Но Ты, Владыко, глаголавый: без Мене не можете творити ничесоже, пройди во уды моя Словом Своим, рассеки каменную утробу мою и изведи источники слез покаяния.

Тебе, Владыко, приношу житие мое и тайную надежду полагаю в крепости своей; славу Тебе воссылаю и сокрыть тщуся лукавство словес моих (часть некую лукавства своего). Господи, не презри сердечного покаяния моего и помилуй (очисти) мя.

21 марта 1989 г.

«Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя…» – митр. Вениамин (Казанский). Из предсмертного письма (1874–1922).

1916 г. – 360 000 священнослужителей, 4 Духовные академии, 58 семинарий, 1250 монастырей, 55 173 православные церкви, 25 000 часовен, 4200 костелов, 25 000 мечетей, 6000 синагог.

1919 г. – 40 000 священнослужителей.

1980 г. – 7500 церквей, 16 монастырей, 3 семинарии, 2 Духовные академии.

26 марта 1989 г.

От уныния – 101 псалом, 36, 90;

при кознях человеческих – 3, 53, 58, 142.

28 марта 1989 г.

«…Правильная нравственность не может процветать на неправильном догмате…»

«…изречения отцов наших мы употребляем сообразно с лукавою волею нашею и к погибели душ наших».

Прп. Дорофей

Старая надпись на памятнике И. В. Киреевского: «Премудрость возлюбих и поисках от юности моея. Познав же, яко не инако дерзну, аще не Господь даст, приидох ко Господу».

У С. Четверикова:

«Узрят кончину премудрого и не уразумеют, яко уготова о нем Господь».

29 марта 1989 г.

Послушанием истине чрез Духа, очистив души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите другдруга от чистого сердца… (1 Пет. 1, 22).

1 апреля 1989 г.

«Святыня под спудом» С. Нилус:

«Умер в 12-м часу ночи 14 января 1817 г. игумен Авраамий».

«Духовное завещание»:

«…отнелиже бо приях святый иноческий образ и постригохся в Московской епархии, в Николаевском Пешношском монастыре в

тридесят третье лето возраста моего и обещах Богови нищету, изволенную имети, от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжах имения и мшелоимства, кроме книги сорочек с карманными платками. Не собирах злата и сребра, не изволих имети излишних одежд, ни каких-либо вещей, кроме самых нужных, и то для служения: две ряски – теплая и холодная и один подрясник; но нестяжание и нищету иноческую духом и самим делом по возможности моей соблюсти тщахся, не пекийся о себе, но возлагаяся на Промысл Божий, иже никогдаже мя остави. Входящия же в руце мои от благодетелей святыя обители сея подаяния и тыя истощевах на монастырские нужды для братий и на разные постройки; также иждивах на нужды нуждных, идеже Бог повеле».

6 апреля 1989 г.

Пострижены в рясофор посл. В. и М. и наречены М. и Г

.

7 апреля 1989 г.

Благовещение. Служил митр. Владимир Ростовский и Новочеркасский, управляющий делами Моск. Патриархии.

13 апреля 1989 г.

Возвеличенного величием в Господе, яко упокоившася от злых, достойная воздаем ти, чадца твоя, святый отче; но яко имеяй милосердие безмерное (пречудный), от грядущих нас бед свободи, да зовем ти: Радуйся, преподобне Амвросие, щедрый наследниче любви Христовой.

14 апреля 1989 г.

Пострижен в рясофор послушник Г. Наречено имя С.

15 апреля 1989 г.

Похвала Богородице.

О всеславный отче Амвросие, стяжавший всеми дарами дориносима Духа Святаго! Нынешнее приими приношение, от

грядущих зол соблюди чад твоих и на Страшнем Судищи заступи, да с тобою воспоим: Аллилуйя.

17 апреля 1989 г.

Вывешено распоряжение отца наместника о принятии в послушники 10 рабочих. Среди них мое имя.

18 апреля 1989 г.

Отец наместник благословил переселиться из скита в монастырь. Сегодня я и иеродиакон В. переехали в братский корпус. Батюшка Амвросий, не остави нас!

23 апреля 1989 г.

Вход Господень в Иерусалим.

Днесь Собора преподобных прославление и святаго воинства Российскаго величание, земля плод нетления приносит, небо десницы благодати простирает, людие же, зрящие сие сретение, ужасаются, недоумевают и Бога славят: Великий в Советех, Господи, слава Тебе.

Рим. 14, 7–9 – готовая стихира.

1. Монашество – бескровное мученичество.

Мука не есть лишение себя утех семейной жизни, сладкой пищи, телесного комфорта и других житейских развлечений и утешений. Это только путь к муке, а в пути иногда бывают радостные и приятные встречи, в пути есть ощущение собственной силы и удовлетворение от преодолеваемых препятствий. Собственно же мука – это предстояние пред лицем своей (собственной) беспомощности и непрестанного лицезрения своего пленения силою страстей. Это состояние сравнимо с положением человека, терпящего истязания от взявших его в плен и предчувствующего свою гибель.

Монах добровольно подставляет грудь мечу Слова Божьего, и тот проникает до разделения души и духа, обнажает и бу дит помышления сердечные. Это все совершается духовно так же реально и болезненно и мучительно, как и телесно.

2. Почему существует истина и люди не могут поверить ей, не могут приобщиться ее силе?

Людям затруднено проникновение в смысл слова, затруднено приобщение к силе слова и тем самым затруднено сознание истины – только действием (могуществом) греха. Это следствие падения, преступления заповеди Божией. Адам не послушал слова, т. е. отвергся сам от понимания смысла, как бы разделился с ним, и мгновенно образовавшийся промежуток заполнил грех. Впрочем, сам этот промежуток, сама эта пустота и есть грех, искажение. Как бы некая пелена закрывает нам теперь истину и смысл слов.

Вот почему трудно различать слова в их полной силе и в их истинном смысле. Так же трудно различать предметы в сумерках.

Путь восстановления возможности слышания Слова и Его постижения и приобщения к Нему – вот смысл наших трудов.

29 апреля 1989 г.

Страстная Суббота.

Восемь человек послушников облачили в подрясники. Среди них сподобился и я пребывати и вкусить страха Божия, своего недостоинства и великой милости Господней.

30 апреля 1989 г.

Пасха.

Милость Божия дается даром, но мы должны принести Господу все, что имеем.

9 мая 1989 г.

Почему Евангелие трудно читать?

Господь отвечает не на вопрошание уст, а на сокрытые помыслы сердца. В них вся суть, они – причины, а вопрос – следствие. То есть устроение сердца важнее произносимых слов, важнее логической стройности речи.

13 мая 1989 г.

Свт. Игнатия (Брянчанинова).

Молиться Святителю о даровании слез и покаяния.

14 мая 1989 г.

Преподобного Пафнутия Боровского.

После литургии крестный ход на кладезь преподобного Пафнутия. Повторение пасхальной радости.

(Воды вспять возвратитеся и о временах утекших нам поведайте; травы сельные ороситеся, и слезы, землю напитавшие, источите… земле утренняя оросися, слезы иноческие показуя.)

22 мая 1989 г.

Радуйся, преподобне отче наш Амвросие, патриарше старцев Оптинских!

25 мая 1989 г.

Распоряжением отца наместника с иеродиакона Феофила снят клобук и мантия за дерзостное (немонашеское) поведение в трапезной. А вчера был вывешен список участвующих в братской трапезе. Гости и др. – с благословения отца наместника или благочинного.

31 мая 1989 г.

Дары исцелений от Бога приявше и людям источая, славою обогатился еси Иудо; приношения содержа и милостыню подавая, благодарениями услаждался еси; и аз же, треокаянный, тщеславия богатство скопив, страшуся единожды Бога предати; спаси мя, Господи, да воздам Тебе Единому славу и благодарение.

1 июня 1989 г.

Вем, Господи, вем, яко биеши всякого сына, его же приемлеши, обаче не имам силы слезы сдержати, егда зрю наказуемых чад Твоих; прости, Господи, и терпение с благодарением даруй.

Разумом постигаю, яко венцы и славу готовиши плачущим и уничиженным, обаче душа моя грядущим воздаянием и наградами не утешается, скорбь объемлет мя, егда зрю поношения на искренняя моя; помилуй мя, Господи, и молиться научи за враги неоскудевающия.

3 июня 1989 г.

Покаяние делает наше дело поистине добрым делом.

Егда в надмении пребываю, зависть злобно терзает мя, егда же навык обретаю, гордостию обуреваюся неудержимо; Господи, грех алчный гонит мя, душа моя не ведает покоя (не знает покоя); приими немощи моя и сокрушения моя, Владыко, иных даров и жертв, Владыко, не имам.

18 июня 1989 г.

День Св. Троицы.

День Ангела.

Отец наместник благословил огромную просфору и поздравил меня и послушника И. П. с днем Ангела. В конце чина панагии в храме о. В. многолетствовал нам и братия подходила с поздравлениями.

Господи, дай память о благоволении Твоем и нам, грешным, дабы не роптали мы в день печали, а проливали слезы покаяния.

4 июля 1989 г.

Приезжала мама с т. Ниной. Причастились. Но не все спокойно. Слезы, упреки, уговоры ехать домой. Тесно мне отвсюду! Укрепи, Господи, сердце мое смятенное и изнемогающее. Отцы Оптинские, старцы святые, помогите мне! Матерь Божия, утешь скорбную мою душу.

7 июля 1989 г.

Рождество Иоанна Предтечи.

Служил Климент, архиеп. Серпуховской. Хиротония во диакона инока М.

Причащался. Одно утешение мне осталось – Чаша Святая.

9 июля 1989 г.

Постригв мантию иеродиаконов Д. и А.

16 июля 1989 г.

В Оптину из села Холмищи перенесены мощи иеросхимонаха Нектария. Часов около 8 вечера (я был дежурным в этот день у ворот) мы встретили честные останки о. Нектария, переложили их в гроб, перенесли в храм. Была отслужена великая панихида, мощи обнесли

вокруг храма. Я по грехам и по лености к стяжанию благодати не был на службе, не присутствовал при обретении мощей, не участвовал в перенесении их во храм. Смотрел на все издали и сокрушался о недостоинстве своем. Вечер был необыкновенный. Прозрачный, тихий, лучезарный. В душе появилось ощущение об Оптиной такой, какой она была раньше, при старцах. Святость наполнила воздух. Было видно, как она хранит силою своею мир и вся яже в нем.

В храме пели «Вечную память», и у ворот, где я дежурил, было слышно. Немеет душа от скудости своей, оттого, что очи зрят великое, а душа не может его вместить. Благодать затворяет уста, упокоевает сердце, умиротворяет душу.

Читали ночью Евангелие пред гробом о. Нектария.

Отче Нектарие, моли Бога о нас!

«…для всякого, кто хочет идти вперед и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посещение Божественной литургии и внимательное слушание: она нечувствительно строит и созидает человека. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною нетерпимостью, ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная литургия, напоминающая человеку о святой небесной любви к брату».

Н. Гоголь

18 июля 1989 г.

Лик луны был светел и лучист,
В монастырь пришел ночной покой.
(Я на службе был сторожевой)
И нежданно местный гармонист
Надавил на клавиши рукой.
Был его напев знаком и прост,
И любовь такая в нем была,
Что оставил я полночный пост,
Вышел из ворот монастыря.
Встал я посреди тропы пустой,
И глаза мне слезы обожгли.
Боже, как похож на голос Твой
Этот одинокий зов любви.

Вариант

Лик луны был светел и лучист.
Я на службе был сторожевой.
Вдруг какой-то местный гармонист
Надавил на клавиши рукой.

24 июля 1989 г.

О покаянии

Кому уподоблю себя, желающего одолеть свою гордость? Уподоблю себя человеку, пытающемуся руками низвергнуть гору. Все познания свои употребляю, все силы полагаю. Вижу, что неисполнимо желание мое, – гора стоит непоколебимо – все же не оставляю труда своего. Вижу тщетность усилий своих, плачу о беспомощности своей, сетую о неисполнимости замысла. Уныние омрачает ум мой, леность сковывает тело, безнадежность ущемляет сердце. «К чему это все? – говорят мне. – Труд твой никому не нужен». – «Нужен, – сквозь слезы отвечаю я, – нужен, ведь Сам Бог мне помогает в нем».

Порою, когда стою в храме, душу охватывает ощущение присутствия Божия. Тогда уже не иконы окружают меня, но сами святые. Сошедшиеся на службу, они наполнили храм, отовсюду испытующе поглядывая на меня. Незачем отводить глаза от их ликов, прятаться в темном уголке церкви – угодники смотрят не на лицо мое, а только на сердце, – а куда спрятаться сердцу моему? Так и стою я в рубище беспомощности и недостоинства своего пред их всевидящими очами.

Скверные мысли мои, страшась святых взоров, куда-то скрываются и перестают терзать меня. Сердце, воспламенясь огнем собственной порочности, разгорается огнем сокрушения, тело как бы цепенеет, и во всем существе своем, в самых кончиках пальцев, начинаю ощущать свое недостоинство и неправду.

Взгляды святых обладают непостижимым всеведением. Для них нет в душе моей ничего тайного, все доступно им, все открыто. Как неуютно становится от мысли, что кому-то о тебе все известно; как страшно сознавать, что некуда спрятать себя, что даже тело не может утаить сокровенных мыслей и чувств. Это сознание лишает душу беспечного равновесия: нечестия и пороки перевешивают собственные

оправдания, и непонятная тяжесть наваливается на сердце. Как бы от внезапной боли и тревоги просыпается душа и осознает, что не может помочь сама себе и никто из людей не в силах помочь ей. Криком новорожденного она вскрикивает: Господи, помилуй, не оставь меня. Все забыто, все исчезло, осталась только просьба, мольба всего моего существа – души, ума, сердца, тела: «Господи, прости и помилуй». Немеет ум мой, сердце сжимается, а глаза робко наполняются слезами покаяния.

Почему одни и те же слова, которые вчера оставались незамеченными, сегодня потрясают меня своим величием и мудростью, так что их хочется навсегда удержать в сердце? Непостоянство моего сердца этому причина. Вчера оно было ледяным, поэтому все изящное и строгое восхищало его, сегодня оно подобно тающему снегу, который радуется свету и теплоте. Что же происходит в глубинах сердца моего, куда не проникают ни зрение мое, ни ум мой? Там, подобно солнцу, с его восходами и закатами, рождается и умирает покаяние.

29 июля 1989 г.

Раздраша ризу Спасову беззаконныя и смеяся нам ю возвратиша (принесоша), мы же во вретище сие облачившеся, слезами омыем ю и покаянием ю убелим.

10 августа 1989 г.

Радуйся, земле Оптинская, Заиорданье Российское! Ангелом место возлюбленное, человеком страна святая, дивны красоты Твоя, велия слава Твоя, бездны обетования Твои. Красуйся, благословенная, и ликуй, яко Господь Богс Тобою!

12 августа 1989 г.

Преподобным подвигом прославися, обитель достоблаженная, Творцу Христу Богу своему всем уподобилася еси: рождение безвестное восприявше, крестное служение совершила еси, поношения и муки претерпевши, погребением смертным (смертию крестною) упокоилася еси, воскресением чудным прославися, темже и

торжество велие заповеди творити нам в досточудное твое прославление.

Мытарства

1. Согрешения в слове:
празднословие, сквернословие, насмешки, кощунства и т. д.
2. Мытарство лжи:
клятвопреступления, призывание имени Божия всуе.
3. Мытарство клеветы:
осуждение, уничижение, ругательство, насмешки над другими, оклеветание.
4. Мытарство чревоугодия: все роды угождения чреву.
5. Мытарство лености.
6. Мытарство воровства.
7. Мытарство сребролюбия и скупости.
8. Мытарство лихвы.
9. Мытарство неправды.
10. Мытарство зависти.
11. Мытарство гордости.
12. Мытарство гнева и ярости.
13. Мытарство памятозлобия.
14. Мытарство убийства, ударения, толкания.
15. Мытарство волхвования.
16. Мытарство блудное:
блудный грех лиц, не обязанных супружеством, соизволение на грех, мечтание.
17. Прелюбодейное мытарство:
не сохранившие супружеской верности.
18. Мытарство ересей.
19. Мытарство немилосердия.

Со всякою скорбию, великою и малою, с обидами тайными и горькою печалью прибегаем к Тебе, Матерь Божия, яко чада от злых обидимые, вся приносим Тебе, Дево Чистая, чая утешения и Матерней милости.

Не оскорбляется Царица Небесная прошением малым, не отвращается земли Владычица недостойных призываний, вся бо

приемлет с любовию и кротостью, яко Матерь Бога, мира Спасителя.

Руце Пречистая горе простирая, слезы же долу источая, на воздусе молебно предстоиши, Богородице Славная, росу благодати земле низводиши, моления теплые Богу возносиши. О Лествице Предивная, вся совокупльшая в жизни и в успении, чудо пречудное.

Начертание образа Твоего имея и списание словес Твоих поюще, истинно Богородицу Тя исповедуем, темже Красото еси и Кротость Невечерняя (Бесконечная).

Оставивше облак, Игуменья Пречистая, и на престол воссела Царственный, благословение на скипетр пременила еси, свиток обетований отложила еси и державу приняла еси, темже властию Твоею, Царице, спасаемся.

Не имам, Господи, витийства высокого, не вем глаголов премудрых, но яко и отцы наши от века, взываю Ти: помилуй мя, Боже, и спаси мя.

9 сентября 1989 г.

Получил послушание за свечным ящиком. Господи, благослови!

Господь от начала положил в человеке волю, разум и душу. После падения, разъединенные с Творцом, они всем существом своим стремятся к Нему. Воля стремится к свободе, разум – к познанию истины, душа – к совершенству и чистоте. Никто и ничто не может угасить этого стремления. Его можно только исказить, направить по ложному пути. Этим и занимается политик (оный) и его присные.

Свобода от греха замещается политическими свободами, познание истины, удовлетворяющей сознанием своей правоты, – пустой начитанностью, осведомленностью, эрудированностью, т. е. ветхой буквой; еще хуже, если жажда познания истины обращается в жажду познания греха, стремление души к совершенству заменяется стремлением к удовлетворению страстей.

Отсюда становится главным совершенство, т. е. красота одежды, обилие пищи и пития, богатство, карьера. Все это содержит своим корнем неистребимое желание самосовершенствования. Но, искажаясь, обретает оно эти уродливые формы.

22 сентября 1989 г.

Получил послушание летописца. Господи, спаси! Матерь Божия, заступи! Преподобне отче Амвросие, сохрани мя!

23 сентября 1989 г.

Владыка Илиан.

30 сентября 1989 г.

Владыка Паисий.

Не расступися, земле, подо мною, тьма ночная, не поглоти мене, не падите на главу мою небеса; Господи, потерпи молитву мою, да принесу покаяние Тебе, Владыко Вселенной.

14 октября

Покров.

Пришел Иосиф с Никодимом,
Когда надежда умерла
И Матерь плакала над Сыном
У основания Креста.
Не за величием и властью
Они спешили ко Христу.
(Они пришли к Царю Христу.)
Пришли свое оплакать счастье,
Что скрыла тьма в шестом часу.
Его и так уж было мало,
Сокрытого (в душе) от злобных глаз.
И ныне Плащаница покрывала,
Пророчествуя погребенья час.
Но раздралась завеса в церкви,
Завеса их сердечных мук.
И плакали они над мертвым,
Смывая кровь с Пречистых рук.

«Один Богда душа – вот монах».
Еп. Феофан

28 октября 1989 г.

Дмитриевская родительская суббота.

Кондак, глас 2

Чаши Христовой испивше, души ваша слезами омылися, плоть ваша страданьми очистилася; в мире быша, и мир вас не позна, во своя приидоша и свои вас не прияша, елицы же прияша вы, даша им область чадом Божиим быти. О, отцы преподобнии, молите Христа Бога, якоже слово ваше вселися в ны, и темже зрети славу вашу, исполненную благодати и истины.

Вретище времен воздыханных, имже земля наша одеяся, раздери, Господи, и веселием препояши, и венцем лета благости Твоея украси!

2 ноября 1989 г.

Дело католиков – суетиться у подножия истины, указывать людям на красоту ее вершины, умиляться, ломать руки и плакать, не зная внутреннего чувства высоты истины, не представляя себе вида, который открывается с ее вершины. Дело Православия – непоколебимо стоять на самой вершине, в этом ощущать всем существом необходимость для жизни, незаменимость ничем этого места. Созерцать величие истины, беззаветно хранить ее и не отступать от нее «даже до смерти».

«Легче действовать, чем молиться или внимать себе».
Еп. Феофан

28 ноября 1989 г.

Нам должно совершенствоваться в познании. Но в познании чего? Величия Божия и своих несовершенств и немощей.

Мы не можем вместить величия дара – Божественной литургии, но мы можем вместить чувство собственного недостоинства, предстоя этому страшному таинству.

Так поступают и Ангелы. Закрывая лицо свое крылами от света Божественной славы, они исповедуют свое недостоинство и несовершенство.

«Священное молчание, низводимое на ум во время молитвы ощущением величия Божия, вещает о Боге возвышеннее и сильнее всякого слова».

Еп. Игнатий

«Христос ради послушания пришел в мир».

Отец Нектарий

«Душа не может примириться с миром и утешается лишь молитвою».

Отец Нектарий

«Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила, а не он ей.

Свв. Кирилл и Мефодий.

Преподобный Нестор летописец.

Коперник.

Преподобный Андрей Рублев».

Еп. Феофан

О молитве

В душе пробудите жажду спасения и уверенность, что, кроме Господа, неоткуда ожидать нам спасения.

Плод молитвы – главный – не теплота и сладость, а страх Божий и сокрушение.

Достижение христианского совершенства без стяжания умной молитвы невозможно.

Трезвиться – значит не прилагать сердца своего ни к чему, кроме Бога.

Самолюбие и есть живущий в нас грех…

«Страшный змий влагает в нас му дрость побеждать словом тех, кто хочет нас исправить; и оттого грех умножается в нас, не имея противоборства себе».

Прп. Ефр. Сирин

5 января 1990 г.

Постригв рясофор с наречением имени Василия, в честь учителя вселенского, святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии

Каппадокийския.

«Храни зрение больше, нежели чрево».
Прп. И. Сирин

«Убойся дурных привычек более, нежели бесов».
Прп. И. Сирин

«Келья – пристанище и прибежище от мысленных и сердечных бурь».
Еп. Игнатий

От ничтожного по наружности обстоятельства может для монаха возникнуть величайшее искушение и самое падение.

Молитва есть мать добродетелей.

Дерзость есть мать всех страстей, т. е. вольность, свобода в обращении.

Истинное христианство и истинное монашество заключается в исполнении евангельских заповедей. Где нет этого исполнения, там нет ни христианства, ни монашества, какова бы ни была наружность.

Монах – это тот, кто во всяком месте и деле, во всякое время руководствуется единственно Божиими заповедями и Божиим словом.

9 января 1990 г.

Господи, Господи, еще мало потерпи чад наших, св. старцы вопияша, солнца не помрачи тьмою, луны кровию не обагряй. Содержи, Владыко, силы небесные, покрый землю милостию Твоею, да не ужаснутся звезд падающих и стихий горящих, имиже обличение в день гнева возвестися.

Предста Царица Сыну Своему, егда воссташе Господь судити миру, руце в мольбе простерши за ны, яко голубица криле свои за птенцы своя и ничесоже глаголаше, токмо слезы смиренно имуще; и, о чудо, Ангелов устрашающее! возмутися духом вселенной Господь БогВсеведущ и прослезися, силы небесные вспять возвратишася, суд о земле на милость преложися, еще миру мир даровася, яко да возвеличим Богородицу Пречудную.

Кому от земных глаголеши, Господи, яко прискорбна есть душа Твоя до смерти? Кий поднебесный обымет сие? Кое естество человече сия вместит? Но расшири сердца наша, Господи, яко да грядем в след печали Твоей ко Кресту Твоему и Воскресению.

И не мог[!!!] совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложив руки, исцелил их. И дивился неверию [!] их… (Мк. 6, 5–6).

Гнев Христа

1. Мк. 3, 5. *И, воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их…*

О фарисеях, когда они молчали на вопрос Христа, должно ли делать добро в субботу.

2. Мк. 10, 14. *Увидев то, Иисус вознегодовал…*

Об учениках, не допустивших ко Христу приносящих своих детей, чтобы Он прикоснулся к ним.

3. Ин. 2, 15.*И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул.*

Скорбь Христа

1. Ин. 11, 33–35. Воскрешение Лазаря. *Иисус, когда увидел ее [Марию] плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмутился и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойди и посмотри. Иисус прослезился.*

2. Еллины захотели видеть Иисуса. Ин. 12, 20–21.

Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать?

Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел

[в мир] (Ин. 12, 27).

Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю (Ин. 12, 28).

3. После омовения ног.

Ин. 13, 20–21. *Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня. Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.*

(Мир, похищая у Бога чин подателя благ, присваивает его горделиво себе и, наделяя нас ими, как бы милостиво присовокупляет и возлагает на нас заботу об их хранении и страх их потери.

Когда же дает Бог, то Он и заботится о даре своем, и потеря его не возмущает сердец наших.)

Ин. 14, 27. *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.*

1. Мф. 26, 38.*Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною.*

2. Лк. 19, 41. *И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем…*

«…новоначальный инок никак не может применить книги к своему положению, но непременно увлекается направлением книги».

Еп. Игнатий

«Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в роковых видах его, но и предлагая не свойственные им, возвышеннейшие добродетели».

Еп. Игнатий

Иметь заповедь и стараться сохранить ее – в сем заключается повиновение и память Божия. Ответ 77.

Никакая добродетель не может быть совершенна без смиренномудрия.

Не приписывай никому то, чего не знаешь о нем достоверно, ибо это погибель душевная. Ответ 5.

Вменять себя ни во что – значит ни с кем не сравнивать себя и не говорить о своем добром деле. Ответ 21.

Если действие не согласно с сознанием, то и оно не есть истинно, но поругание демонское. Ответ 24.

Ни одна злоба, ни одна ересь, ни сам диавол не может никого обольстить иначе, как только под видом добродетели (113).

Всякий грех происходит от:

1. Сластолюбия, или
2. Сребролюбия, или

3. Славолюбия, так и ложь бывает от сих 3-х причин. Человек лжет, чтобы

4. Не укорять себя и не смириться, или для того, чтобы

5. Исполнить желание свое, или

6. Ради приобретения.

Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божиею, освятить этим соединением.

Необходимо уверить себя, что Богуправляет участью мира и участью каждого человека. Опыты жизни не замедлят подтвердить и утвердить это учение Евангелия.

Необходимо благоговеть пред непостижимыми для нас судьбами Божиими во всех попущениях Божиих, как частных, так и общественных, как в гражданских, так и в нравственных и духовных.

Отчего же дух наш возмущается против судеб и попущений Божиих? Оттого, что мы не почтили Бога как Бога.

Юные иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям.

Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием.

О скорбях

Господь зиждет души верующих в Него скорбями.

Всякая скорбь обнаруживает сокровенные страсти в сердце, приводя их в движение.

Паче солнца возгореся стыд мой предо мною, поникли долу очи мои от блистаний его, уязвися сердце мое от лучей его пламенных; Господи, наведи покров Твой облачный на восставшее в памяти нечестие мое и низведи дождь на землю души моей, да омыю ю милостию Твоею и слезами покаянными.

Дабы не начать путь благочестия, заповеди Божии называем навязшими в зубах нравоучениями, т. е. указываем гордостью на нашу способность к большему, а те требования, которые ведут к совершенству, – невыполнимыми установлениями, ссылаясь на нашу слабость.

Что за чудо зрю в себе бесплодном? Душа окамененная рассекается, очи пустые слезы источают. Се бо благодать коснуся души моея и сотвори мя чадом своим, яко да имею в себе свидетельство об истине превечной и обличение недостоинства моего.

Моисей	**Иисус**
Разделил море	Прошел по водам
Испросил манну небесную	Насытил 5 тыс. 5 хлебами
Извел от камня источник	Претворил воду в вино
Землетрясение: наказание Дафана и Авирона	Укротил бурю

29 февраля 1990 г.

Начало Великого поста.

Слезы быша питием мне, (хлебом же мне година сея) хлебом же дух сокрушения, и насытися до пресыщения плоть моя ею, трапезою покаяния.

20 марта 1990 г.

Иисусова молитва – это исповедь. Непрестанная Иисусова молитва – это непрестанная исповедь.

23 марта 1990 г.

Всюду зрю Тя, Господи, Боже Мой, но не вижу Тя, Владыко, в сердце моем затворенном. Что за место сие презренное? Что за темница сея отверженная? Ты же, Господи, тьму адову облиставший сошествием Своим, сойди во мрачные бездны сердца моего, да не будет местом смертным душа моя, но селением славы и Царствия Твоего, Господи.

Лучами солнечными начало времен написавый и луну в знамение ночи затвердивый, сошествием безвременным во гроб времена упразднил еси и воскресения блистанием тьму всяческую потребил еси, Господи, Слава Тебе.

Како земля удержит солнцу восходящему? Како гроб сокрыет Бога восстающего? Кия облака застят день грядущий? Кия печати утаят

Христово Воскресение? Безмолвствуют зде силы небесные и в ничтоже вменяется усердие земное. [Немощны зде силы небесные и ничтожно величие (усердие) земное.] Слава, Господи, Воскресению Твоему.

1 апреля 1990 г.

Идеже течеши ты, Иордане, слез покаянных? Не слышу шума вод твоих в пустыне души (нечувствия) моея. Посреди моря тщеславия моего не вижу тя. Восстани, Иордане, гласом велиим (сущему далече), да гряду (прииду) ко струям твоим животворным (животворящим).

Заутро умыю слезами лице мое, яко ночь пленила мя сном жестоким. Помрачены очи мои, сердце мое окованно. Господи, изведи из темницы сей душу мою ко исповеданию имени Твоего.

Како возыменую себя по достоянию? Разбойником ли? Но сей рая достигл еси (иногда). Блудным ли сыном? Но сей грехов оставление прият. Аз же что, окаянный? Имени не имам по делом моим. Но Сам, Господи, нареки мя, рождая от Духа и слез покаянных.

Ко стопам припадаю Искушеннаго в пустыне и по морю Шествовавшаго невреждённо. Господи, Боже мой, облагодати безводную душу мою (иссуши зной страстей моих) и бурю помышлений моих умири.

8 апреля 1990 г.

Вербное воскресенье.

Рукоположение во диакона.

При поставлении во чтеца владыка Илиан открыл Второе послание ап. Павла к Коринфянам, гл. 8 (16–21).

25 апреля 1990 г.

Преподобного Василия исп. (!)

Первый раз служил самостоятельно литургию. Читал Евангелие от Иоанна 5, 17–24.

9 мая 1990 г.

Свщмч. Василия (!)

По благословению отца наместника после акафиста Казанской Божией Матери говорил проповедь. Впервые в жизни.

23 августа 1990 г.

Постригв мантию с наречением имени Василия в честь и память Василия блаженного, московского Чудотворца.

21 ноября 1990 г.

Собор Архистратига Божия Михаила и прочих Не

бесных Сил бесплотных. 2 года о. Рафаилу. Рукоположение во иеромонаха.

Памятные даты

17 октября 1988 г. – обретение мощей преп. Амвросия.

Приход в Оптину.

29 апреля 1989 г. – Страстная Суббота. Мчц. Агапии, Ирины, Галины. Мч. Леонида. Облачение в подрясник.

5 января 1990 г. – 10 мчч. Критских.

Постригв рясофор.

8 апреля 1990 г. – Вербное воскресенье. Собор Архангела Гавриила.

Рукоположение во диакона.

23 августа 1990 г. – Мч. архидиакона Лаврентия, блаж. Лаврентия Калужского. Постригв мантию.

21 ноября 1990 г. – Собор Архистратига Божия Михаила.

Рукоположение во иеромонаха.

Истинное послушание – послушание Богу, Единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо. А не могут люди с сильными порывами, потому что порывы их уносят.

Как подавать советы ближним?

1. Обращаться с молитвою к Богу, чтобы дал Он нам сказать слово на пользу ближнему. Тем самым беседа очищается от тщеславия.

2. Говорить с осторожностью, не вдаваясь в многословие. Пустых, любопытных вопросов не делать.

3. Если увлечешься и скажешь что-то не по совести, то мысленно укори себя и раскайся пред Богом.

4. По скудости нашего времени мы должны делиться с ближними нашими скудными знаниями.

От грехопадений моих бегу не в затвор, не в пустыню, а в самоукорение, в исповедание грехов моих, в раскаяние.

Дьявол готов придать нам вдесятеро здравого смысла и умножить тысячекратно наши практические сведения, лишь бы украсть у нас знание крестное, при коем сможем стать одесную Бога.

Может быть опьянение молитвы, препятствующее познать истинное молитвенное действие.

Мнение – упоение души, довольной собою, своими сладостными состояниями.

Оставляя указанное Богом спасительное покаяние, стремимся к упражнению в мнимых добродетелях, потому что они приятны для наших чувств. Потом неприметным образом заражаемся мнением, и как благодать не спешит увенчать нас, то мы сами сочиняем себе сладостные ощущения.

Никак не позволь себе ожидание благодати. Стремиться узреть грех твой и возрыдать о нем – это твое дело.

«Где бы я ни был, в уединении ли или в обществе человеческом, свет и утешение изливаются в мою душу от Креста Христова. Грех, обладающий всем существом моим, не престает говорить мне: «Сойди со креста». Увы! схожу с него, думая обрести правду вне креста, – и впадаю в душевное бедствие: волны смущения поглощают меня. Я, сошедши со креста, обретаюсь без Христа. Как помочь бедствию? Молюсь Христу, чтоб возвел меня опять на крест. Молясь, и сам стараюсь распяться, как наученный самим опытом, что не распятый – не Христов. На крест возводит вера; низводит с него лжеименный разум, исполненный неверия».

Свт. Игнатий

2 июня 1991 г.

О предстоянии Престолу Божию

1. От грешников первый есмь аз. У молять Господа о грехах своих и людских. Милости просить.

2. Себя распинать, в жертву приносить. Страсти, похоти, нечистые помыслы терзают душу, но терпеть надо и совершать дело благочестия, исполняя заповеди Христовы.

Действия лукавого направлены на разрушение Божественного строя, порядка жизни, т. е. на разрушение красоты и премудрости. Потому что Божественный строй (иерархия во всем, послушание по любви) – это и есть премудрость и красота, совершенство, полнота.

1. Первое средство разрушения – окрадывание духа, внутреннего, оставляя мертвенность внешнего.

2. Второе средство – разгорячение духа по страстям, рождающее беспокойство, неустройство, желание изменить внешнее, стремление к мнимому лучшему.

Главное – наполнить слова значением, содержанием, т. е. чувством – духом.

Наше дело – внимание посильное, понуждение на молитвенный труд, частота молитвы, прошения. Божие дело – посылать чувство, дух, т. е. наполнять слова, души, сердца. «Иже везде сый и вся исполняяй».

«Богатство монаха – утешение, находимое в плаче, и радость от веры, возсиявающая в тайниках ума».

«Жизнь – т. е. все и вся – это милость Божия, любовь Божия, кротость Его и смирение. Это все для нас, ради нас».

«Сокровище монаха – радость обретения в плаче и вера, хранящаяся в тайниках разума».

Прп. И. Сирин

Трудная, но высокая задача хри стианина – сохранить в себе великое счастье незлобия и любви.

Умереть нынче немудрено. Нынче трудно научиться жить.

Вне Церкви можно иметь все – только не спасение.

Крест – готовность к благодушному подъятию всякой скорби, получаемой Промыслом Божиим.

Пустыня – нерукотворный храм Божий. Ибо Господь БогВседержитель обитает в ней и Агнец.

Пустыня не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия освещает ее, и светильник ее – Агнец[19].

Воздух пустыни – океан премудрости Божией.

Тишина пустыни – пение ангельское.

Небо земное, Иерусалим вышний, град Божий, в котором Богобитает с человеками и отирает с очей их всякую слезу, – вот что такое пустыня.

Земля пустыни – твердь небесная (облака неподвижные), ставшая подножием ногнаших.

Вода пустыни – Дух Животворящий.

Хлеб пустыни – любовь Христова (манна небесная), (милость Божия).

«Если взыщем Бога, то Он явится нам, – и если будем удерживать Его в себе, то Он пребудет с нами».

Прп. Арсений Великий

«Доколе возбуждаются и сопровождаются в нас сердечные ощущения движения крови, дотоле мы чужды духовного действия, истекающего от Бога».

«Молю вас, да не безвременною любовию меня удержите, оставите мя снедь быти зверем, имиже к Богу достигнути возмогу. Пшеница Божия есмь, зубами зверей да сломлен буду, яко да чист хлеб Богу обрящуся».

Евангелие – это уста Христовы. Каждое слово Спасителя – это слово любви, смирения, кротости. Этот дух смирения, которым говорит с нами Спаситель, нечасто является нам, потому и Евангелие иногда непонятно, иногда не трогает нас. Но… постигается, открывается дух Евангелия Крестом Христовым. Если увидим, что где бы ни находился Христос, что бы Он ни говорил, Он говорит это со Креста, тогда открывается нам дух Евангелия. Дух смирения, кротости, бесконечной любви Господа к нам, грешным.

Грех – разлучение с Богом.

Исполнение своей воли, отлучение своей воли от воли Божией. Непослушание. И как при расставании с любимым человеком горько на душе, так и при исполнении своей воли душа начинает страдать и плакать. Здесь опыт.

* * *

Сердце обнищавшее, лишенное благодати, а значит, и силы, подвластно телу и исполняет его хотения и желания.

Укрепить свое сердце, наполнить его благодатью и одолеть, подчинить тело сердечным стремлениям и намерениям – вот задача. Поставить сердце во главу, сделать его владыкою своего существа и отдать его в подчинение Христу за ту милость и ту благодать, которою Господь и укрепил, и обновил это сердце.

* * *

Царствие Божие внутрь вас есть… (Лк. 17, 21).

«Погружай ум твой в слова молитвы».
Прп. Иоанн Лествичник

Через вхождение, погружение ума, соединенного с чувством, в слово молитвы входим в Царство Небесное, которое внутри нас. Там Царство Духа, там дом наш родной, в который вселяется смиренная и умиленная душа, дивясь непрестанно милости Божией, покрывающей ее нищету и греховность.

* * *

Что легче? Терпеть голод в желудке или совесть, оскверненную чревоугодием? Что легче? Терпеть тяготу данного послушания или тяготу совести, оскверненной саможалением, самолюбием и как следствие – отказом от послушания?

Всюду труд, всюду терпение, всюду тягота жизни. Но в одном случае помогает Господь, а в другом отступит. В одном случае иго Господне, в другом – иго диавола. Господь не отнял окончательного наказания загрех – тягота жизни осталась, но жизнь преобразилась в Духе. Дух этот дается несущим иго Христово, выбирающим исполнение заповедей Божиих, а не служение плоти и крови. Господи, даждь мне силу избирать во всем иго Твое благое.

Страшно видеть в себе готовность к совершению любого самого тяжкого греха. Это – бездна, это – адская пропасть, это – вечная мука и смерть.

И вижу, и знаю, если только буду поставлен в тяжелые условия выбора между верностью Господу и предательством Его, то буду предателем. А значит, я и сейчас предатель, если в моей воле живет готовность на предательство.

Живу и верность соблюдаю только внешне по милости Божией, но Господь видит немощь мою и не попускает обстоятельства и тяготы выше моей меры.

От тайных моих очисти мя, Господи!

Видеть это надо всегда и непрестанно взывать о помощи, о помиловании.

Господи, помилуй мя грешнаго.

* * *

Как пленник связан веревками и лишен свободы действия, так падший человеческий ум связан мыслями лживыми, неправыми, и так связано человеческое сердце желаниями похотными, нечистыми, страстными.

И как пленники бывают с различною степенью свободы действия: один заключен в оковы, другой – в темницу, третий – в стены тюрьмы, так и человеческое сердце и ум бывают с раз ной степенью истинности в мыслях и чувствах. Но пленник остается пленником, в каком из видов заключения он бы ни находился, так и падший ум и сердце остаются падшими, т. е. неистинными, о чем бы они ни составляли свое мнение в мыслях и чувствах.

Поэтому Господь говорит: *…познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8, 32), а св. апостол – *Где Дух Господень, там и свобода* (2 Кор. 3, 17).

* * *

Всякое понятие, слово имеет смысл и сопряженное с этим смыслом чувство, отзвук в душе.

Грехом это единство смысла и чувства рассечено, и мы не чувствуем того, о чем говорим, и не понимаем того, что чувствуем.

Господь благодатию Своею восстанавливает это единство, врачует эту неисцельную рану. Но все это происходит так, как будто мы снова начинаем учиться ходить. Все ново, все необычно, все трудно. Все

дается только опытом, только им одним. Иначе как научиться ходить? Значит, все в исполнении заповедей Божиих.

* * *

Как немощно сердце без благодати Божией!

Есть сила физическая, которую мы ощущаем в членах наших. И если она истощается, то мы изнемогаем от усталости. Но есть сила духовная, сила благодати, которая укрепляет сердце наше, и без нее мы немоществуем, т. е. бываем склонны ко всякому греху. Особенно к осуждению, раздражительности, гневу, чревоугодию, недовольству всеми и всем, склонны к ропоту, и отчаянию, и тщеславию.

Поэтому св. апостол говорит: укрепляйте сердца ваши благодатию (Иак. 5, 8). Благодать же подается Господом за исполнение Его заповедей.

* * *

В бане, когда моешься, помышляй: готовлю тело мое к погребению, умываю и умащаю его.

И еще: как я очищаю тело мое от грязи, так Ты, Господи, «сердце чисто созижди во мне и дух прав укрепи во утробе моей»[20].

Сим победиши ублажение своего тела.

* * *

Благодать невидима, недомыслима, непостижима. Узнаем о ней только по действию, которое она производит в уме и в душе, по плодам ее. «Плод же Духа, – говорит апостол, – есть любовь, мир, долготерпение, кротость, вера…»[21]

Все это не наше – но дело благодати. Если будем видеть постоянно, что это не наше, то удержим благодать. А если что-то присвоим себе, то все потеряем.

* * *

Когда осуждаешь, молиться так: ведь это я, Господи, согрешаю, меня прости, меня помилуй.

* * *

– Какая сильная мысль! – говорим мы. – Он сильно переживает. Мысли и чувства имеют силу. Имеют силу побеждать, подчинять себе наше тело.

То, что имеет силу, должно существовать реально. Если как бы связать, соединить воедино мысли и чувства, то представится некое духовное единство.

Как я мыслю, как я чувствую – это и есть образ нашей души.

Видимо, душа может принимать тот или иной образ мыслей, в зависимости от ее силы. Что-то принимать, что-то отвергать.

В каком образе, в каком одеянии предстанет душа Богу? Необходима одежда покаяния. Если не праведная жизнь, то желание праведной жизни. Это первая одежда – это срачица (вспомни монашеский постриг). Если Господь увидит это желание, эту едва прикрывающую наготу одежду, то по неизреченной Своей любви, может быть, дарует одеяние иное, достойное для присутствия на Его Тайной вечери в Царствии Небесном.

* * *

Если смирение Христово воссияет в сердце, то жизнь земная для тебя будет раем. Но как это описать? Невозможно. Это чувство сердца. Если оно есть, ты знаешь, что это оно.

Ты видишь, что все вокруг достойнее тебя, честнее, праведнее, смиреннее, чище. И радостно оттого, что они не презирают тебя, последняго, убогого, не гнушаются общением с тобою, но разговаривают с тобою как с равным, рядом с тобою садятся за столом, вместе с тобою ходят в храм и никогда ни делом, ни словом, ни взглядом не позволяют себе указать на твое недостоинство и нечистоту. Но терпят тебя рядом с собою, покрывают недостатки, ошибки, грехи, милосердствуют и даже иногда просят исполнить какое-либо послушание, тем самым оказывая особую честь, оказывая внимание и возводя в достоинство слуги и иногда даже друга.

Господи, они прощают мне скотство мое и обращаются ко мне с просьбой! Это ли не радость, это ли не рай?..

…Но все это только помыслы смиренномудрия, а само смирение не живет в окаянном сердце моем.

Вижу, как должно быть, но стяжать этого не могу.

Господи, подай мне смирение и кротость Твою, и наполни ими сердце мое, и преисполни, дабы не осталось места ни для чего другого, но все – смирение Т вое сладчайшее.

* * *

Молитва – это стена, ограждение сердца. Его покои и мир. Молитва и сердце должны быть едины, слитны, между ними не должно быть пустоты. Если так, то все крепко, твердо, покойно, мирно. Сердце как бы за крепостною стеною и отражает все нападки врага.

Если же образуется брешь в стене, то к сердцу подступают враги. Тогда – боль, тягота сердечная. Надо вытерпеть и Господа попросить о помощи, своими силами ничего не сделаешь.

В общем, вся суть в том, где молитва – в сердце или вне его.

* * *

Смирение – это чувствовать себя хуже всех. Не думать, не помышлять, а чувствовать всем сердцем. Это и есть видеть себя смиренным.

Сердце своими очами видит чувства. Оно их различает, как наше зрение различает цвета: вот – кротость, вот – милосердие, вот – гнев, вот – тоска и т. д. Отверзаются очи сердечные только благодатию Божией. Это – чудо. Чудо исцеления слепого.

* * *

На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом…

(Пс. 136, 1).

Истекают из сердца моего реки вавилонские, реки осуждения моих братьев, тщеславия, реки малодушия, боязни и страха перед всяким послушанием, реки самоугождения и саможаления, реки славолюбия и гнева, уныния, лености, печали, реки всякой скверны, хулы, неверия, лукавства, нечистоты.

Сижу у сердца моего и плачу о неистощимости этих рек. Подземные бездны питают реки, и реки страстей моих питает бездна греховная сердца моего.

Господи! Это бездна. Бездна адова. Там не на что опереться, не на чем успокоиться. Все крик, все мерзость, все пустота.

Боже, во имя Твое спаси мя и подаждь ми руку, яко Петрови.

* * *

Видишь ли ты, что ежедневно прилагаешь грехи ко грехам? Что каждый день возвращаешься в кал тинный своих страстей и пороков?

Видишь ли, что всякое дело, сделанное тобою, обличает тебя, твое невежество, нечистоту ума и сердца, твое несовершенство? Все твое – и дела, и мысли, и чувства – все ущербно, все с изъяном, с примесью порока, нечистоты, все скудно, сиротно.

Видишь ли ты, как страсти окружили тебя и играют тобою, передавая из рук в руки? Как они, и оставляя тебя на время в покое, смеются над тобою (стоя невдалеке, наблюдают, как ты, немощный, сам из себя рождаешь тщеславие, забвение, беспечность). Смеются, потому что от одного их прикосновения весь мир твой и покой разрушится и исчезнет; смеются, потому что ты – их достояние, их раб, к тому же раб, считающий себя свободным.

Это лицезрение раба, возомнившего о себе, как о господине, доставляет им особенное удовольствие.

Видишь ли ты грехоточащее сердце твое? Как оно клевещет день и ночь на братьев твоих, на всех людей, на весь мир?

Исцели, Господи. Затвори ток нечистоты, греха и порока. *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50, 12).

* * *

По делам моим подлежит мне мука вечная, но Г осподь тайно поддерживает в душе надежду на милосердие Свое. Иначе жить было бы невмоготу.

* * *

И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины (Ин. 1, 14).

Каждое наставление народу, каждое слово Господа преисполнено любви, любви даже до смерти, смерти же крестной. Оно преисполнено мира, кротости и смирения. Оно – Божественно, полно благодати и

истины. Но видеть это, чувствовать, осязать сердцем можно, только когда Сам Господь открывает.

О Мудросте и Слове Божий, подавай нам истее Тебе причащатися.

* * *

Я дышу, и это не доставляет мне труда. Это свойство человеческого существа. Так и молитва была его свойством до падения. Теперь же молитва стала трудом, понуждением, как и у больного человека затруднено дыхание.

Возвратить молитву в сердце, возвратить сердцу это беструдное дыхание – это и есть путь непрестанной молитвы. Ведь Господь ближе к нам, чем дыхание.

* * *

Жизнь в Духе – это все новое; прежнее по виду внешнему, но настолько обновленное внутри, что становится воистину новым. Вода, претворенная Господом в вино, не изменила своего внешнего вида, но изменила свое внутреннее свойство. Так и жизнь в Духе – по виду та же вода, а на вкус – вино, веселящее сердце.

* * *

Преподобный Пимен Великий говорил: «Поверьте, чада, где сатана, там и я буду». Он не только так думал, он так чувствовал.

Господь дает видеть сердце свое, клевещущее на братию, на Господа, на весь мир день и ночь, и тогда видишь всю невозможность исправления себя, всю бесконечность своего падения, бездну адскую.

Тогда отчетливо сознаешь, что где сатана, там и ты будешь. Но это сознание, это мысль. А у преподобного Пимена Великого это чувство. Это земля и небо. Поэтому ты только сетуешь о своей греховности, а Пимен Великий проливает непрестанные слезы. Душа его чувствует реально адские муки, она знает их.

* * *

Старец Силуан пишет: «…и окаянная душа моя снидет во ад».

Таково было внутреннее умное делание его в борьбе со страстями, особенно с гордостью и тщеславием.

Господь дает сойти во ад, приковавши зрение твое к видению своего клевещущего сердца, и мучиться, и опалять себя огнем этой клеветы. Хранит тебя невредимым в этом пламени отчаяния вера и утешает тем, что Господь это видит и милостивно всегда готов прийти к нам на помощь, но обучает нас терпением. «Где Ты был, Господи?» – вопросил св. Антоний Великий, когда бесы избили его. «Я был здесь и смотрел на тебя…»

Но возможно другое. Возлюбить ближнего, как самого себя, молиться за него, как за самого себя, тем самым увидев, что грехи ближнего – это твои грехи, сойти во ад с этими грехами ради спасения ближнего своего.

Господи, Ты дал мне любовь и изменил меня всего, и я теперь не могу поступать по-другому, как только идти на муку во спасение ближняго моего. Я стенаю, плачу, устрашаюсь, но не могу по-другому, ибо любовь Твоя ведет меня, и я не хочу разлучаться с нею, и в ней обретаю надежду на спасение и не отчаиваюсь до конца, видя ее в себе.

*** * ***

Духом Святым мы познаем Бога. Это новый, неведомый нам орган, данный нам Господом для познания Его любви и Его благости. Это какое-то новое око, новое ухо для видения невиданного и для услышания неслыханного.

Это как если бы дали тебе крылья и сказали: а теперь ты можешь летать по всей Вселенной. Дух Святый– это крылья души.

«Нужно возделывать свою душу, как земледелец возделывает землю»

Письма

«Помню, я впервые приехала в Оптину Пустынь, и мы сидели с отцом Василием на лавочке под липами. Я была без платка и с колбасой в сумке в качестве гостинца. Но я ехала не к монаху, а к своему ученику, беспокоясь за его участь и еще не догадываясь в ту пору, что приехала к своему духовному отцу. А потом была переписка и еще встречи… Господь дал мне ученика, ставшего моим учителем на пути к Богу… Помню свою первую исповедь у отца Василия и чувство неловкости, что я, учительница, должна исповедовать грехи своему ученику. И вдругон так искренно и просто сказал об этой неловкости, добавив еще что-то, что я почувствовала себя отроковицей, стоящей даже не перед аналоем, но перед Отцом Небесным, Которому можно открыть все».

Н.Д.С.[22]

Письма отца Василия своей бывшей учительнице

Здравствуйте, Наталья Димитриевна!

Очень хорошо, что вы читали Евангелие и не перестаете его читать. Это очень важно. Все книги, которые были когда-либо написаны людьми, написаны об истине. Евангелие же – это сама истина, явленная Богом. Это книга Богодухновенная, единственная, и нет ей подобных.

Поэтому читать ее надо несколько по-иному: не мерить Евангелие своими мерками, своими понятиями о жизни, но себя проверять им, себя испытывать, находя несоответствие между Евангельскими словами и своей правдой. Евангелие – это свет, а мы – потемки. Евангелие – это любовь, а у нас в сердцах – злоба.

Вы пишете, что Христос – это вершина человеческой нравственности. Да, но если Он Сам утверждает, что Он – Сын Божий, что Он – Воплотившийся Бог, значит, Ему надо верить, иначе какая же Он – вершина? Или Он Сам о Себе говорит как об «абстракции»?

Попробуйте объяснить равнодушному человеку, что такое любовь. Никогда не объясните. Для него это так и останется абстрактным понятием. Но любовь существует реально! Эта реальная сила, реальное духовное состояние, это реальный дух. Что из того, что его нельзя взвесить или измерить. Это не значит, что нет духа любви. Разве дела этого духа (!) не видны в нашей с вами жизни, да и в истории всего человечества?

Дух – это реальность, эту реальность нужно ощутить сердцем. Сердце же делается способным к этому ощущению по принятии в себя Евангельского слова и утверждения в нем.

Так что истоки нравственности не в иудейской земле, а в Боге. А иудейский народ, как и народ русский, как и вообще любой народ, лишь орудие в руках Промысла и любви Божией. Народ – уста, а слово, исходящее из них, дает только Бог.

Христианство – вселенская религия. Она утверждает, что все люди имели родителями своими Адама и Еву, потому они братья по крови (не абстрактно, а реально).

А что может быть больше кровного родства и братской любви? Правда, один брат может быть правдивым, а другой – лжецом; один – кротким, а другой – гневным.

Если возможно, сформулируйте несколько конкретных вопросов, чтобы мы их разрешили. Их обычно бывает немного, самых насущных, самых трудных. Но они обычно и бывают той тучей, которая затмевает свет. Отгонится туча, и свет прольется.

26 марта 1990 г.

И. Росляков, инок Василий

P.S. Называю себя учащимся, потому что не облечен силою учительства. Эта сила дается в Церкви с возведением в сан священника, как в школе диплом об окончании института дает право преподавания предмета.

Здравствуйте, Наталья Дмитриевна!

Направил вам еще одну книгу об Оптиной Пустыни с оказией. Надеюсь, что она дойдет до вас. А вас прошу потрудиться прочитать ее. Она не маленькая, но зато необходимая. Рад, что и книга С. Четверикова вам пришлась по душе.

И опять о Евангелии. Да, существует определенная толковая литература, которая называется святоотеческой. Есть толкования на Евангелие Иоанна Златоуста, Феофилакта Болгарского, епископа Иннокентия. Это самые известные и доступные. Со временем, если Господь благословит, вы с ними познакомитесь. Читать же Айтматова, Андреева и Булгакова как толкователей, т. е. как пересказывающих нам истину без **искажений** (!), нельзя. К их произведениям нужно относиться, как вообще мы относимся к художественной литературе. Там есть место истине, есть место вымыслу, есть место произволу писателя. В Евангелии этого нет. Евангелие – это сама истина.

И еще о подготовке к чтению Евангелия, о котором вы пишете. Подготовка есть, но необычная. Для чтения и восприятия Евангелия нужна не сумма знаний, не эрудированность, не совершенство ума (хотя и это не мешало бы иногда иметь), – но нужна чистота сердца (!).

Блаженны **чистые сердцем**, яко (т. к.) Бога узрят[23]. Святые Отцы пишут, что в меру чистоты нашей жизни нам открывается истина. Поэтому Евангелие бывает понятно и детям и старикам, неграмотным и получившим самое лучшее образование. В этом его сила, и сила – это сила Святого Духа, Которым и написана каждая строчка этой книги.

Читайте и размышляйте, и старайтесь жить по Евангелию настолько, насколько вам сейчас это возможно. Больше того, что мы можем, Богне требует от нас. А иногда, когда мы берем что-то не по силам, Он наказывает за самоволие.

Господь сказал: «В терпении стяжите души ваша»[24]. А мы терпеть не любим. Господь все даст в свое время, нам же нужно узнавать самих себя, возделывать свою душу, как земледелец возделывает землю.

Да сохранит вас Господь и Матерь Божия.

6 июля 1990 г.

Иеродиакон Василий

30.05.90.

Мир вам и дому вашему, Наталья Дмитриевна!

По мере моих сил старался отвечать на ваши письма и передавал их с оказией, чтобы их уже опустили в Москве, но, видно, что-то не сработало, если они до вас не дошли.

Слава Богу! Вы не отступили. Пусть не я, но Сам Господь похвалит и утешит вас. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах (Мф. 5, 11–12).

А о тех, кто злословит, что Он сказал? Оставьте их: они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму (Мф. 15, 14). И многое, многое другое. Все в Евангелии. Читайте его. Если тяжело на душе, оно даст радость, если радостно, то даст силы сохранить эту радость и умножить ее. Пусть Евангелие и Церковь станут вашими друзьями, вашим прибежищем. «С кем поведешься, от того и наберешься». А у них есть чему «набраться»! Покоя, радости, мира душевного, крепости, мужества, чистоты сердца, – все это там, и нигде больше.

«Жаль, что жизнь почти прошла», – пишете вы. А впереди – что? Встреча со Христом!!! Так чего же жалеть?! Нам предлагают бесценное сокровище, а мы оглядываемся на наши жалкие лохмотья. Это потому что они **наши,** свои, приросли они к нашему телу. Так пусть и Христос станет нашим, нашей собственностью. И будем едино: вы во Мне, а Я в вас[25].

Я писал вам, что нужно находить время и читать утренние и вечерние молитвы по молитвеннику, стараясь вникнуть в их смысл. Те молитвы, которые особенно понравятся, можно запомнить наизусть и повторять в течение дня. Увидите, что это за утешение! На всяком месте, во всякое время Господа призвать и тут же получить от Него ответ – радость и утешение или крепость и мужество.

Любите разговаривать с друзьями? Получаете радость от этого общения? А молитва – это разговор с Богом. Сердечный разговор.

Всего вам доброго.
Храни вас Господь.

Иеродиакон Василий

Мир дому вашему, Наталья Дмитриевна!

Мир душе вашей. Господь сказал нам: «не смущайтесь, не бойтесь, только веруйте»[26]. Потому нам не стоит тревожиться и опасаться будущего, но стоит опасаться того, что в нас нет веры. Нет веры, а значит, нет ничего (!).

Не знаю, что будет, но знаю твердо – без веры погибну, с верою же вынесу все.

Господь сказал: «Огонь пришел я низвести на землю, и как желал бы, чтобы огонь этот разгорелся»[27].

И я желаю вам, чтобы огонь веры разгорелся в сердце вашем. Этот огонь согреет вас среди холода злобы и равнодушия, он отгонит тьму страха и неведения. С Богом и в аду хорошо, говорили святые отцы.

Я рад, что книга благополучно дошла до вас. Ее взялся передать один мой давний друг, который сейчас тоже пришел в Церковь, пришел к вере и истине.

Да подаст вам Господь сил, времени и терпения для чтения ее.

Храни вас Господь и Матерь Божия.

Иеродиакон Василий (И. Росляков)

Мир вам, Наталия Димитриевна!

Поздравляю вас с Рождеством Христовым и желаю успешного шествия по пути веры, ведущему нас в жизнь вечную.

Благодарю за письма, за посылку (за будильник благодарю отдельно), наконец, благодарю за то, что укрепляетесь в вере, в познании Господа нашего Иисуса Христа.

Простите, но нет пока времени написать продуманное и обстоятельное письмо. Но вижу по вашим письмам, что у вас все хорошо. Так оно и должно быть. Господь к вам сейчас особенно близок. Он особенно печется о новоначальных, как мать печется о ребенке, только начинающем ходить. Блаженны вы ныне! Пусть радость о Господе вас не покидает, пусть постоянно живет в вашем сердце.

Поминаю вас в молитве ко Господу.

Иеромонах Василий

Христос Воскресе!

Наталья Дмитриевна, ныне отлагая деловой стиль своих писем, предлагаю вам в качестве ответов на ваши вопросы эту маленькую книгу.

Надеюсь, что она поможет вам, как помогла мне в свое время. Выберите время, прочтите ее. Только в тишине, а не в дороге или в метро.

И еще хочу сказать вам о прощении, которое заповедал Христос. Евангелие нужно принимать целостно, а не выборочно, как это делают отрицатели бытия Божия. Поэтому если речь идет о прощении в проповеди Христа, то нужно вспомнить, как Он, Всепрощающий Бог, сделал бич и выгнал им продающих и покупающих из храма, а столы меновщиков денег, сказано, опрокинул (!). Вот так смирение и кротость!

Всепрощение может быть только за зло, направленное **лично** против нас, с другими же его проявлениями нужно бороться. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром (Рим. 12, 21), – так учил апостол Павел.

Читайте и еще раз читайте Евангелие, читайте послания апостола Павла, прочитайте Апокалипсис. Ничего, что трудно.

Там вся премудрость человеческая сокрыта, и к ней еще прибавлено мудрости небесной.

Храни вас Господь!

Христос Воскресе!

3 мая 199… г. Иеромонах Василий (И. Росляков)

Ответы на письма прихожан

Уважаемый В.А.!

На вопрос ваш об умной молитве высылаем вам святоотеческие творения, которые, без сомнения, растолкуют и научат вас лучше, чем любой из насельников нашего монастыря.

Ибо сегодня, по слову святых отцов, наставниками нашими являются Святое Евангелие и благодатное слово святоотеческое.

Желаем вам помощи Божией на пути благочестия.

Храни вас Господь.

С любовью о Господе отец наместник с братией. 23/3-93 г.

Уважаемая Ольга А.!

Все средства к помощи вашему мужу в его собственных и в ваших руках. Ведь и к вам сегодня обращены слова Господа, которые Он некогда говорил апостолу Фоме: *Не буди неверен, но верен* (Ин. 20, 27).

Н. В. Гоголь писал: «Человек наш так устроен, что непременно верует: если черная кошка перебежала ему дорогу, то он завтра

обязательно умрет; а в Господа, заботящегося о нас во всякое мгновение нашей жизни, не верует».

Поэтому оставьте, пожалуйста, всякое проявление суеверия, малодушия, боязни, которое происходит от нашей непросвещенности ума и сердца; от недостатка познаний о христианстве.

Все эти бабушки, которые ставят свечи за упокой, все эти экстрасенсы, которые толкуют о прошлой монашеской жизни, и многое другое, чем сегодня мы заменяем истинную веру во Христа, – все это детские шалости, если не сказать, завихрения современного интеллигентского сознания.

Веруйте в Бога, – говорит Господь, – *и в Меня веруйте* (Ин. 14, 1). А не в кошек, бабушек, экстрасенсов.

Направьте силы души и ума вашего к исполнению заповеди Божией: «Возлюби Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею, и всем помышлением твоим»[28].

Возьмите себе Евангелие за основу жизни, исполняйте заповеди Господни. Читайте творения святых отцов, которые сегодня можно приобрести и наложенным платежом.

Мужу вашему, думается, следует креститься в православной церкви и начать вместе с вами полнокровную жизнь во Христе. Участвовать во всех таинствах, которые наша Церковь содержит. Прежде всего исповедоваться и причащаться. Со временем желательно было бы вам повенчаться в церкви. Это и будет вашей ему помощью, а его исцелением, если вам думается, что он одержим недугом.

Я пришел, – говорит Господь, – *…чтобы вы имели жизнь, и имели с избытком* (Ин. 10, 10).

Приобщайтесь и вы этой жизни. Приобщайтесь той радости и веселия, того мира и покоя сердечного, который Господь дарует любящим и живущим по заповедям Его.

Храни вас Господь.

С любовию о Господе отец наместник с братией. 26/1-1993 г.

Уважаемый Евгений Н.!

На вопрос ваш, как жить, преподобный Амвросий, старец Оптинский, ответил так: «Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение». И еще: «Надо жить

нелицемерно и вести себя примерно, тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно».

Казалось бы, сказано просто, но мудрости в этих словах много. Следуйте по стопам веры, изучайте Евангелие и христианство и исполняйте заповеди Божии, данные нам в Евангелии.

Радость познания Иисуса Христа Господа нашего и свет веры да послужат вам утешением и укреплением во всех скорбях и печалях житейских.

Храни вас Господь.

С любовию о Господе отец наместник с братией. 23/(?)-93 г.

Уважаемый Александр Вячеславович!

Мы отвечали и на первое ваше письмо, где содержались те же самые вопросы, но, видимо, ответа нашего вы не получали. Относим это к нашему нерадению, простите Христа ради.

Учение свободных евангельских христиан, о которых вы спрашиваете, есть одна из многих ересей, которые не имеют с истинной Церковью ничего общего.

Тогда как Православие сохраняет христианскую веру в чистоте и неповрежденности, как открыл ее Господь Иисус Христос, проповедали апостолы, как изъяснили Вселенские Соборы и св. отцы и учители Церкви; а так называемые свободные евангельские христиане исказили Христову веру рядом ер етических учений и приняли обычаи, не согласные с преданием Святой Церкви.

О таких наставниках св. апостол Павел пишет: …некоторые уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают (1 Тим. 1, 6–7). Относиться к ним должно так, как заповедует все тот же св. апостол Павел: Умоляю вас, братия, **остерегайтесь** производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и **уклоняйтесь** от них… (Рим. 16, 17).

Вы ищете духовного наставника, желание это доброе и святое. Но в сегодняшнем вашем положении исполнение его встречает определенные трудности.

Избрание себе наставника всегда происходит через личные беседы и встречи, когда вы начинаете доверять и верить тому, к кому вы обращаетесь за советом. Думаем, что со временем это станет

возможным, а пока советуем обращаться или к нам, или в другие православные монастыри с вашими вопросами и сомнениями.

Пусть сегодня для вас будут наставниками Святое Евангелие и чтение святых отцов. Но прежде всего – святитель Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, Тихон Задонский.

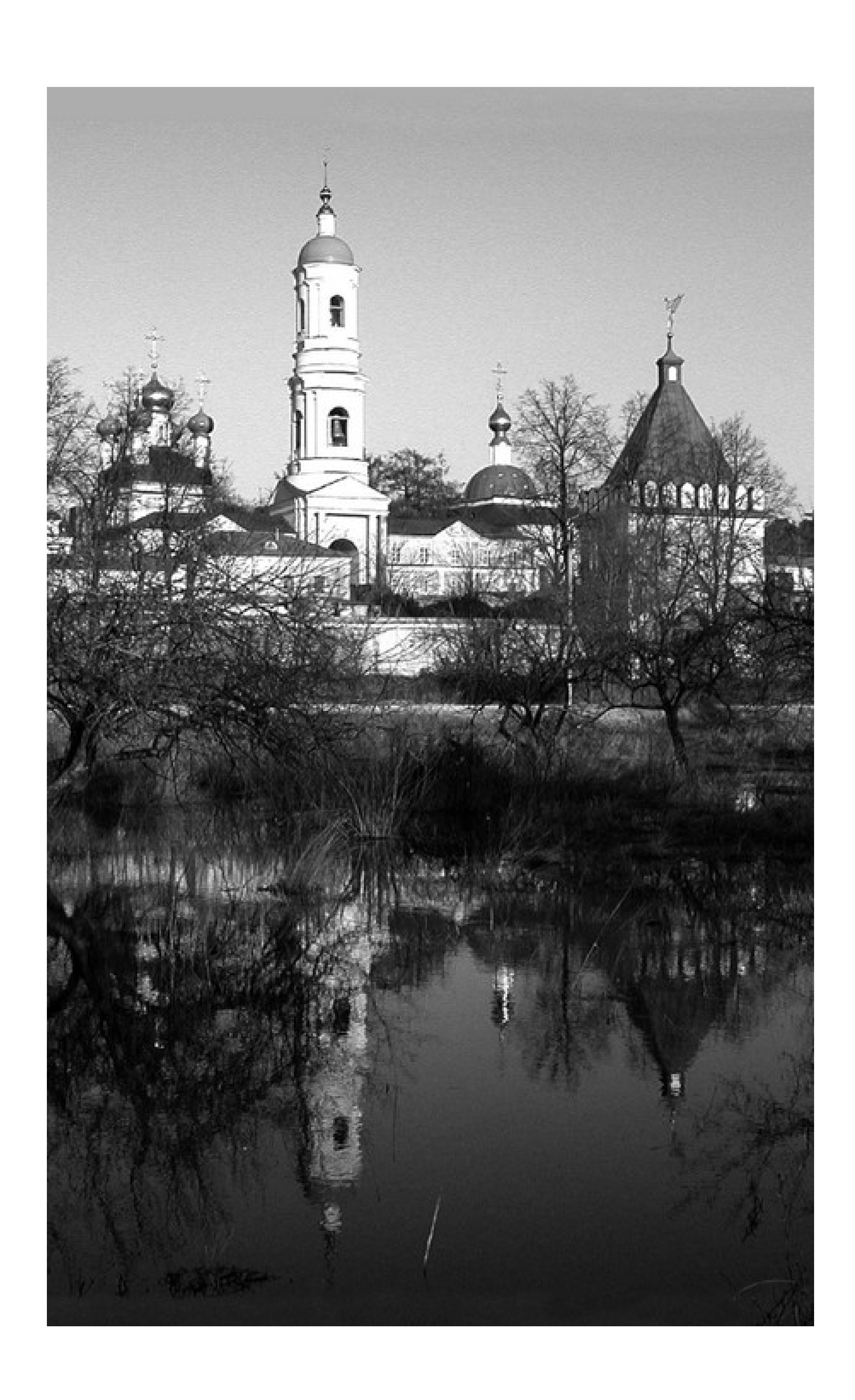
Вы также спрашиваете об исповеди письменной. Такого обычая мы не имеем в практике.

Господь видит ваше желание принести покаяние, и думаем, что обязательно предоставит вам такую возможность. Только вы не угашайте желания вашего и будьте готовы к исповеди в каждый момент вашей жизни. Просите, и дастся вам… (Мф. 7, 7; Лк. 11, 9).

Будьте верным чадом Русской Православной Церкви, ибо она столп и утверждение истины (1 Тим. 3, 15).

Храни вас Господь.

С любовию о Господе отец наместник с братией. 29/3-1993 г.



«Все, получаемое нами от Бога, получено даром»

Проповеди

Проповедь в день памяти преподобного Амвросия, старца Оптинского

Блаженный псалмопевец Давид говорит: *День дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум* (Пс. 18, 3). Какое слово, какой глагол сегодняшний день возвещает нам с вами, собравшимся здесь, в церкви? День, когда мы празднуем обретение мощей преподобного и богоносного отца нашего Амвросия? Не ошибемся, если скажем, что это слово – слово о Воскресении Христовом.

Свидетели, которые некогда посещали римские катакомбы, где были гробы первых мучеников за Христа, говорили о том, что, входя в священные пещеры, они вдруг радовались неизреченной великой радостью. Непонятно, откуда происходила она. Она, словно ветер, налетала на них, сбрасывала печали и скорби, горести их, как ветер сметает опавшие осенние листья. И они стояли и только радовались и веселились. И ничего, кроме голоса: «Христос воскресе из мертвых!», не было в их сердце.

И мы сегодня, приходя ко гробу преподобного отца нашего Амвросия, старца Оптинского, радуемся той же неизреченной радостью Воскресения Христова. Воспевая Гроб Спасителя нашего, говорим мы с вами: «Яко живоносец, яко рая краснейший, воистинну и чертога всякаго царскаго показася светлейший, Христе, гроб Твой, источник нашего воскресения!»[29] А в тропаре преподобному Амвросию поется: «Яко к целебному источнику, притекаем к тебе, Амвросие, отче наш!» Воистину гроб отца нашего преподобного Амвросия – источник исцелений. Исцелений от ран душевных, исцелений от скорбей, печалей, горестей, которыми мы наполняем себя в мире. Приходим сюда, и исчезает эта печаль, исчезает величайшая

мирская скорбь, и радость о Воскресении Господа нашего Иисуса Христа вселяется в сердца по молитвам преподобного отца нашего.

Вспомните, как Церковь воспевает жен-мироносиц: «Почто миро с милостивными слезами растворяете?»[30] – говорит им Ангел. Мы так же, подобно им, приходим с радостью, с надеждою к мощам, но и с печалью и со скорбями. И здесь, как некогда Господь сказал Своим ученикам по Воскресении: Мир вам! (Ин. 20, 19.) Преподобный Амвросий утешает нас. Потому и мы глаголем ему: «Утешаешь нас, преподобный Амвросий, в скорбях и в болезнях наших».

Уподобился отец наш Амвросий смертью Христу, как уподобились Ему многие мученики, праведные, святители и преподобные отцы и матери наши. И поэтому уподобился он, старец наш, Ему и по Воскресении: ныне предстоя пред Господом нашим в лике величайших святых, прославленных в земле Российской, воспевает он Троицу Единосущную и Нераздельную.

Восклонитесь от земли[31]

…*Вот, мы восходим в Иерусалим* (Мк. 10, 33), – говорит Господь Своим ученикам-апостолам.

Господь идет на крестные страдания. Господь идет принять смерть за весь человеческий род во искупление грехов его. Но что Он видит вокруг Себя? Он видит то, что ученики Его малодушествуют, то, что они ужасаются. Они знают, что иудеи уже составили совет убить Господа, что они ненавидят Его всею своею душою. То, что Он идет на верные страдания, что Он идет на смерть, они еще не знали, но они знали, что будут какие-то страдания и неприятности. Они боятся идти за Ним. Они идут сзади Него и ужасаются. И вот двое из Его учеников, Иаков и Иоанн, подходят к Нему, и спрашивают Его, и просят Его: «Чтобы нам, Господи, сесть в Твоем Царстве справа и слева от Тебя»[32] – просят от Него почести и славы. Думают о том, что Он идет принять царство земное. Господь им отвечает: …не знаете, чего просите (Мк. 10, 38). С кротостью и смирением отвечает на их просьбу. Не осуждает их за их несовершенство, за то, что они еще не до конца понимают, для чего пришел Он на землю. И когда Он им так ответил, то остальные ученики стали негодовать на них, что они просили этого у Господа. И Господь тогда говорит им: «Послушайте,

что Я хочу сказать вам: кто хочет из вас быть большим, тот да будет всем слуга. Кто хочет быть первым, тот пусть будет всем раб, ибо и Сын Человеческий пришел не для того, чтобы Ему послужили, но чтобы послужить и отдать душу Свою за искупление многих»[33].

Вот такую картину для нас с вами написал евангелист Марк. Как жива эта картина сегодня, как она действенна для нас с вами именно сегодня.

Господь идет на крестные страдания. Господь идет распяться, а вокруг Него бушуют страсти. Вокруг Него ученики Его ближайшие и осуждают друг друга, и малодушествуют, а иные просят почестей, ищут себе славы… и весь этот мир мятется вокруг Господа в своих страстях, и лишь один Господь знает, для чего Он пришел. Он непоколебим, как скала, и идет исполнить Свое служение. Он берет за руки Своих учеников и ведет их в Иерусалим для того, чтобы там распяться за них.

И сегодня для нас с вами Господь восходит в Иерусалим. Идет так же впереди нас, но мы с вами сегодня представляем собою ту же самую картину, как некогда представляли ученики Его. То же самое несовершенство владеет нами, те же самые страсти нас обуревают, и мы с вами и ужасаемся, и мятемся, а иногда другдругу завидуем, иные просят себе каких-то несуществующих почестей… и все это несмотря на то, что Господь ежедневно проливает за нас с вами Свою святую Кровь. Не хотим посмотреть на Него, идущего ради нас с вами распяться. Не хотим посмотреть на Него и принять ту силу, которую Он нам дарует каждый день, ибо мы становимся христианами не для того, чтобы чем-то величаться или кичиться, нет! Не для того, чтобы выделиться другот друга или от остального мира, нет!

Мы приходим ко Христу для того, чтобы испросить и получить у Него силу служить другим. Быть последними, быть рабами среди этого мира, для того, чтобы некоторые спаслись, – вот для чего мы с вами идем ко Христу

А мы порою с вами забываем об этом. Мы считаем, что если мы с вами совершаем молитву, если мы с вами проводим подвигпоста, если мы делаем какие-то дела милосердия – это уже возвышает нас над другими. Но – «нет», – говорит Господь. Мы должны быть последними для всех, быть рабами, ибо мы тогда, воззрев на Него, примем

величайшую силу Святого Духа. Именно только этой силой возможно творить добро здесь, в мире.

Так мы с вами хорошо знаем о своих недостатках, о своих немощах. Мы больны… у нас семейные скорби, у нас и скорби на работе, у нас и общественные скорби… и мы носимся с этими скорбями как с писаной торбой, и всюду их выставляем для того, чтобы нас кто-то помиловал, пожалел, утешил. Это по-человечески понятно, но доколе мы с вами будем так скорбеть и так малодушествовать и постоянно этим прогневлять Бога? Почему мы с вами не хотим взять ту решимость, которую нам Господь сегодня предлагает, почему мы не хотим с вами понудить себя на дела поста, на дела молитвы, на дела милосердия и благочестия? Почему мы так постоянно прикрываемся своими скорбями, нетерпением, болезнями, о которых мы все хорошо с вами знаем? Этого же делать нельзя! Это не должно для нас с вами быть прикрытием! Это должно для нас быть еще большим стимулом к покаянию, для того чтобы еще и с этим прийти к Богу и осудить себя и в этом, что мы и сегодня, до сих пор, мы, верные христиане, мы, люди, которые считаем себя учениками Христа, не понуждаем себя на дела благочестия. А именно от этого, от нашей решимости, и зависит и наше будущее с вами, и будущее наших детей, и будущее нашей страны.

Вот так Господь ныне восходит в Иерусалим. Мы идем и мятемся и не хотим воззреть на Него.

«Восклоните очи, – говорит Господь, – посмотрите на Меня, утвердитесь в воле вашей, в ваших чувствах и в ваших помышлениях». Именно это сегодня нам говорится со страниц Святого Евангелия.

Не хотим даже по рой открыть Евангелие и почитать. Мы говорим, что открыть, приобрести Евангелие для нас бывает тяжело! Как это горько сегодня слышать и как трудно об этом сегодня говорить, что мы ссылаемся на все это! Как больно бывает за Бога, как бывает обидно за Него, что Он с нами, что Он ради нас с вами идет, и все делает, и проливает Свою Кровь, а мы стоим беспомощно и говорим: «А у меня, Господи, то… а у меня, Господи, это… и у меня все плохо». Но разве Он не призывает нас к Себе и не дает нам этой силы, чтобы исправить все, что в нас самих и в нашем окружающем мире? Дает, но мы не хотим этого принять.

Не хотим распяться, не хотим принудить себя, чтобы в чем-то ущемить себя ради того, чтобы угодить Богу. Думаем только о себе. Прежде всего ставим свои интересы во главу угла. Соглашаемся, когда нас кто-то обличает, и тут же, выходя из церкви, продолжаем говорить то же самое.

А святой Иоанн Златоуст восклицает в покаянии: «Какого Владыку мы с вами имеем! Какого Господа мы с вами имеем! Такого не имеет никто – ни Царя, ни Владыки! Кто из земных владык когда-либо взошел на крест за своих подчиненных?» К то из каких-либо основателей философских учений или религий принял крестный подвиг ради своих чад, создал Церковь на Крови Своей? Такого не было и не будет больше в мире. Это мог сделать только воплотившийся Бог ради нас с вами.

Приближается Страстная седмица. Приближается Вход Господень в Иерусалим… давайте с вами хотя бы в эти оставшиеся две недели святого Великого поста понудим себя, насколько это возможно для нас, немощных и маловерных, к подвигам благочестия. Подвигнем себя и угодим хотя бы в эти дни Богу. Не унывать мы призваны, мы, христиане православные, но смотреть и видеть Господа, Который идет впереди нас с вами и попирает Своими пречистыми стопами все те скорби, которые враг для нас уготовил. Эти скорби уже попраны Христом, они уже Им побеждены, и для нас с вами только есть возможность приобщиться к победе, к той радости и к тому веселию, которое даровано нам Воскресением Христовым.

Вспомним об этом, о Спасителе нашем, распявшемся за нас и ради нас воскресшем. Послужим Ему хотя бы немного делами благочестия, делами веры, делами угождения нашим ближним! Послужим нашим ближним, немного распнемся за них, ради тех немощей, которые несут они. Ради тех больших и великих невзгод, которые мы часто не замечаем, а человек их носит в своем сердце. Пострадаем немножко за ближних. И тогда Господь ради этого и наши скорби умирит в наших сердцах. И жизнь наша примет совсем иное устроение, она будет иной. И тогда мы с вами вместе с Богом приобщимся той неизреченной радости Христова Воскресения, о которой мир сей земной не знает.

Восклонитесь волей вашей от земли, от скорбей ваших, от неприятностей ваших, воззрите к Богу и веру приимите, приимите радость о Духе Святом, Который ныне торжествует в нашей Церкви.

И сегодня, причащаясь Святых Христовых Тайн, войдите с Господом нашим в Иерусалим! Восходите в то Небесное Жилище, которое нам с вами уготовил Господь святою смертью Своей и святым Своим Воскресением. Аминь!

Первая Пасха в возрожденной Оптиной Пустыни[34]

Говоря сегодня об Оптиной Пустыни, невозможно обойтись без слова *возрождение*.

Рассказывают ли о славном прошлом монастыря, судят ли о нынешних его делах, пророчествуют ли о его будущем – во всем и всюду, тайно или явно, присутствует это слово. Оно – символ, знак, указывающий направление текущего времени; оно как нельзя точнее определяет суть сегодняшних устремлений, в которых сливается временное и вечное, соприкасаются планы человеческие и судьбы Божии.

Воистину Оптина Пустынь «рождается свыше», рождается милостью Божией и дерзновенными молитвами преподобных отцов Оптинских. Но жизнь она обретает не бессловесным младенцем, а четверодневным Лазарем, воплощая собой тот единый смысл, который ставит рядом возрождение и воскресение.

«Воскресение Христово свершилось, а потому вера наша истинна»[35], – говорит апостол Павел. Соотнося его слова с судьбой Оптиной Пустыни, можно сказать, что величие и слава Оптиной истинны, поскольку положено начало ее возрождению.

Вновь обретающие жизнь по-новому ощущают ее полноту.

Наверное, поэтому Оптиной Пустынью по-особому осознавались события святой Четыредесятницы и Страстной седмицы, наверное, поэтому для нее стала необыкновенной радость встречи Христова Воскресения.

С ношей строительства шел монастырь по пути, отмеченному церковным календарем, и постигал его духовные тайны, и как бы в благодарность воспоминаемые даты оживотворяли монастырские будни, уничижая временные скорби и утверждая непреходящую надежду.

Незаметно истощилась Постная Триодь, весна вступила в свои права, и через распахнувшиеся врата Вербного воскресенья вошла в жизнь монастыря Страстная седмица. Каждый шаг навстречу Пасхе

стал осязаем. Четко размерен и освящен церковными песнопениями путь, приближающий нас к святому празднику. «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный…»; чуть вперед – и «Вечери Твоея тайныя днесь…»[36]

Вот уже храм полон участников Святой Трапезы, вот растекается по земле четвертковый огонь, вот гробовая тишина сковывает землю, все замирает, и только голос Спасителя разрывает безмолвие Великой Пятницы: «Не рыдай Мене, Мати… востану бо и прославлюся…»[37]

Введенский собор приготовился встречать Спасителя новым иконостасом Никольского придела. Еще вчера храм сотрясался от громких разговоров и стука молотков, как бы всем своим существом вспоминая часы распятия Христа, а ныне сияющий крест иконостаса торжественно возвещает победу жизни над смертью.

Последние приготовления, последние предосторожности.

Не торопясь, заблаговременно сте кается народ в храм к вечеру. Пестрая толпа наполняет монастырь. Здесь и козельчане, и москвичи, постоянные прихожане и незнакомые люди, дети, старики, шумная молодежь.

За час до полуночи колокол зовет всех на службу. В храме шумно и тесновато: толпа у свечного ящика, очереди к исповедующим иеромонахам, группы новичков любопытно рассматривают иконы. Всюду нетерпение. Наконец возглас священника возвещает о начале полунощницы. Еще тонет в громких разговорах волнующаяся речь чтеца, ненавязчиво призывая всех к тишине, но вот хор начинает канон Великой Субботы и первым же ирмосом, словно морскою волною, захлестывает празднословящих и накрывает их своим напевом, лишает их последней дерзости и силы. Все в едином порыве устремляется навстречу пасхальной утрени. Небольшая суета возникает, когда из алтаря заблаговременно выносят запрестольную икону и крест для крестного хода, но и эта суета быстро сменяется молчаливым и сосредоточенным возжиганием свечей. Ожидание и предощущение радости сковывает все члены людей, и только глаза, оставшись подвижными, устремляются к царским вратам. И вот тихое алтарное пение как бы неимоверным усилием отодвигает завесу, Царские врата распахиваются, и поток света и звука устремляется из алтаря в храм, из храма в ночную тьму и властно растекается по всей земле. Отец наместник с клиром, блистанием праздничных одежд умножая

пасхальное сияние, следуя по проложенному пути, выходит из церкви. И кажется, что за этим шествием, как за кометой, тянется сверкающий шлейф. Крестный ход огненным кольцом опоясывает храм и замирает только пред его затворенными дверями. И словно срывается с уст возглас: «Да воскреснет Боги расточатся врази Его»[38]. Что за великие и таинственные слова! Как трепещет и ликует душа, слыша их! Какой огненной благодати они преисполнены в пасхальную ночь! Они необъятны, как небо, и близки, как дыхание. В них долгое ожидание, преображенное в мгновение встречи, житейские невзгоды, поглощенные вечностью жизни, вековые томления немощной человеческой души, исчезнувшие в радости обладания истиной. Ночь расступается пред светом этих слов, время бежит от лица их. Кажется, что храм сотрясается, его двери растворяются сами, не сдержав могучего потока людского ликования, нахлынувшего на них. Эхо пустого храма подхватывает пасхальный тропарь, но вскоре, сторонясь многолюдства, прячется в куполе храма и исчезает в его белых сводах. Храм становится подобен переполненной заздравной чаше. «Приидите, пиво пием новое»[39]. Брачный пир уготован Самим Христом, приглашение звучит из уст Самого Бога. Уже не пасхальная служба идет в церкви, а пасхальный пир. «Христос воскресе! – Воистину воскресе!» – звенят возгласы, и вино радости и веселья брызжет через край, обновляя души для вечной жизни.

Сердце как никогда понимает, что все, получаемое нами от Бога, получено даром. Наши несовершенные приношения затмеваются щедростью Божией и становятся невидны, как не виден огонь при ослепительном сиянии солнца.

Как описать пасхальную ночь? Как выразить словами ее величие, славу, красоту? Только переписав от начала до конца чин пасхальной службы, возможно сделать это. Никакие другие слова для этого не годны. Как передать на бумаге пасхальное мгновение? Что сказать, чтобы оно стало понятным и ощутимым? Можно только в недоумении развести руками и указать на празднично украшенную церковь: «Приидите и насладитеся…»

Светлая седмица проходит единым днем. *И был вечер, и было утро: день один* (Быт. 1, 5). Кто прожил этот день, тому не требуется доказательств существования вечной жизни, не требуется толкования Священного Писания, *что времени уже не будет* (Апок. 10, 6). Время

возвращается только в Светлую Субботу, когда за праздничным обедом отец наместник, поздравляя братию с Христовым Воскресением, желает всем бережно хранить в своих сердцах пасхальную радость.

Сегодня Оптина Пустынь возрождается и первенствует: здесь вновь все совершается впервые. Первая Четыредесятница, первая Пасха. Но близко к алтарям лежат могилы старцев, слишком часто в обветшалых монастырских постройках видна отцовская мудрость и заботливость. Поэтому приходится говорить: впервые – и добавлять: после долгого перерыва.

Восстанавливается связь времен, восстанавливается Оптина Пустынь, восстанавливается правда. Г лава же всему – восставший из Гроба Христос. «Востану бо и прославлюся!»

Оптина Пустынь

Пасха 1989 г.

И. Росляков

** **

Приидите, и самая невыносимая скорбь, камнем лежащая на сердце, испепелится огнем <Божественной> благодати, и вы стряхнете ее с себя как <легкую> невесомую пыль.

Непреодолимые <жизненные> преграды сокрушатся, былые раны исцелятся, вслед печали нарождается радость. Трудно в жизни противостоять печали, но еще труднее в Пасху противостоять радости, даруемой Богом. Нет в мире силы, способной ее одолеть. Несмотря на все наши усилия, радость побеждает нас: печаль преображается в слезы благодарности, скорби – в мудрость, недруги – в собратьев по ликованию. Богборется с нами любовью и радостью, и потому Он всемогущ и всесилен.

** **

Но связь времен восстанавливается… прокладывается через годы безвременщины, неспешно прокладывается <узкая> стезя <тропа> правды.

Он Крестом проложил через пропасть смерти…

Он проложил главную дорогу – дорогу жизни через <пропасть небытия>…

Таинство Крещения[40]

Крещение есть Таинство,
в котором верующий, при троекратном
погружении тела в воду, с призыванием
Бога Отца, и Сына, и Святого Духа,
умирает для жизни плотской,
греховной и возрождается от Духа Святого
в жизнь духовную, святую.
Так как Крещение есть духовное рождение
и родится человек однажды,
то это Таинство не повторяется.

Крещению всегда должно предшествовать ознакомление с верой. Христианин, по вере принимающий Крещение, должен осознавать не только умом, но и всем своим существом, что в этом таинстве он обретает новое, доселе ему неведомое понимание жизни, вступает в абсолютно новые отношения с миром. Это новое зиждется на камне веры, веры в вечную жизнь, дарованную нам воскресшим из мертвых Господом нашим Иисусом Христом.

Крещение совершается в подобие смерти и воскресения Христа. Это подобие, прежде чем исполниться в обряде, должно исполниться в душе человека, в его вере, в его любви. Веровать во Христа – означает не только признавать Его Богом, не только получать от Него, но, прежде всего, отдать, вручить себя Христу, возлюбить Его. У любящих друг-друга одна воля, одни желания, одни мысли. Они едины в словах и делах, и поэтому вместе идут на смерть, но вместе и воскресают для вечной жизни.

Соединяясь верою со Христом, мы принимаем всем своим существом и делаем своим желанием желание Христа уничтожить корень зла – грех и бороться с ним даже до смерти. Поэтому только наша вера являет нам, что Крещение – это истинная смерть и истинное воскресение со Христом Иисусом.

Как же явно и реально открывается нашей душе в Таинстве Крещения то, что мы умираем со Христом?

В христианском понимании смерть – это прежде всего духовное явление. Можно быть мертвым, еще живя на земле, и быть непричастным смерти, лежа в могиле. Смерть – это отделенность

человека от жизни, т. е. от Бога. Поэтому в Крещении мы умираем духом для духа злобы – и как человек, сходящий в могилу, перестает быть участником в делах земных, так мы – умирая духом.

Как однажды нам должно родиться плотию от материнской утробы, чтобы войти в мир и жизнь земную, так однажды нам должно родиться свыше от воды и Духа для того, чтобы войти в жизнь вечную.

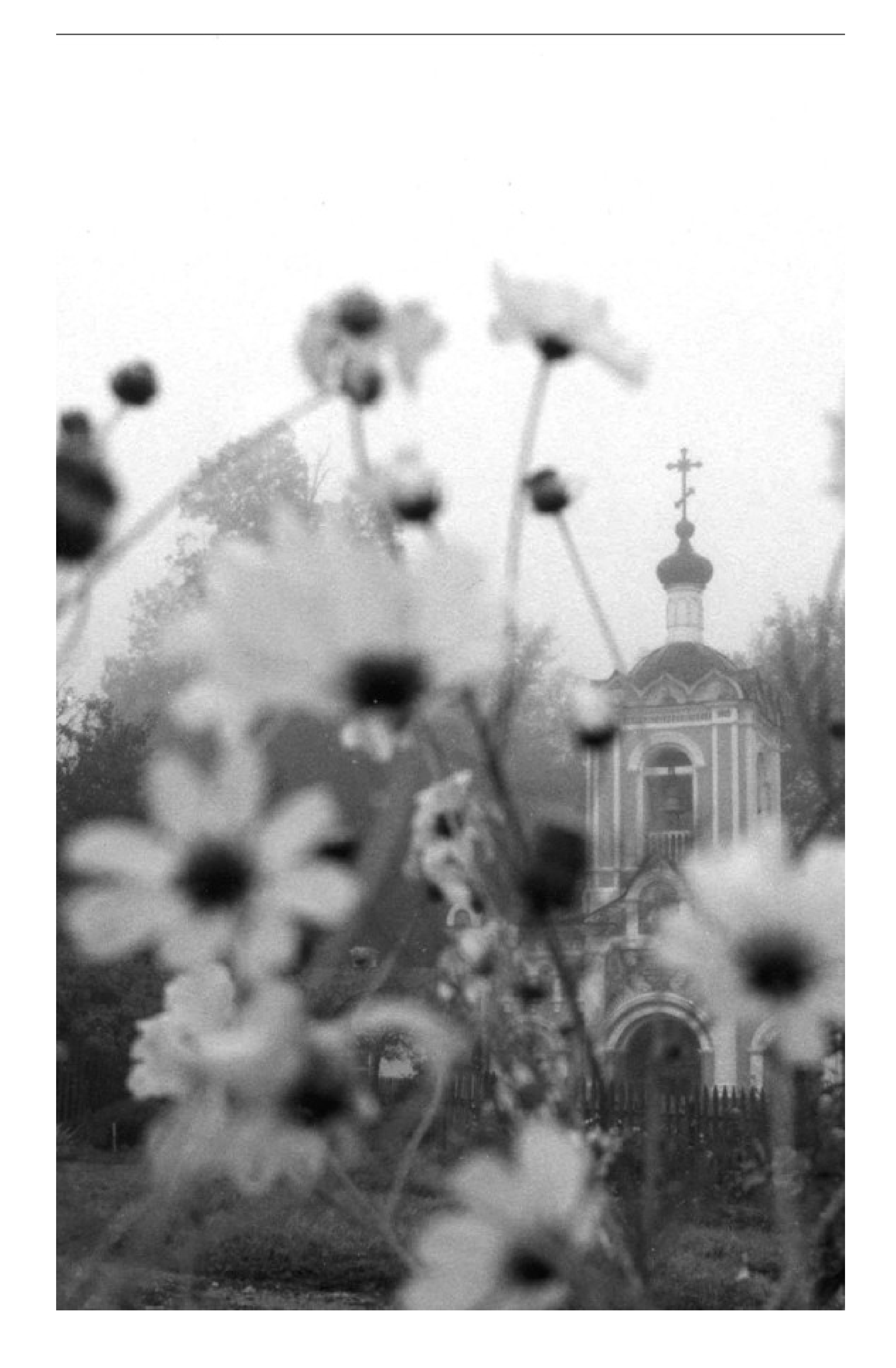
Рождение есть начало жизни. Без него нет и самой жизни, вот почему необходимо обозначить день своего рождения для жизни вечной Таинством Крещения.

Человек сотворен Богом из плоти и духа, и каждое из этих естеств должно получить достойное бытие.

Плотию мы приходим в мир бессознательно: нас никто не спрашивает, хотим ли мы родиться для жизни и смерти (в этом рождении мы несвободны), духом же мы рождаемся свободно. Мы своею волею говорим: «Я хочу родиться в жизнь вечную и осознанно прихожу к Таинству Крещения, как к моему рождению во Христе, в истине и вере».

Рожденное от плоти есть плоть, рожденное от Духа есть дух (Ин. 3, 6). Почему же только крестившиеся во Христа могут быть причастниками блаженства вечной жизни? Почему Иисус Христос, казалось бы, так жестоко сказал: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Небесное»?[41]

Если бы не было дня и часа нашего рождения, то не было бы и самого нашего существования на земле. Если бы не было этого краткого мгновения рождения, то не было бы и всей долголетней нашей жизни. Дух же наш живет теми же законами. Если не совершится Таинство Крещения, если не будет этого мгновения рождения духа, то не может быть для нас и вечной духовной жизни.



«Я верный вдохновению псаломщик, стихами утешающий себя»

Стихи

Зимний вечер

«Сегодня ты чего-то невеселый»,—
Подметит разговорчивая мать,
И мы, словно соседи-новоселы,
Расходимся по комнатам молчать.
И слышу я, как швейная машина
Справляется с заплатанным шитьем,
А кто-то по привычке, по старинке
О ночке напевает за окном.

Что лучше заполуночного чая?
Присяду «на купеческий» за стол —
Оттаивает кровь моя густая
И капает варением на стол.

И чувствую – напрасны все старанья,
Не вылечат сегодня от тоски
Ни долгое квартирное шатанье,
Ни крепкие настойки из травы.

И только усмотрю, что в этом мире
Я небом по случайности забыт, —
На дедовской потрескавшейся лире
Псалмы я запою, как царь Давид.
Душевно пропою на всю окрестность
О небе, о земле и о любви,
Чтоб властная ночная безызвестность
Не скрыла псалмопения мои.

Спою, что я, по правде, и не спорщик,
И хмурый только так, издалека,
Я верный вдохновению псаломщик,
Стихами утешающий себя.

И все вокруг немного повздыхает —
И ночь, и тишина, и желтый свет.
И тихо, словно бабочка ночная,
Забьется о стекло пушистый снег.

И сердце воскрешается псалмами,
И городом владеет царь Давид…
С улыбкою, поднявшись над домами,
Луна его от шума сторожит.

Псалом 18

О Божественной славе повсюду
Проповедуют неба глаза,
О свершениях Господа людям
Откровенно вещает земля.

И не зная ни сна, ни покоя,
День ко дню передаст все дела.
И ночь ночи, под звездами стоя,
Перескажет, что было вчера.

Нет таких языков и наречий,
Где не помнился голос бы их,
Всюду слышатся звездные речи
И пылающий солнечный стих.

Над землей всей идет их звучанье,
До пределов Вселенной оно.
И поставил Господь в назиданье
В лике солнца жилище Свое.

И выходит оно, женихаясь, —
Покидает свой брачный чертог.
Исполинскою силой играясь,
Веселится на шири высот.

Оно выйдет из дали небесной
И, прошествовав, вдаль забредет,
И ничто не сокрыто завесой
От его теплоты и щедрот.

Совершенен закон и безмерен,
Коим Бог обновляет людей,
И в своих откровениях верен,
Коль мудрейшими ставит детей.

Повеления Господа правы,
Веселят они правдой сердца
И, как будто лечебные травы,
Исцеляют людские глаза.

«За год беспечного мытарства»

За год беспечного мытарства
Я повзрослел как будто вдруг:
Не пил новейшие лекарства,
А просто посмотрел вокруг.

Я повзрослел. И не годами,
А невещественной душой,
За всех, кто правду чтит устами,
А сердце затворил молвой.

За всех, бегущих без оглядки
И правых лишь от слепоты,
За всех, не побывавших в схватке
И не любивших соль земли…

Как все не по-житейски быстро
Насело на громаду плеч…
Что ж, говорили, я плечистый, —
Да и к чему себя беречь?

«Как приблизится время цветенья»

Как приблизится время цветенья
Золотистой осенней листвы,
Так приходит ко мне вдохновенье
Из далекой лесной стороны.

Оно поутру в город заходит,
С хороводом ветров и дождей,
И меня без ошибки находит
Среди полчищ машин и людей.

Если в шумном метро я кочую,
То оно золотистой стрелой
Проникает сквозь толщу земную
И становится рядом со мной.

И такое с душой сотворится,
Что сказать – не поверит никто.
Мне завидуют вольные птицы
За сиянье и легкость ее.

Я тогда становлюсь на мгновенье
Не от мира сего молчуном,
А бесплотных стихов сочиненье
Служит хлебом тогда и питьем.

И тогда ничего мне не стоит
Бросить все и уйти в монастырь,
И упрятать в келейном покое,
Как в ларце, поднебесную ширь.

«Когда другого я пойму»

Когда другого я пойму
Чуть больше, чем наполовину,
Когда земному бытию
Добуду вескую причину,

Когда все тяжкие грехи
Я совершу в беспечной жизни
И подскажу, куда идти,
Моей заплаканной отчизне;

Когда необходимым вам
Покажется мой стих невнятный,
А время по любым часам
Настроится на ход обратный, —

Я вдруг всецело проживу
Мгновенье вольного покоя
И как-то радостно умру
На людном перекрестке – стоя.

О кресте могильном

А где-то, я и сам не знаю, где,
Но где-то все на этой же земле,
Стоит одна высокая сосна
И думает ночами про меня.

И что-то, правда, сам не знаю, что,
Но что-то очень важное одно
Она мне все пытается сказать,
Да веткой нелегко меня достать.

И, отчего, не знаю, по стволу,
Похожая на женскую слезу,
Стекает молчаливая смола
И каплей застывает янтаря.

И где-то на сосновой той коре,
К которой прикоснулся я во сне,
Виднеются белесые рубцы,
То высеклись объятия мои.

Послесловие к «Евгению Онегину»

Под властью пушкинского слога
Я, репутацию губя,
Порядка не нашел другого
Ни в мире, ни внутри себя,
Как только пестрое собранье,
Давно вошедшее в преданье,
Полусмешных забавных глав.
Быть может, я совсем не прав,
Но сердце в них находит отдых
От мелкой гордости своей,
От бесконечных новостей,
От споров и порядков модных
И вдохновляется порой
На труд неведомо какой.

Вот и сейчас, когда в гостиной,
В одном из среднерусских мест
Я отчитал роман старинный,
Словно Псалтирь – в один присест,
Пришло желание слепое
Писать. И сердце, жадно ноя,
Отозвалось одной строфой
На чей-то голос неземной.
Я верю, рукопись читая,
Ее молитвенно твердя,
Того и сами не хотя,
Мы часто небо призываем…
И отвечает нам оно,
Хоть многим это и смешно.

Прости же, гений величавый,
Дерзанья школьные мои
И поэтические нравы
Моей ликбезовской души.
Прости, что противу приличий,
Поправ неписаный обычай,
Я вторю гласу твоему.
Но к оправданью своему
Замечу, что твоим заветом
Разрешена моя вина —
Писал ты, не предвидя зла:
«Вещь избирается поэтом!»
Хоть не дословно – это так,
Здесь я оправдан кое-как.

Хотя, по совести признаться,
Чтоб научиться избирать,
По жизни надо поскитаться
И много сору перебрать.
Бывало, чуть найдет волненье,
Спешу, дрожа от нетерпенья,
Предметы неба и земли
Зарифмовать скорей в стихи.
А через день переиначу,
Прибавлю там, тут зачеркну,
Когда же кое-что пойму,
Сожгу, и даже не заплачу,
И… вспомню с горечью при том,
Каким был раньше удальцом.

Теперь не видно сумасбродства.
Тесны врата и узок путь,
Идти которыми придется,
Чтоб мне на истину взглянуть,
И ты, певец изящных ножек,
Среди тропинок и дорожек
Нам указал одну стезю
И в стихотворстве и в миру.
Ты утвердил для вдохновенья
Строфы отеческий канон,
Он временами утвержден
И стал он камнем преткновенья
Для чтущих все одной молвой
И сердце скрывших под полой.

Да, мы учились понемногу.
Но ведь глупцам должно везти:
Я вдохновляться начал с ходу —
Не поперек, а вдоль строки.
Мы все со споров начинали,
С того, что все ниспровергали,
С обид, которых не снести.
А глядь, поближе к тридцати
Стихами перенял молитву,
Припомнил Русь и старину
И внял распятому Христу.
И с прожитым вступая в битву,
В нем ничего не изменил
И всех за все благодарил.

…И нас, Владыко дней, сподоби
Прейти в такую меру лет,
Когда в душе заместо злобы
Найдем один небесный свет.
Пока же в непогодь любую,
Вдыхая благодать земную,
Дыханье задержу. И мне
Все кажется – собрал в душе
Красоты шири поднебесной…
Пока мне лучшие друзья —
Былые наши времена.
И я люблю былые песни.
Былых певцов я свято чту
И в поминанье заношу.

На могиле С. Есенина

Вот, Сергей Алексаныч, примите
Земляка запоздалый поклон:
Вы – питомец Октябрьских событий
Я – свидетель застойных времен.

Мы родня: Вам Кузьминская волость
Подарила к стихам интерес,
А меня стихотворная робость
Загоняет в Кузьминский лес.

Может, встретившись, были б друзьями,
Ведь стихи нам и счастье и срам,
Ведь по-русски пристрастье питаем
Вы к вину, я – к московским церквям.

Приучить попытались друг друга б
К исцеляющим средствам своим:
Вы меня приглашали б к подругам,
Я бы вас – к куполам золотым.

Из земли вырастающим с песней
Подтянуться б на звездный карниз,
Но они – почему неизвестно! —
С полдороги срываются вниз.

Им бояться высот не положено,
Коль завещано жить и терпеть.
Правда, сил для того лишь приложено,
Чтоб не сделать, а только воспеть.

Будьте слабыми, сколько есть силы,
Вы, поэты российской земли.
За ту слабость на ваши могилы
Приношу я с поклоном цветы.

Вот, Сергей Алексаныч, примите
От возможного друга поклон.
Вы в Октябрьской буянили свите,
Я – в компании наших времен.

Из цикла «Осенние волны»

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной…

Ф. Тютчев

I

Глаза сдружились с белым потолком,
И ветви рук срослись за головой.
Уж сорок дней и снегом и дождем
Осенний дух сражается с землей.

Завалит двери липкая пурга,
То дождь закроет серой пеленой,
И за окном гурьбой плывут дома,
Что для людей построил старый Ной.

Земли покорность, неба произвол,
А я затих, припомнив все грехи.
Волна качает мой дощатый пол,
И не доплыть ковчегу до зимы.

Закрыть глаза – и вспомнится легко
Жестокий зной и каверзный мороз.
А рядом шелестит вода в окно
И за стеной скулит голодный пес.

Но, может, приутихнут дождь и гром,
Земля осилит яростный потоп,
И белый голубь в клюве голубом
Оливковую ветвь мне принесет.

II

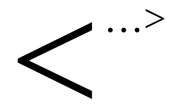
Разгладит ночь лиловые морщины
У сумрачного неба на лице,
И наведет румянец лунный иней
Вечерней утомленной синеве.

Задует ветер отблески заката,
Вернется, принесет издалека
Погаснувшего солнца ароматы
И свежий дым осеннего костра,

И не успев еще остановиться,
На тротуарах, с лету, впопыхах,
Он с листьями, танцуя, закружится
При уличных изогнутых свечах.

И в мир, такой уютный и безбрежный,
Из памяти уснувшей синевы
Сплетеньями искрящихся созвездий
Польются нерассказанные сны.

И будто на земле уже морозно,
И холод притаился во дворе,
И тянутся и просятся на воздух
Зашторенные отблески в окне.


…>

VI

Фонари у обочины ссутулились,
Осветив серебристый асфальт.
На вечерней истоптанной улице
Что-то каждый из них потерял.

По земле гладят пальцами света,
И на ощупь находят у ног
Только пыль, и обрывки билетов,
И остывшие камни дорог.

Вот потерю один обнаружил,
И моргнул, и сощурил глаза,
Это в черной взволнованной луже
Золотая мелькнула звезда.

До утра при полуночном свете
Простояли, склонившись, они
И уснули при ярком рассвете.
Успокоились – может, нашли…

VII

Оттого, что все выходки стерпит
И не выгонит в бешенстве прочь,
Оттого, что рождаюсь бессмертным,
Я люблю молчаливую ночь.

Ухожу в коридоры аллеи —
Об асфальт постучать каблуком,
Может, кто-то услышит, надеюсь,
Этот гулкий души перезвон.

Может, выбежит кто-то навстречу
И, заметив, что я занемог,
Холод сердца глазами залечит
И разбудит полночный чертог.

Не смущаясь внезапной тревоги —
Что такое минутный обман?
Повстречаю тебя на дороге,
Где стоит неуклюжий каштан.

И когда твои близкие плечи
Осторожно к себе поверну,
Под фонарные тусклые свечи
Мы присядем на эту скамью.

Мы такое друг другу откроем,
Поделившись с природой одной,
Что расплачется сердце ночное
Серебристой вечерней росой.

В славу первой короткой ночи
Бесшабашный мы пир соберем,
Нагадаем себе, напророчим
Не теряться солнечным днем…

Но какими-то жаркими спинами
Уже выжжено место себе
Угловато-чернеющей лилией
У скамейки на смуглом плече…

VIII

Мир, облекаясь черным шелком,
В случайность вкладывает смысл
И дарит для раздумий долгих
Обычную простую мысль.

Зажгутся мелочи великим
Неярким внутренним огнем,
И крепче, чем стена гранита,
Покажется мне мир кругом.

И от раздумий даже тени,
Качаясь, жалобно скрипят,
И в такт сердечных сокращений
Мерцает в темноте маяк.

А белых фонарей собранье
Сквозь тишину и пустоту
Проводит с морем на свиданье,
И мы вдвоем на берегу.

Мы будем спорить и ругаться,
Не умолкая до утра,
О том, как может называться,
Чему название – душа.

<…>

X

Бежит волна, играет гребнем,
Искрится сгорбленной спиной,
Стремясь усилием последним
Не слиться с дружеской толпой,

И радостью лихой наполнен,
Гуляет ветер по воде.
И будто каверзные волны
Потопом вновь грозят земле.

Сливаясь, силу набирая,
Встают на камни во весь рост,
Стальными брызгами пытаясь
Достать до солнца и до звезд.

Могучим искрометным сором
Над берегом волна замрет.
И силой, мощью и задором
Ударит, грянет, подомнет.

И с ней уже ничто не сладит —
Она широкою рукой
Всю гальку о причал раздавит
И отшвырнется вмиг землей.

Вскричит. Поговорит, пошепчет,
Расстелется ковром у ног
И будет приутихшей речью
Лизать нетронутый песок.

XI

Посмотрел – душа да сердце
Просятся для рифмы мне,
Беден мой словарь, наверно, —
Все любовь на языке.

Не соперник я Шекспиру,
Даже если б горы книг,
Восхищаясь славной лирой,
Прочитал я и постиг.

Я бы вызубрил построчно
Незнакомый мне язык,
Если б этим полномочья
Вдохновения достиг.

Я копировал бы снова
Многотомные труды,
Если б отыскалось слово,
Равнозначное любви.

Эх, понятья-одиночки,
Что вам шум времен и прыть!
Только разве многоточьем
Вас придется заменить…

XII

Не говори: «Я не сумею
Вместиться в краткую строку,
И ритмом ямба и хорея
Пересказать свою судьбу».

И пусть все просто и не ново,
И пусть смешается с землей,
Но только раз неловким словом
Поговори с самим собой.

И разве ты не видел солнца,
С дождем в обнимку не грустил,
И в ночь домашнее оконце
Щекой горячей не давил?..

Прислушайся: то сердце хочет
Скорее вырваться на свет —
То укрепляется построчно
Зачатый родиной поэт.

И если в муках он родится
И миг хотя бы проживет, —
С родной землей соединится,
Ей развязав стихами рот.

И если задушевным словом
Напишем судьбы и прочтем,
Они расскажут нам о многом,
И все же только об одном:

Российский род не перестанет
И жить, и помнить, и любить,
Пока неслышно рядом с нами
«Жив будет хоть один пиит».

Ноябрь 1985 г. – 4 февраля 1986 г.

«Вчера уж слишком пылко, откровенно»

Вчера уж слишком пылко, откровенно
Писались наболевшие стихи.
И потому, дрожа от нетерпенья,
Солгали по невинности они.

То ли проснулась давняя обида,
То ль радость неожиданно пришла —
И началась с бумагою коррида,
И вместо шпаги – острие пера.

Неважно все, и только зной сердечный
Дыханье нагревает, и строка
Вонзается копьем остроконечным
В бессильные шуршащие бока.

И горячась, друг друга одарили:
Я почерком оставил боли след,
Бумага ж мне с ехидцею вручила
Бездушный, но пылающий сонет.

Все искреннее – гордо и надменно,
Все робкое – печально до тоски,
И потому я утром непременно
Сжигаю наболевшие стихи.

5 апреля 1986 г.

«Неужто я в стихах специалист»

Неужто я в стихах специалист
И мне близка профессия поэта,
Раз ничего не стоит чистый лист
Перемарать настойчивым сонетом?

Неужто рифмам стал я господин,
Ведь, голову склоняя сиротливо,
Они пустую мысль плечом одним
Поддерживают, как кариатиды.

Но будто за сноровку и за власть
Я отдал что-то главное, родное
И заменил стремление писать
На важность описания любого.

И будто может все понять душа,
Все подчинять и даже воплощаться,
Но только с оговоркой и слегка,
А то пришлось бы с рифмою расстаться.

К умелости прибавлю я испуг,
Чтоб с прошлым у нас не было различий,
Чтоб дело – словно длительный досуг,
Привычка – словно радостный обычай.

5 октября 1986 г.

«Та ночь из всех ночей одна»

Та ночь из всех ночей одна.
В ней все и сказочно, и просто:
Деревья. Звезды и снега. Дорога.
Церковь у погоста.

Там говорят, что с нами Бог
Вдыхает этот холод плотный
И слышит, как ночной чертог
Скрипит под яростной походкой.

Там говорят, что с нами Бог
Глядит, как месяц озорует,
Как он склонил заздравный рог,
И с неба влагу льет живую.

Оглянешься – ночь говорит.
И так Его увидишь рядом,
Что будешь щеки растирать,
Не веря собственному взгляду.

А рядом уж не шумный двор,
Не деревенские задворки,
Где сторож древний до сих пор
Дымит закрутками махорки.

Пустынный край увенчан весь
Снегами и звездой январской.
Не уголок, а сердце здесь
Притихшего земного царства.

Такая ночь коснется глаз,
К чему-то сделает причастным —
И подойдет, хотя б на час,
Куда-то близко-близко счастье.

10 февраля 1986 г.

«Что за душа у утренней земли!»

Что за душа у утренней земли!
Что за сердечность у лесного края!
При встрече чуть до слез не довели
Лихого городского шалопая.

Кричал петух, как будто жарил туш,
Корова оглянулась, промолчала,
И, чавкая на всю лесную глушь,
Бессовестно в глаза мне зажевала.

Как в книгах все: и домик на холме,
Подальше от непрошеных соседей,
И мужичок в потертом пиджаке,
Из тех, что в фильмах ездят на телеге.

И все, как на картинке, – глухомань,
Под сердцем где-то сбившиеся чувства,
Сторонку эту, думаю, Боян
Когда-то воспевал на вещих гуслях.

И я заговорю о ней теперь,
Оглядываю все, припоминаю.
Но в четкий поэтический размер
Не втиснуться улыбчивому краю.

А столько слов о нем на языке!
В уме такие носятся картины!..
И все же: домик в средней полосе,
И ветхая церквушка на отшибе.

А там уж пусть домыслят, что смогли,
Дочувствуют и, может быть, оттают.
Что за душа у утренней земли!
Что за сердечность у лесного края!

«Уже ноябрь, а дождь все льет и льет»

Уже ноябрь, а дождь все льет и льет.
Никак не стихнут осени забавы:
На улицах отыскиваю брод —
Что ни ручей, то водная преграда.

И даже слышно, будто фонари,
Привыкшие к ненастьям, завздыхали.
И их лучистый свет от маяты,
От сырости такой пошел кругами.

Ах осень, что за моду ты взяла…
И даже я взгрустнул, твой почитатель, —
В одежде темно-серые тона
С волнистыми узорами из капель…

Из украшений – матовая мгла
С серебряной воздушной паутинкой.
Ах, осень, как же ты могла
Перевести все золото на дымку!

Ужель тебе стихов недостает,
Ужель и ты надеешься на славу?..
Уже ноябрь, а дождь все льет и льет,
Никак не стихнут осени забавы.

28 октября 1986 г.

Сказка

Все в сказках правда – вот в чем страх!
Я этому и сам бы не поверил,
Когда б однажды, заплутав в лесах,
Не вышел к избяной замшелой двери.

Двор как везде: изба и огород,
Сарай слегка припорошило гнилью.
Вот только нет собаки у ворот,
И на стене белеет крест могильный.

Дверь отворилась… Боже мой – Яга! —
Глаза горят, узлом платок запутан.
Гляжу – в углу два ветхих помела
И чуть в сторонке, словно бочка, ступа.

Куда ж идти? – ночь, дождик, глухомань.
«Найдите, – говорю, – мне место для ночлега.
Мне б только пол, какую-нибудь рвань
И крепкий чай без сахара и хлеба».

Вошли: горит лампадка, образа.
Баба-Яга на них перекрестилась.
Ну, думаю, настали времена:
И даже нечисть к вере обратилась.

Расположился я, вдохнул тепла.
Благодарю устало и сердечно,
А сам все жду – когда начнет она
Заталкивать меня лопатой в печку.

Она ж волшебный стол накрыла мне:
Варения, соления, закуски.
И, «Отче наш» прошамкав в тишине,
Достала что-то крепкое в нагрузку.

В честь женщин, помню, что-то я сказал.
Мы выпили, поели, помолчали.
Все спрашивала – вкусно? Я жевал,
А после в разговоре отдыхали.

Хозяйка уж не помнит, сколь ей лет,
И ремесло яговье позабыто.
Ей платит пенсию какой-то там совет,
И на людей она уж не сердита.

Я, осмелевши после этих слов,
Просил открыть секрет нечистой силы.
Она дала глотнуть из пузырьков,
И утром я очнулся на перинах.

Простились мы. Она дала совет.
И путь-дорогу к людям указала.
Стояла долго, глядя мне вослед,
И все платком цветастеньким махала.

Все в сказках правда – вот что страх!
Какой же страх? Все будто тихо, складно.
А поблуждайте вы в глухих лесах
И страшную найдете, может, правду.

«Я по парку шатался с утра»

Я по парку шатался с утра,
Подбирая стихи на дороге.
Их дождем намочило слегка
И примяли к земле чьи-то ноги.
Пена листьев сухие слова
В ритме шага мне хрипло шептала,
И, немного споткнувшись у пня,
Желтых брызг по траве набросала.
На прохладных осенних прудах
Мне сосна подсказала немножко:
На волнистых дубовых листах
Я развесила иглы-сережки.
Подсмотрел я у гладких осин
Мне знакомую робкую стройность.
И у выгнутых ветром вершин
Непокорно-смиренную стойкость.
На горящей у клена земле
Я глядел, как сжигаются чувства,
Как они ослепляют в беде,
Выплавляя всю ярость из грусти.
Подождав, когда на руки мне
Клен усталые листья уронит,
Погадал об осенней судьбе
По морщинам ладони кленовой.
И набрал из мечтаний и снов,
Что раскинула под ноги осень,
Вдохновенья для тихих стихов —
Желтых листьев кленовую проседь…
И лежат в темноте у окна
Те стихи, что нашел на дороге.
Их дождем намочило слегка
И примяли к земле чьи-то ноги.

Из цикла «Стихи на псалмы»

Псалом 38

Я сказал: буду я наблюдать за путями моими,
чтобы не согрешать мне языком моим;
буду обуздывать уста мои,
доколе нечестивый предо мною.

Я сказал: буду верен словам до конца —
Посмотрю за своим непутевым житьем.
И невольно прибавил: на все, что слегка, —
Отвечать стану я молчаливым кивком.

Я немым оказался на людной земле,
Бессловесно смотрел на распятье добра,
И раздумья одни воцарились в душе,
И безумная скорбь одолела меня.

Запылало отчаяньем сердце мое,
Загорелися мысли незримым огнем,
И тогда в поднебесье я поднял лицо,
Говорить начиная другим языком:

Покажи мне, Владыка, кончину мою,
Приоткрой и число уготованных дней,
Может, я устрашусь оттого, что живу,
И никто не осилит боязни моей.

Приоткрой – и потом от меня отойди,
Чтобы в скорби земной возмужала душа,
Чтобы я укрепился на крестном пути,
Прежде чем отойду и не будет меня.

Псалом 43

Боже, мы слышали ушами своими, отцы наши
рассказывали нам о деле, какое Ты соделал
во дни их, во дни древние…

Мы слышали сами от дедов своих,
А кто и писанье в наследство оставил,
О ратных делах, о молитвах святых,
Которыми Бог нашу землю прославил.

Какие свершил Он тогда чудеса,
Каких сыновей окрестил богатырских!
Чего только стоят послушника два,
Возросшие на сухарях монастырских.

Полки басурманские Бог истребил,
Вознес над дубравами наши знамена,
Хвалу каждый воин тогда возносил,
Целуя края почерневшей иконы.

Он видел, что землю не силой обрел,
Не крепкой дружиной, а Промыслом тайным,
Затем и с молитвой в сражение шел,
Храня под рубахою крест православный.

А разве, когда латиняне пришли,
И деды Псалтирь по земле уж читали,
К чудесной иконе не шли мужики
И там под хоругви с мечом не вставали?

Хотим или нет, но величит нас Бог…
И я не на меч уповаю в сраженье,
В речах не на мудрость, какую сберег,
А только на крестное наше знаменье.

Похвалимся Господом всякому дню,
Прославим Его и во всякие ночи,—
Он хлеб подавал нам без меры к столу
И даже порою с запивкою прочей.

Но ныне Ты нас посрамил до конца.
Зачем Ты не ходишь с оружием нашим? —
Позора и бед мы вкусили сполна,
Запив это все панибратскою чашей.

Ты сделал нас притчей во всех языках.
Позор наш во всякие дни предо мною.
И каждую ночь он стучится в висках
И по дому крадется тенью слепою.

Все это нагрянуло бурей на нас,
И мы потерялись в земном бездорожье.
Нам души забила б дорожная грязь,
Когда бы в них не было памяти Божьей.

Когда бы забыли мы имя Твое
И рукоплескали кому-то другому,
То разве мы вышли б из ада сего
С любовью такою же к роду людскому?

Но нас ненавидят за имя Христа,
Скрепляют ругательства высшей печатью
И входят со смехом в святые дома,
Молящихся там находя для распятья.

За что нам такая жестокая месть?
За что нам такие великие плачи?
Неужто врагам нашим нечего есть
И мы от них хлеб по-за пазухам прячем?

О, Господи, прежние дни помяни,
Воздай нам за скорби святой благодатью,
Тогда мы поднимем знамена свои
С двуглавым орлом и Христовым распятьем.

Псалом 77

Внимай, народ мой, закону моему,
приклоните ухо ваше к словам уст моих.

Вы послушайте-ка, люди православные,
Речь мою былинную гуслярскую,
Приклоните головы могучие
Да постойте с думой, думой долгою.
И простому люду, и бояринам,
И князьям, и Божиим служителям
Расскажу гадания из древности,
Помяну о прежнем малой присказкой.
Лишь уста, бывает, учат мудрости,
И порой лишь сердце нам советует,
Потому напевами забытыми
Думы свои ведаю глубокие.
А внучатам нашим, новой поросли,
Продолженью рода христианского,
О делах и заповедях Божиих,
О чудесных храмах, о кудесниках.
Наскажу под гусельки с три короба,
Чтобы передали, когда вырастут,
И своим плаксивым непослушникам
И пересказали строго-настрого.
Ограждать себя святой молитвою
Да не забывать заветов дедовских;
И не быть, как племя басурманское,
Что с душой упорной и мятежною,
С сердцем непокойным и неверным
Хвастает делами сатанинскими.

Псалом 72

Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем!

Содрогнулось вчера было сердце мое,
И во всем разуверилась было душа.
Я увидел беспечных лихое житье.
И опять позавидовал им за глаза.

Никогда не тревожат их скорби и плач,
Им до смерти величье и дерзость даны,
Веселит их собрание яркий кумач,
Когда людям полшага еще до беды.

Откровенно, без страха лукавят всегда,
Затаенные помыслы пряча свои,
А когда издеваться начнут свысока,
То слова их подобны фонтану воды.

К небесам подниматься бы этой струе,
И сверкая на солнце, и радуя глаз,
Но она припадает к могучей земле
И развозит повсюду болотную грязь.

И народ, замутив по лесам родники,
Эту воду мертвящую с жадностью пьет,
Говорит: «Как несведущи были отцы,
Уверяя, что Бог нам бессмертье дает».

И вот эти лукавые ростовщики
Благоденствие славят превыше всего.
Так напрасно я, что ли, учился любви,
Очищая от мерзости сердце свое?

Так напрасно я, что ли, по долгим ночам
Наизнанку судьбу выворачивал всю,
И себя же метал по горячим щекам,
И от совести прятался в темном углу?

Я бы стал перед прошлым земли виноват,
Если б, так рассуждая, сварливость обрел
И не мог ничего я на свете понять…
И, скитаясь, по случаю в церковь вошел.

Я увидел, о Боже, конец этой лжи.
Я воспел на коленях величье Твое.
Так пускай погадают о судьбах земли,
Все равно Ты однажды осудишь ее.

Псалом 73

Для чего, Боже, отринул нас
навсегда? возгорелся гнев Твой
на овец пажити Твоей?

Что же мы сделали, Боже, не так?
Что мы забыли себе на беду?
Ты отвернулся, и всякий пустяк
Стал обращаться в лихую нужду.

Вспомни в заслугу нам прежних князей,
В чине монашеском принявших смерть,
Вспомни сияние русских церквей,
Что оглашали по праздникам твердь.

Ты вместе с нами пройдись по земле,
С нами развалины наши оплачь.
Видишь – отметины пуль на стене,
Камень замшелый от крови горяч.

Слышишь, как зычно вопит воронье
Рядом с могилами наших святых,
Как разбивают распятье Твое,
Каменных знаков наставив своих?

Мы затвердили навечно урок
С гидрой ужасной и правым мечом,
Слишком кроваво он землю иссек,
Слишком отчаянным слышался стон.

Разом хотелось им все разнести,
Чтоб воцарились лишь пепел и страх…
И опустели тогда алтари,
И запылали иконы в кострах.

Боже, знамений не видит никто,
Нет и пророка, чтоб душам прозреть.
С нами не стало теперь никого,
Кто бы сказал, долго ль это терпеть.

Боже, Вселенную Ты утвердил,
Солнце поставил в знамение нам,
Вспомни, кто имя Твое поносил,
Кто наших братьев душил по углам.

Псалом 12

Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец,
доколе будешь скрывать лице Твое от меня?

О Господи, доколе будешь Ты
Все забывать меня и забывать,
Ну сколько же еще глаза Твои
Не будут моим взглядам отвечать?

Ну сколько утешать себя могу,
Коль сердце плачет день и плачет ночь,
И сколько буду клясть свою судьбу,
Когда не в силах сам себе помочь?

Ты, Господи, хоть раз взгляни сюда,
Услыши хоть обрывки слов моих,
О смысле растолкуй мне бытия,
Пока я сном последним не затих;

Пока не намекнули мне друзья,
Что сломлен я и выбился из сил,
Пока не поклонилась голова
Тем, кто меня когда-то невзлюбил.

Я ж уповаю к милости и жду —
Пролей ее живительным дождем.
Тогда я о любви Твоей спою,
Как я пою об имени Твоем.

Псалом 78

Боже! язычники пришли в наследие Твое,
осквернили святый храм Твой,
Иерусалим превратили в развалины.

Пришлые, Боже, в наследье вошли.
В святилища, как в кладовые, вступили
И город великий, столицу земли,
В хранилище снеди людской обратили.

Навек ублажили они воронье,
Кормя его вволю глазами людскими,
И было довольно земное зверье,
Питаясь по норам телами святыми.

И так полюбилась им наша земля,
Что воду они перепутали с кровью,
И долгое время горчило слегка
Зерно, напоенное этой любовью.

Мы стали посмешищем мира всего,
Молчим и глаза свои в сторону прячем.
Ну сколько же, Господи, сердце Твое
Еще не услышит сыновнего плача?

Сколько еще отплатить мы должны
В счет прегрешений хмельного отцовства?
Мы уж и так, как пригоршня золы,
Ветром которая в поле несется.

Чтоб не твердили нам: где же ваш Бог? —
Сам отомсти этим скаредным пришлым,
Только б увидеть униженный мог,
Только б сумел погребенный услышать.

Пусть содрогнется пред Господом твердь
От всех воздыханий, прошедших безвестно,
Тогда, может, нас, обреченных на смерть,
Спасешь Ты невидимо Духом чудесным.

Псалом 138

Господи! Ты испытал меня и знаешь.

Ты испытал меня, Боже, и знаешь,
Ведаешь все, недоступное мне.
Часто, наверно, сомненье прощаешь,
Видно которое только Тебе.

Пусть я шатаюсь по свету тревожно,
Пусть укрываюсь в домашнем углу,
Ты обнимаешь меня, словно воздух,
Руку в скорбях предлагая Свою.

Знаю – когда мной слагаются песни,
Нет еще слова на чистом листе,
Ты его видишь прозреньем чудесным,
В сердце влагая настойчиво мне.

Сколько я рылся на кладбищах книжных,
Сколько я дум передумал в себе,
Все ж, не сумев вдохновенья постигнуть,
В церковь пошел помолиться Тебе.

Дивен мне разум небесного свода,
Дивно свеченье далекой звезды.
Видел я край совершенства земного —
Слово же Божье обширней земли.

Где от души мне своей затаиться?
Где не настигнут раздумья меня?
Я по Вселенной промчался как птица —
Места такого не знает она.

Если скажу: «Может, тьма меня скроет,
Будет мне ночь неприступной стеной», —
Сердце тотчас заскулит и завоет,
Ночь освещая тоскою грудной.

Дивно я создан Божественным Словом:
Будто бы соткан из ткани земли
С замысловатым телесным узором,
С тайным до времени светом внутри.

Боже, меня испытай. И поведай,
Что притаилось за словом моим.
С книгой тогда я оставлю беседы,
Духом начну обучаться Святым.

Псалом 101

Господи! услышь молитву мою,
и вопль мой да придет к Тебе.

Научи меня, Боже,
Ушедшие годы считать.
Может, стану тогда я
Хотя бы немного умней.
А то буду до смерти
Унылые песни слагать
О земле, о любви,
О судьбе бесприютной своей.

Мне мечталось по жизни пройти
С беспокойно горящей душой,
Освещая пути,
Зажигая умы и сердца.
Но душа, обгорая,
Рассыпалась теплой золой,
И былое куда-то исчезло,
Как дым от костра.

И теперь вот я мыслями разными,
Словно чумой, заражен,
Забываю о хлебе
И сыт я печалью одной.
Мне осталось к старухе с косою
Идти на поклон,
Чтоб под корень меня резанула,
Как стебель сухой.

День зачем мне,
Когда при сиянье его
Я отчетливей вижу
Развалины наших святынь.
Ни к чему мне и ночь —
Я уснуть не могу все равно,
Словно ворон на кровле,
Сижу у лампады один.

Так зачем же Ты, Боже,
Мне радость познанья дарил,
Подавал вдохновенье
По прихоти глупой моей,
Коль теперь я жалею,
Что денег совсем не скопил
И не добыл почета
Себе и хвалебных речей.

Пощади меня, Господи мой,
Ибо время пришло,
Ибо даже лукавые
Стали грехи вспоминать —
Воздыхают о прошлом,
Развалины ценят его…
Научи меня, Боже,
Ушедшие годы считать.

Псалом 60

Услышь, Боже, вопль мой,
внемли молитве моей!

О Боже, Ты выслушай вопли мои —
Их больше не слышал никто.
Молитве моей стихотворной внемли,
Коль мне вдохновенье дано.

От самого дна океанских глубин,
Из пропасти самой ночной,
Где эха уж нет и живу я один,
Взываю я рифмой простой.

Когда разгорается сердце мое,
Воздвигни меня на скалу,
На гору, на камень, на что-то еще,
Куда мне не влезть самому.

С Тобой становлюсь я как тот исполин,
Что держит все небо плечом,
С Тобой я взлетаю орлом молодым,
Туман рассекая крылом.

Услышал Ты, Боже, обеты мои
И мне возвестил в тишине,
Что дал мне в наследие петь о любви,
О грустной моей стороне.

И Ты приложи к удивительным дням
Еще удивительней дни,
И слишком короткие жизни певцам
Хотя б после смерти продли.

И буду я имени петь Твоему,
Пока на земле моя тень,
И буду тянуться губами к кресту
В воскресный и праздничный день.

Из дневника

Не требуйте моих волнующих строчек,
Прозрения, раскрытия тайн от меня,
Раз только мгновенья вам сердце щекочут
Вчерашние, старые будто слова.

Не ждите отчаянных новых признаний,
Коль прежние песни слежались в пыли,
Коль груды отцовских стихов и преданий
Никак не обучат вас тайнам любви.

И надо б сказать: «Уходи, вдохновенье!»
И долго, на годы, навек, замолчать,
Чтоб кто-то по давним постиг песнопеньям
Все новое, что мы смогли бы сказать.

И пусть окажусь молчаливым, надменным —
У времени я постоянству учусь…
Зачем же вам новый порыв откровенья,
Коль прежний не хочется знать наизусть.

24 апреля 1986 г.

«Пусть под вечер бываю я грустен»

Пусть под вечер бываю я грустен,
Пусть все гляжу и гляжу за забор,
На далекую Оптину Пустынь,
На высокий Введенский собор.

«Этой теме не будет износа»

Этой теме не будет износа,
Горло сдавит к России любовь…
И по венам толкает вопросы,
Словно комья, славянская кровь.
……………………………………………..
Но все тянет за русские дебри
Умереть в предназначенный срок.

«В декабре я впервые увидел звезду»

В декабре я впервые увидел звезду
И впервые прислушался к ночи.
И теперь даже если о солнце пишу,
Она где-то среди моих строчек.

«Дай, Псалмопевец, гусли мне!»

I

Дай, Псалмопевец, гусли мне!
Твои дай струны и органы,
Чтоб я запел под стать тебе
Самозабвенными псалмами.

Вложи, святый, в мои уста
Язык твоих смиренных песен,
Язык, вмещающий слова,
Которым мир бывает тесен.

Дай мне твои слова, Давид.
Они сродни душе скорбящей.
Как солнца огненного вид
Сродни кадильнице горящей.

Что принесу и что воздам
Тебе, смиренная обитель,
Твоим могилам и крестам,
Которым ныне я служитель?

Псалмы и песни принесу
Тебе, блаженная пустыня.
Спасенья Чашу прииму
И призову Господне имя.

II

Дай, Псалмопевец, гусли мне!
Твои дай струны и органы,
Чтоб я запел вослед тебе
Самозабвенными псалмами.

Что мне искусство и стихи,
Что дар нежданный вдохновенья,
Когда душа полным-полна
Одной строкою псалмопенья.

Что принесу и что воздам
Тебе, старинная обитель,
Твоим могилам и крестам,
Которым ныне я служитель?

Душа тебе уж отдана.
Прими и тело, коль захочешь.
Прими все то, чем от Творца,
От Бога наделен средь прочих.

Поклон сыновний положу
Тебе, блаженная пустыня.
Спасенья Чашу прииму
И призову Господне имя.

21 ноября 1990 г.

III

Дай, Псалмопевец, гусли мне!
Твои дай струны и органы,
Чтоб я запел под стать тебе
Самозабвенными псалмами.

Скудны чернила и перо!
И рифмы тщетны вдохновенья.
Давид, дай пение твое,
Пропеть о самом сокровенном.

Дай мне твои слова, Давид,
Они сродни душе скорбящей.
Так солнца огненного вид
Слегка сродни свече горящей.

И хладен стих мой вдохновенный.
Дай сердца голос сокрушенный.

IV

Что взялся, инок, за стихи?
Или тебе Псалтири мало?
Или евангельской строки
Для слез горячих недостало?

Иль голос тишины ночной
Не внятен стал душе смятенной?
Или не сладок стал покой
Молитвы долу преклоненной?

Не знаю я, зачем слова
Из сердца вылились стихами.
Ведь наполнял его не я
И благодатью, и слезами.

6 августа 1990 г.

Из цикла «Вход в Иерусалим»

Мария

Над горизонтом солнце остывало
И дымка, как от угольев от костра,
Сплошною пленкой небо застилала.
И будто солнце людям разрешало
На свой закат смотреть во все глаза.

И вечер, на морской прилив похожий,
Долину прятал в сумраке ночном
И четче вырисовывал, и строже
Вершины гор и контуры прохожих,
Идущих по полям почти гуськом.

От споров, от непрошеной печали,
Которой оделяет враг и друг,
Они себе пристанище искали
В местах, что прокаженным отдавали
Среди пустых окраин и лачуг.

И в среду Симон принял их радушно,
Они за стол устало возлегли.
И зной казался не таким уж душным
Из спорщиков назойливых и скучных,
Лишь стайка мух кружилась у еды.

Тут женщина вошла. Попросит, верно,
Утешить, исцелить – известный люд!
Она же, молча с грустию безмерной,
Окутанная будто тьмой вечерней,
Разбила алавастровый сосуд.

Не отступилась ни единой долькой.
Зачем себя на черный <день> беречь?
Она в Него поверила – и только!
А верить – это будет ровно столько,
Когда других не нужно встреч.

Разбила… И, предчувствуя утрату,
Омыла миром голову Ему.
А ученик сказал: – Мы не богаты.
Продав сосуд, помочь могли б собрату
Иль милостыню подали б кому.

Он, помолчав, ответил скупо, властно:
– Всегда имея нищих при себе,
Благотворить вы можете всечасно,
Но лишь однажды к истине причастны
Вы станете на горестной земле.

………………………………………………………

Отговорившись встречей неурочной,
К старейшинам пошел тот ученик.
Любовь когда окажется непрочной,
Измена назовется непорочной,
А замысел покажется велик.

Их ученик спросил: – Что вы дадите,
Учителя коль выдам своего?
И вспомнился сосуд, но неразбитый,
А сбереженный, до краев налитый…
Тридцать серебреников дали за Него.

Вход в Иерусалим

В тот вечер – Его искренне встречали:
Блестели слезы искрами надежд,
От прошлого отрекшись, выстилали
Дорогу кучей праздничных одежд.

И зной, и крики радости: «Осанна!»,
И сладкий запах пальмовых ветвей
Смешались изумительным дурманом,
И старцы походили на детей.

Забылось, что пройдут еще до Пасхи
Обычные и памятные дни,
Все радовались, жили без опаски,
И только фарисей стоял в тени.

Он видел сокровенное оттуда —
Зачем такие крики до небес:
Они пытались вновь поверить в чудо —
В субботу Лазарь умерший воскрес.

Для Духа не придумано сословий,
Он в каждом как брожение вина.
Но кто-то Ему снова приготовил
Души своей истлевшие меха.

И что Он смог? Сломить кого-то в споре,
Помочь былые раны залечить.
А слышали, что Он прошел по морю
И смог пять тысяч сирых накормить?

А если будут горести, как прежде,
На крест Его осудит гул людей.
За гибель неисполненной надежды
Мы мстим как можно глубже и больней.

И радость встречи, слезы обратятся
В пощечины, насмешки и нытье,
И за столом соседу станут клясться:
– Я и тогда кричал: «Распни Его!»

И дни пошли б обычною дорогой —
В заботах, в неуютности мирской,
Лишь изредка неясная тревога
Смущала б завоеванный покой.

Но высказались судороги тверди
И черные голгофские кресты —
Ему недоставало страшной смерти,
А им – неискупаемой вины.

Исцеление слепого

С открытыми, но мертвыми глазами
Для хлеба я скитался по земле
И следовал за теми голосами,
Что милости оказывали мне.

На шумных многолюдных перепутьях
О жизни я догадываться мог,
Выслушивая спорщиков беспутных
И бряцанье монетное у ног.

Любил я и дорожные мытарства,
И полночи родное мне лицо —
Слепым они последние лекарства
От памяти и сердца своего.

Я прожил бы по-своему счастливо,
Но вызнавши о слове об одном,
Искал его повсюду торопливо
И всюду поджидал его тайком.

Младенцем я навеки бы остался,
Когда бы Он однажды, не спеша,
Из города с толпой не возвращался
И близко не прошел бы от меня.

«О Господи, – вскричал я, – Сын Давидов,
Помилуй бесприютного слепца!»
А рядом зашептались боязливо,
Пытаясь заглушить мои слова.

И кто-то уцепился за одежду,
В отчаянье я сам ее сорвал
И с горестной последнею надеждой
О милости прошенье прокричал.

«Чего ты хочешь?» – Он спросил сурово.
«Избавь меня от всякой слепоты!»
Мне веки обожгла ладонь Христова.
Увидел я лицо родной земли.

«Я будто Иоанн Предтеча»

Я будто Иоанн Предтеча,
Всю душу выплеснув свою,
Стихами для грядущей встречи
Вас в покаяние крещу.

О давнем, но забытом ныне,
Вещаю я, чтоб по ночам
Глас вопиющего в пустыне,
Как звезды приближался к вам.

И говорю, что жизнь прекрасна,
И славлю наши времена.
Хотя давно мне стало ясно:
Идущий вслед сильней меня.

Гроза

Предчувствия приблизились вплотную
И над землей нависли черным кровом,
И люд бродил по городу вслепую,
Стихию поминая крепким словом.

Склонялись тополя перед ненастьем,
А ветер словно мучился испугом —
Он стал внезапно злей и безучастней,
Свистел и из угла метался в угол.

И охнула земля грудным раскатом,
Пред небом встав коленопреклоненно,
И все, что не ослепло многократно,
Должно было оглохнуть непременно.

И выросла стена дождем чудесным,
Скрывая все своим нагроможденьем,
И приоткрыла плотную завесу,
Когда земля дышала воскресеньем.

1986–1988 гг.

Пасха

Точно не расскажешь, что за время, —
Может быть, апрель, а может, май:
Зацветает лиственное племя
И печется сладкий каравай.

Просто не опишешь, что за чувства, —
Солнце заиграло, свет вокруг.
Этим светом я теперь искусно
Заполняю выросший досуг.

Не расскажешь прямо, что за праздник.
Из дому нас гонит ветерком.
И похожих нас таких, и разных
Дружно собирает за столом.

Обо всем не растолкуешь точно.
Прямо лишь скажу: пришла весна.
Потому и думается в общем,
Потому и пишется слегка.

Из цикла «В начале было Слово…»[42]

Плач Адама

Посвящается отцу Рафаилу

Впервые плачу. Кто понять бы мог?
Кто эти слезы сделал бы словами?
Что значит: жить, всегда идти вперед —
Когда я все оставил за плечами,

Как отойти от запертой двери
И как не целовать теперь порога,
Когда отсюда только увести,
А не впустить могли бы все дороги.

Я видел то, что потерял навек,
Блаженны те, кому потом расскажут,
Они уж могут верить или нет,
И скинуть с сердца горькую поклажу.

А первому как быть: я видел свет,
И тьма его не свергла, не объяла.
И как смогу, пусть через сотни лет,
Сказать себе, что это показалось.

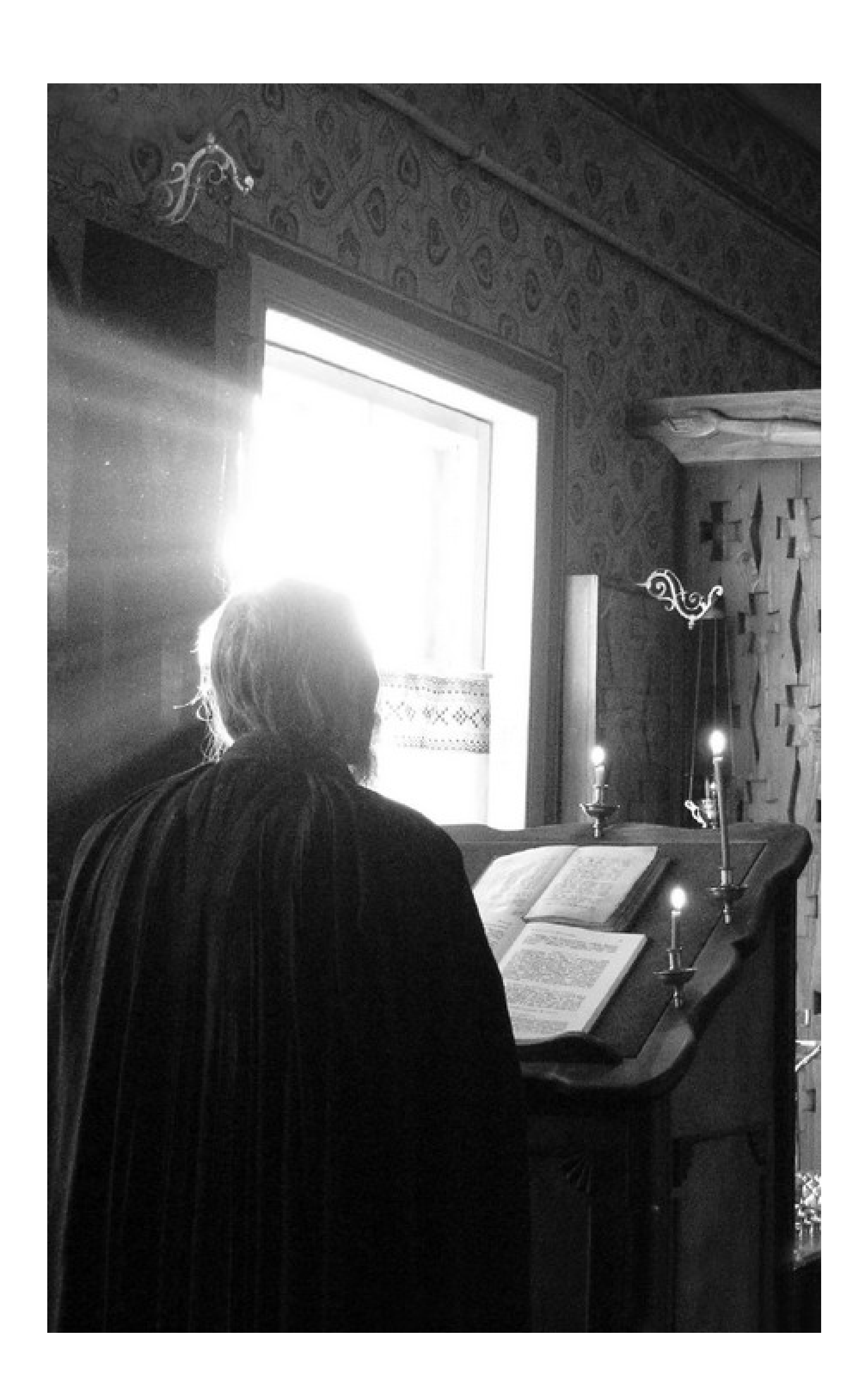
За все я сам впервые виноват,
Пусть выплакать я буду это в силах,
Пусть не по капле, пусть как водопад,
Все горе из души на землю хлынет.

На время пусть заглушит боль во мне,
Чтоб я не знал, что эти слезы значат,
Чтоб я как пес, тоскуя в темноте,
Хотя бы солнцу радоваться начал.

Но нет, в ладонь уткну лицо,
Как жаль, что я чего-то не предвижу.
Пойму, взглянув назад через плечо,
Что гордостью до праха я унижен.

Другому мою скорбь не передать
Она в душе как долгий жгучий ветер,
И мне с коленей, кажется, не встать,
И щеки в кровь истерли слезы эти.

И что теперь: лишь Он помочь бы мог,
Он горечь сердца вырвал бы с корнями,
Что значит: жить, всегда идти вперед —
Когда я все оставил за плечами.



«Ныне слезы в мире с радостию»

Гимнографические тексты

Служба преподобным старцам Оптинским

На вечерне

На Господи воззвах: стихиры святых на 8

Днесь собора преподобнаго прославление и святаго воинства Российскаго величание. Земля плод нетления приносит, небо десницы благодати простирает; людие же зряще сие сретение ужасаются, недоумевают и Бога славят: Великий в советех, Господи, слава Тебе.

Ныне величие славы Оптинской; ныне торжество и радость совершенная: старцы Божии чинно от небес исходят и хвалу от сынов своих принимают. Велие братство Богом созиждется, яко несть Господь мертвых, но живых, и Ему, Владыце и Царю нашему, едиными устнами, братие, возопиим: Жизнодавче Христе Боже наш, слава Тебе.

Днесь радость и печаль воинствуют, радость же победу торжествует, земля безгласно разверзается, небо милостивно отворяется; лики небеснии сиянием восходят, людие духом возвышаются; вселенная воскресение предызображает и велиим гласом вопиет: благословен Грядый во имя Господне.

Ныне сретение велие празднуем, залогвоскресения грядущаго торжествуем. Ныне слезы в мире с радостию, покаяние в объятиях с милостию; днесь грех ко стопам праведности припадает, ложь истину о милосердии молит; дети главы смиренно преклоняют, отцы длани милостивно простирают. Торжествуй, вера православная, в тебе единей всем примирение.

Приидите, братие, ибо время приспе. Созиждем гробы пророческия, украсим раки праведных и возглаголем: О, отцы святии! Аще быхом во дни ваша, не быхом убо общницы в распятии вашем. Се бо и мы смерти ужасаемся, но о Господе тако глаголати дерзаем: Боже отец наших, слава Тебе.

Велия благочестия тайна: земля отдает небу предлежащее, сыны приемлют отцов нет ленными, святость воочию зрится и руками осязается, утвердитеся, православнии, невернии, покайтеся, пришед бо свидетельство последнее, да веруют вси в живот вечный.

Слава, глас…

Возвестите славу и утешитеся, не людьми, но Богом дарованную подвизавшимся в пустыни Оптинской отцам преподобным. Сии благо

тайно сотворше, воздаяние явно прияли есте, лишения и труды на земле понесоша, на небесех блаженства достигли есте. О, слава наша истинная! Уничиженных хвала последняя, гонимых едино пристанище, поруганных честь неоскверненная. Соборне Христа Бога молите, да преложит на милость суд об отечестве нашем.

И ныне: Догматик

На литии стихиры

Восста от мертвых земля Оптинская, яко иногда Лазарь четверодневный: прииде Господь по мольбам отцев преподобных на место погребения ея и рече: Гряди вон! Восста пустыня чудесно и изшед на служение пеленами обвита, ликом воскресшим проповедь совершая, неверных обращая, ожесточенных умиряя, всех возставляя вопити: Господи, слава Тебе.

Видя Господь Матерь Свою, яко вдовицу плачущу об обители умершей, милосердова о ней и рече: не плачи. Приступил же и коснулся врат монастырских, и восста пустынь, и начат глаголати, и даде ея Матери Своей в попечение. Страх же объят вся, и славяху Бога глаголюще: яко посети Боглюдей Своих, ради печали Матерней.

Се собор преподобных пришед, паде при ногу Иисусову, моляще же Его много о пустыни Оптинской, глаголя: Яко дщи наша ныне умре, да пришед возложиши на ню руце, и оживет. Не умре бо земля, но спит, – глаголет пришедый Господь. И изгнан бысть из нея народ молвящ, восста обитель по глаголу Божию, и возвратися дух ея, и изыде весть сия по всей земли Российстей.

Слава, и ныне: глас…

Предста Царица Сыну Своему, егда воссташе Господь судити миру; руце пречистыя в мольбе простерши за ны, яко голубица крыле свои за птенцы своя, и ничтоже глаголаше, токмо слезы смиренно имущи; и, о чудо, Ангелов устрашающее, возмутися духом вселенной Господь, Бог Всемогущий прослезися, силы небесныя вспять возвратишася, суд о земли на милость преложися, еще мир миру даровася, яко да возвеличим Богородицу Пречудную.

Ины стихиры на литии

Се знамение явися в Церкви Русской: обитель в солнце облеченная, чада же ея светло просияша на падение и восстание многих. Ей же самой душу оружие пройде, да откроются от многих сердец помышления, имже Богдарует время на покаяние и велию и богатую милость.

От пустыни собор преподобных к сонму святых русских приложися, силам небесным радость даруя, ликам иноческим празднество устрояя. Темже возрасте полче божественный, земная надежда утвердися, яко Христос прославися во отечестве нашем.

Ныне славу ликующе воспеваем, новыя иконы лобызаем умиленно, лампады елеем наполняем, свечи и паникадила радостно возжигаем; хоругви износим и шествие торжественное совершаем; се ныне сретение дети уготовляют отцем преподобным и слезно их молят: приидите и посетите недостойных чад своих.

О, созвездие небосвода иноческаго! О, дивная стая орлиная! Многосветлое паникадило храма Богородицы, истинная гроздь винограда Христова, тако речем вам, отцы преподобнии, тако именуем и славим собор святых Оптинских.

Царь Небесный слуг Своих в чертог огнеблещущий вводит, во одежды белыя облачает, имена новыя, нам не ведомыя, нарицает; на престол Свой их посаждает и венцы жизни на главы их честныя возлагает. Слава сия верным и победившим и дела Его до конца соблюдшим. О, отцы святии, други Христовы! Помяните у престола Владычня память вашу посильно совершающих.

Людие, вспять возвратитеся, о временах же утекших нам возвестите; земли утренния ороситеся, слезы впитанныя нам покажите; древа восклонитеся, труды с печалями сокрытыми являя; камни восстаните, красоту древнюю зрети сподобляя. Вся бо узрим и ужаснемся, вся бо увидим и устыдимся. Темже молим вас, отцы святии, не отрините сынов недостойных, заступлением вашим ограждающихся.

На стиховне стихиры, глас 2

Подобен: Доме Евфрафов:

Старцы святии, пророки земли Российския, Бо гом Словом Вседержавным на служение воздвигнутыя, да возвестится истина последняя (восторжествует народ православный).

Стих: Господи, Господь наш, яко чу дно имя Твое по всей земли.

Пустынь блаженная, из тебе бысть Христу Богу глас вопиющий, имже старцы умоляше за землю и веру православную.

Стих: Святым, иже суть на земли Его, удиви Господь вся хотения Своя в них.

Свидетелие истины, отцы преподобнии, во тьме нам спящим, и тьма не объят вы, светом веры мир облистающих.

Слава, *глас и подобен тойже*:

Новая скиния Адамова при дубраве старческой, обитель Введенская, восстани в духе отеческом в сретение Христу Богу нашему.

И ныне: *глас и подобен тойже*:

Ангельския силы, Богородице Марие, с лики человеческими удивляшася соборне Матеродевству Твоему Божественному.

Ин Богородичен, глас 8

Подобен: О, преславнаго чудесе:

Богородице пречудная! Пречудный наш Спасе! Ликовствует сердце, Вас именуя, очи слезы источают, зря на лики Ваша. О, Владыко со Владычицею! Не оставите люди Своя, иже от века не имамы иныя четы (Царския), сердцами нашими повелевающия.

Тропарь, глас 4

Свято-Введенская (Введения преславнаго) обитель, Оптина Пустынь достоблаженная, присно уповающая на милость Богоматери, возросла на реке текущей (наполняема рекою, текущею) в живот вечный, возрастивше чудное древо старчества, уподобилася еси граду, сошедшему с небес, идеже Богобитает с человеки, отирая с очей их всякую слезу, темже возликуем, братие, Христа Царя и Бога нашего воспоим и Владычицу Мира Пречистую Деву восславим, яко дарова нам пристанище во спасение и наставников отцев преподобных.

На утрени

На БогГосподь: тропарь святых *(дважды)*

Слава, и ныне: *Богородичен*

По 50 псалме стихира, глас…

Не умолчим ныне истины Православия, Христом Богом до века утвержденной(ыя), собором святых старцев (наших) воссиявшей и доселе во избранных дивно сохраншейся. Непоколебимо основание ея, до облак ея величие, несть бо под небом веры иной, о ней же подобает спастися нам.

Канон общий преподобным

На хвалитех стихиры на 4, глас…

Радуйся, земле Оптинская, Заиорданье Российское! Ангелом место возлюбленное, человеком страна светлая. Дивны красоты твоя, велия слава твоя, чудны обетования твоя! Красуйся, благословенная, и ликуй, яко Господь Богс тобою.

Восклонитеся, вернии, воздвигните главы ваша, зане облак свидетелей Христовых облек землю нашу. О, высото и слава Российская, покров веры нетленный. Яко радуга подвигов ваших сияние, яко дождь животворный милосердие ваше велие; пророчества ваша яко гром небесный, силы ваша яко молнии огненныя. Древле земное в небесное претворивше, ныне светом преображенным сияете нам, зряще Солнце Правды Христа Бога нашего.

Радуйся, Кана Галилейская, начало чудесем положившая. Радуйся, пустынь Оптинская, наследие чудотворства приявшая. Яко Господь избирает тя и ублажает, купно Мати Его и ученики Его, темже приимите людие радость совершенную, утешение познайте, истиной подаваемое, и источник ликования превечнаго.

Возрадуйтеся, други и недруги, ныне всем ликование подобает, надлежит всем пение сладкогласное: ничтоже может любви Божией противостати, вся радостию побеждаются, вся веселием преклоняются. Темже Богнаш всесилен и чуден, даруя святым Своим честь и славу и недостойным Его Свою велию милость.

Слава, *глас*…

Лики ваша лучезарнии, о отцы святии, церквам Российским свет невечерний, мощи ваша – благоуха ние жизни вечной, писания ваша – хлеб и питие ис тинные. Вас, отцы преподобнии, радуяся именуем, вас и печалуяся призываем, темже Церковь Небесная от клира земнаго пополняется.

И ныне, *глас тойже:*

Имуще чреду священную, на земле Русской по долгу пребываеши, Богородице Всепетая, но по любви Матерней слезы проливаеши и молишися о всех непрестанно.

Темже не остави, Владычице, люди Твоя и милостию обогати от щедрот Твоих.

Канон покаянный, глас 6

Песнь 1

Ирмос: *Разступися, пучина чермная и ублажи стопы Израиля уничиженнаго, сомкнувшися же мглою и бурею над главою гордости Египетския, Господа прославивши во веки, яко истиннаго Судию и Избавителя.*

Припев: Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Идеже обрящу начало зла моего? Окрест воззрю и содрогаюся, внутрь обращуся и возболезную, яко тьма горькая обстоит мя. О, Звездо единая, Христе Спасе мой, достигни мя лучами благодати Твоея.

Со Адамом ныне сокрушаюся: како воспою Света утеряннаго? Како возвещу Истину оставленную? Аще реку, яко не видех Господа, камни возопиют, обличающе мя. Камо пойду, презрев Тя, Спасе, Путь и Истина Сый, Христе?

Слава: Не имам, Господи, витийства высокаго, не вем глаголов премудрых, но яко и отцы наша от века, взываю Ти: помилуй мя, Боже, и спаси мя.

И ныне: Не покрыю лукавством лютых моих, но вся возвещу Тебе, Дево Чистая, обаче не смирения полон творю сия, но безстыдства потаеннаго. Т ы же, кротости Источниче Пречистый, омый окаянство души моея и целомудрие во мне оживи.

Песнь 3

Ирмос: *Единому дню времена уподобляя, вечности начертание показал еси, Господи, темже во храме славы Твоея лики составляются, несть свят, разве Тебе, Господи, взывающе.*

Колико одежд раздеру, окаянный, и покоя достигну? Колико пепла возложу на главу срамную мою и не иму помышлений лютых? Коим вретищем покрыюся и не узрю беззаконий моих? Всуе мятуся, ища покаяния. Но Ты, Христе, рекий: «без Мене не можете творити ничесоже», пройди во уды моя, разсеки словом Твоим каменную утробу мою, порази камень сердца моего и изведи источники слез.

Егда в скудости пребываю, печаль и зависть терзают мя, егда же преспеваю мало, гордостию обуреваюся неудержимою; грех алчный гонит мя, Господи. Приими сокрушение мое, Владыко, иных бо даров и жертв не имам.

Слава: Откуду прииму слезы, аще не от Тебе, Боже? Камо гряду в день печали, аще не во храм Твой, Владыко? Идеже обрящу утешение, аще не во словесех Твоих, Святе? Не отрини мене, Господи, и ныне помяни мя.

И ныне: Призри на мя, Владычице, и вся скверны моя попали, да не обешу на выю мою жернов осельский, но прах прегрешений моих принесу Христу Богу моему, и возметет от лица преклоненнаго моего.

Седален

Оставих Тя, Свете истинный, тьма обдержит мя и хлад, огнь мудрования моего не греет мя, нощи смертныя ужасаюся. Востани рано, Господи, Солнце мое, и оживи мя теплотою Духа Твоего.

Слава: У Тебе, Владыко, прошу благодати, но тайную надежду полагаю в крепости моей; величаю и благодарю Тя, но славы не лишаю самолюбивыя души моея. Не презри, Господи, покаяния моего и помилуй мя.

И ныне: Со всякою скорбию, великою и малою, с обидами тайными и печалию горькою прибегаю к Тебе, Мати Божия, яко чадо, от злых обидимое, вся приношу Тебе, Дево Чистая, чая утешения и Матерния милости.

Песнь 4

Ирмос: *Мир из небытия воззвавый и персть земную сына Света соделавый, возведи, Господи, в радость душу мою и утверди во истине Твоей непоколебимо.*

К Тебе иду, Господи, и утаити замышляю, яко Анания и Сапфира, часть некую души моея на дела постыдная. Призри на немощь мою, и умертви тайная моя, и Сам яви мя неосужденна пред Тобою.

Не приемлет душа моя утешения: днем лицемерие мое наставляет мя, нощию нечестие сердца моего предстоит мне, от обоюду печаль и поношение, несть мне прибежища; един токмо плач утверждение и утешение мое.

Слава: Отче, возстави мя, аз бо пред грехом пресмыкаюся рабски; Сыне, изведи мя от места студнаго жития моего; Святый, освяти нощь странствования моего. Троице непостижимая, да гряду к Тебе покаянием непоколебимым.

И ныне: Богородице милостивая, горькая жизни сия услади слезами покаяния, окамененная мира сего сокрушением сердечным умягчи. Вся бо можеши молением неусыпающим, одесную Христа Бога предстоящи.

Песнь 5

Ирмос: *Плачевною нощию бездне небесней аз удивился, день истлевший пред собою видя, достигох зари и начала солнечнаго и паки удивился неудержимо блистанию пророчествующему.*

Яко Савл, неистовствую на Тя, Боже, ревностно гоню благодать Твою от себе, но Ты Сам, Владыко, явися сердцу моему и ослепи оное светом любве Твоея, и возглашу аз, окаянный: что сотворю, Господи?

Обличил мя еси, Господи, и преклонихся пред Тобою, стыдом покрышася очи мои, да не узрит и нощь греха моего; токмо Тебе, Боже, печаль моя. Не остави мене, смятеннаго, посети и спаси мя.

Слава: Не гладом гладна душа моя, не жаждою жаждет сердце мое, но о глаголех Твоих, Христе, стражду, о истине Твоей алчу. Призри на немощь мою, Господи, и подаждь манну словес Твоих.

И ныне: Свещею неугасимою, слезы теплыя на землю искапающи предстоиши, Богородице Пресвятая, пред Царем Небесным, темже и мне света и тепла Твоего даруй на дерзостное сердце мое.

Песнь 6

Ирмос: *Повержен на ложе слезное, яко на дно морское, како востати мне, смертному, от места клеветы и презрения? Господи, Боже мой, воскреси мя, погибающаго.*

Внегда искренний мой поношаше мя, к Тебе, Господи, душа моя; аще убо душа моя обетшает, уста призовут Владыку моего. Но камо, Господи, пойду, аще речеши: не вем тя? Земля не приимет мя, небо не покрыет мя. Не отрини мене, Боже, от лица Твоего.

Твоя от Твоих приношу Ти, Спасе, и величаюся; тщуся, яко Симон волхв, Духа Святаго получити за мзду молитв и дел моих. Прости мя,

Господи, и не помяни нечестия моего.

Слава: Уста исповедуют Тя, Господи, тело уготовляется на подвиги и страдания, душа же безмолвствует и готовит час отречения моего. Господи, сокруши жестокое сердце мое и от сна нечувствия возстави мя.

И ныне: Сокрушишася колена моя от нощи печали и забвения, но Ты не забуди мене, Мати Божия, и возстави мя, унывающаго.

Кондак

При брезе стану, Господи, и восплачу, яко зрю Т я по иную страну вод непроходимых. Обрати ко мне очи Твои, Спасе мой, и помилуй мя.

Ин кондак

Глас твой слышу, Господи, хлада тонка, и не вем, откуду приходит и камо идет. Отверзи, Христе Спасе, слух сердца моего и настави и спаси мя.

Икос

Померче во мне Солнце Правды, и прииде на мя хлад земный, греюся огнем страстей моих, во дворех чуждих обретаюся, окаянный. Взыди, Господи, на небо сердца моего и день спасения мне возвести.

Песнь 7

Ирмос: *Вавилонскую пещь огненную, яко часть малую пламене беззакония людского, отроцы невредимо проидоша, спасения песнь воспевающе: Боже отец наших, благословен еси.*

Аще оставлю Тя, Господи, Ты не остави мене до конца, потерпи безумства и беззакония моя, покрый срамоту и нечестие мое. Егда же в день печали призову Тя, прости мене и не помяни непостоянства и двоедушия моего.

Стыждуся просити Тебе, Господи, темже не имам словес к Тебе, окаянный, токмо руце простираю и сердце, милости прошу и хлеба насущнаго, яко нищий, отверженный и презренный.

Тебе, Господи, ищу и не обретаю; яко слепец, ищу Тебе и поводыря не имам; при дороге сижу и ожидаю, внегда мимоидеши и услышиши моления моя.

Слава: Глаголеши, Господи: стучите, и отверзется вам; но скорбь, Владыко, связа руце мои, исторже мужество из души моея; при дверех сижу, безмолвный. Отверзи ми, Господи, и призри на мя, яко на разслабленнаго иногда.

И ныне: Почто сиротствую, Матерь имея мира Владычицу? Почто смущаюся во странствиих, дом наследовав небесный? Пресвятая Богородице, Мати Господа нашего, доведи мя горняго Отечества моего.

Песнь 8

Ирмос: *Не ужаснися, душе моя, не устрашися, сердце мое, искушения огненнаго, во очищение посылаемаго Господем Милосердым, Егоже Страсти помяните, Воскресение воспойте и превозносите Его во вся веки.*

Верности слово вручаю Тебе, Господи, но при первом страсе отрицаюся; видя же Тя на поругание ведома и, обращшася, зряща мене, поминаю, студный, клятвы моя, гряду вон и плачуся горько.

И плачевный Иуда любляше Иисуса, обаче корысти ради; аз же, немощный, таяжде творю: силы Божественныя любве не приемлю, изнемогаю от нощи тщеславия моего. Спаси мя, Господи, да не впаду в бездну предательства и погибели вечныя.

Слава: Дары исцелений от Бога приим и людем расточая, славою обогати ся Иуда; приношения содержа и милостыню подавая, благодареньми услаждашеся; аз же, треокаянный, тщеславия богатство скопив, страшуся единожды Бога предати. Спаси мя, Господи, да воздам Тебе Единому славу и благодарение.

И ныне: Скудно хваление мое Твоего, Владычице, милосердия, немощно покаяние мое о бездне грехов моих; отсутствую во благодарении, безуствую и в покаянии. Не остави мене, смятеннаго, Мати Божия, и спаси мя.

Песнь 9

Ирмос: *Усыновление мое чудное Материю Господнею дерзаю воспевати, но страшуся и трепещу сего, яко при Кресте бывшаго. Предстани мне, Мати, в позорищи и в смерти и спаси мя сиянием Лика Твоего Пречистаго.*

Не отвещаеши мне ничесоже, Господи, егда вослед вопию Тебе: помози ми, душа моя жестоко печалуется. Обратися же, Спасе мой, яко не понесу оставления сего, и помилуй мя.

Вем, Господи, вем, яко биеши всякаго сына, егоже приемлеши, но ропщу, егда зрю наказуемых чад Твоих. Прости мя, Господи, и терпение с благодарением даруй.

Слава: Разумом постигаю, яко славу готовиши плачущим и уничиженным, но душа моя не утешается ныне воздаянием грядущим; скорбь объемлет мя, егда зрю поношения на искренняя моя. Помилуй мя, Господи, и молитися научи за враги неоскудевающия.

И ныне: Гнева огнь неугасимый сожигает мя, гордыни червь неусыпаяй снедает сердце мое. Спаси мя, Пресвятая Богородице, от мук адовых, достигших до души моея.

Светилен

Свете мой Христе Спасе, нощь жития моего, идеже и солнце не просвещает мя, озари блистанием Божества Твоего и спаси мя.

Молитва

Господи Иисусе Христе, Ты еси хлеб жизни, и приходяй к Тебе не будет алкати, и веруяй в Тя не будет жаждати во век; Господи, Ты еси хлеб живый, сшедый с небес, и ядый хлеб сей не умрет и будет жити во веки; Господи, хлеб сей есть Плоть Твоя, юже Ты отдал еси за жизнь мира, темже и рекл еси: ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день. Тако и днесь грядем к Тебе по слову Твоему. И ныне, испытуя нас, глаголеши: не хощете ли и вы отыти? Мы же, яко Петр иногда, зовем Ти: Господи! К кому нам ити? Ты имаши глаголы жизни вечныя, Ты – Христос, Сын Бога Живаго, Т ы – Альфа и Омега, начало и конец, Ты – Бог, Царь и Господь, и Твою державу и милосердие славим ныне и присно и во веки веков. Аминь.

«Мы уже воскресли»

Летопись Страстной седмицы и Пасхи 1993 года[43]

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Аминь.

В 1993 году в апреле-мае мне пришлось записывать некоторые события, происходившие тогда в Оптиной Пустыни. По этим записям и восстанавливаются в памяти последние дни земной жизни погибших братий. Начну немного раньше Пасхи.

«28 марта/10 апреля, суббота праведного Лазаря.

После Божественной литургии совершалась панихида по схиархимандриту Варсонофию. Его память в этом году приходится на Великую Среду. В этот день панихиды не совершаются, поэтому панихида перенесена на сегодня. Преподобный Варсонофий преставился в день памяти преподобной Марии Египетской».

«29 марта/11 апреля, Вход Господень в Иерусалим.

К службе праздника присоединена служба преподобной Марии Египетской, память которой пришлась в этом году на Великую Среду. Перенос совершен по благословению отца наместника, потому что святым на Страстной седмице служб нет. Проповедь на запричастном стихе говорил иеромонах Василий. По общему мнению, это была одна из лучших его проповедей. Основная тема: о равнодушии верующих к предстоящим событиям – к Страстям Господним; о том, что мы не хотим отвратиться от своих дел и переживаний, так называемых искушений, и не можем сострадать Господу».

«1/14 апреля, Великая Среда. Память преподобной Марии Египетской и день памяти преподобного Варсонофия (в то время еще не прославленного). После первого часа совершена краткая лития в притворе по отцу Варсонофию».

«3/16 апреля, Великий Пяток. К началу утрени Великого Пятка вместо положенного мерного звона отец Трофим (и вместе с ним отец Ферапонт) ударили „во вся тяжкая“, т. е. во все колокола. Никто их не остановил, хотя все понимали несоответствие. Потом отец Трофим говорил: „Что-то мне в голову взошло, что звон праздничный“».

Служба утрени Велико го Пятка (весьма сложная) прошла довольно четко. Хвалитные стихиры должен был канонаршить отец Василий. Видно было, как он вышел в нужное время из алтаря Свято-Никольского придела. Но после чтения 9-го Евангелия (от Иоанна 61-е зачало) была значительная пауза – отец Василий молчал. Начали канонаршить с правого клироса. «Ужасеся небо о сем, и солнце лучи скры» – говорится в 1-й стихире. Потом я спрашивал отца Василия, почему онмолчал. «Я не смог», – ответил он.

Недаром я записал эти слова, которые он не смог произнести: «Ужасеся небо о сем, и солнце лучи скры»… В это время с отцом Василием что-то, видимо, случилось – слезы, может, у него были или еще какое-то особенно сильное переживание, что он не мог начать канонаршить. Я находился на левом клиросе и наблюдал, как он выходил из алтаря к месту чтеца; там все было приготовлено. Я все хорошо запомнил, потому что отвечал за это. До этого служба шла размеренно – а тут вдруг пауза. Я даже спросил его потом с некоторым раздражением: «Батюшка, вы что, обиделись на нас, что не начали канонаршить?» Он ответил: «Я не смог». Дальше я разговор не стал продолжать – понял, в чем дело.

«Утром царские часы читали иеромонах N. и иеромонах Василий».

Хочу обратить внимание, что в эту Страстную седмицу отцу Василию выпала колоссальная нагрузка. По расписанию он должен был на Великий Пяток читать проповедь на часах. Но, насколько я помню, и в Великую Среду отец Илий попросил отца Василия произнести проповедь за него, и отец Василий говорил тогда небольшое краткое слово на литургии, на запричастном. При этом всю Страстную седмицу отец Василий был единственным канонархом: второго канонарха то ли не было в монастыре, то ли он заболел. Отец Василий был поставлен и на чтение царских часов: это значит, что ему надо было прочитать не один час, а с чередованием – первый, потом шестой, потом изобразительные (кому что попадет).

И на часах отец Василий канонаршил тропари и стихиры.

«В этот день литургии не положено. На вечерне Великого Пятка отец Василий опять говорил проповедь у Плащаницы».

Проповедь была очень сильной, довольно краткой. Причем если на часах он говорил проповедь подготовленную, то у Плащаницы (это в 14.00) он говорил без подготовки – его, видимо, опять кто-то попросил.

Сказал кратко, но, как всегда, прочувствованно. И потом он продолжил канонаршить вечерню.

Он сказал проповедь (я это хорошо помню, потому что поднес ему книгу) и вернулся канонаршить.

«К утрене Великой Субботы опять произошла ошибка со звоном. Опять звонили „во вся тяжкая“, около 23.00. Инок Трофим за это получил пятьдесят поклонов от отца наместника. Замечали, что на все выговоры он реагировал безмятежно и весело. После поклонов, которые совершали и другие звонари, и я вместе с ними, он сказал: „Почаще бы так“. Отец Василий опять канонаршил.

На Божественной литургии Великой Субботы – это **4/17 апреля** – канонарх отец Василий».

Эта литургия совершается вместе с вечерней Святой Пасхи. Отец Василий исповедовал и с исповеди приходил читать паримии, потому что в храме почти никого из братии не было. Это обычное дело: к Великой Субботе все настолько устают, что на литургии Великой Субботы перед Святой Пасхой многие экономят силы. Отец Илий всегда служит эту литургию. Все служащие диаконы читали пятнадцать паримий, и то не хватало чтецов. Мне пришлось идти к месту исповеди и просить, чтобы отец Василий оставил исповедь и шел читать паримии. И здесь я заметил, что в паримии пророка Исайи вместо слов *Светися, светися,* Иерусалиме (Ис. 60, 1) он прочел: «Светися, светися, Новый Иерусалиме»[44].

«Отец Василий также читал канон Великой Субботы на пасхальной полунощнице – она совершается перед самой Светлой заутреней (это около 23.30). Святую проскомидию к пасхальной литургии совершал также иеромонах Василий с иеродиаконом Н.».

Проскомидийного иеромонаха не должны были ставить читать канон, а его поставили – то ли из-за голоса (из-за четкости произношения), то ли из-за того, что другие отказались читать… По этому случаю облачены они были, отец Василий и иеродиакон Н., в красное, все же остальные служащие были в белом. Кто-то по незнанию спросил батюшку: «Ты не рано?» Он ответил: «Мы уже воскресли…»

«Звон к Святому Евангелию, читаемому на Божественной литургии Святой Пасхи, сложный и очень красивый, был исполнен удивительно четко. Братия благодарили звонарей. Вообще все эти дни звон был

мощный. Звонили иеродиакон Л., инок Ферапонт, инок Трофим, послушник А.».

«В расписании отец Василий был еще записан на проповедь в Светлую Субботу, на 24 апреля. Этой проповеди он уже не говорил…

Самый день Пасхи, **5/18 апреля** – Светлое Христово Воскресение, Пасха. После Божественной литургии, свитающи (так записано в летописи) иеромонах Василий, инок Ферапонт, инок Трофим окончили жизнь земную смертью, по общему мнению, мученическою.

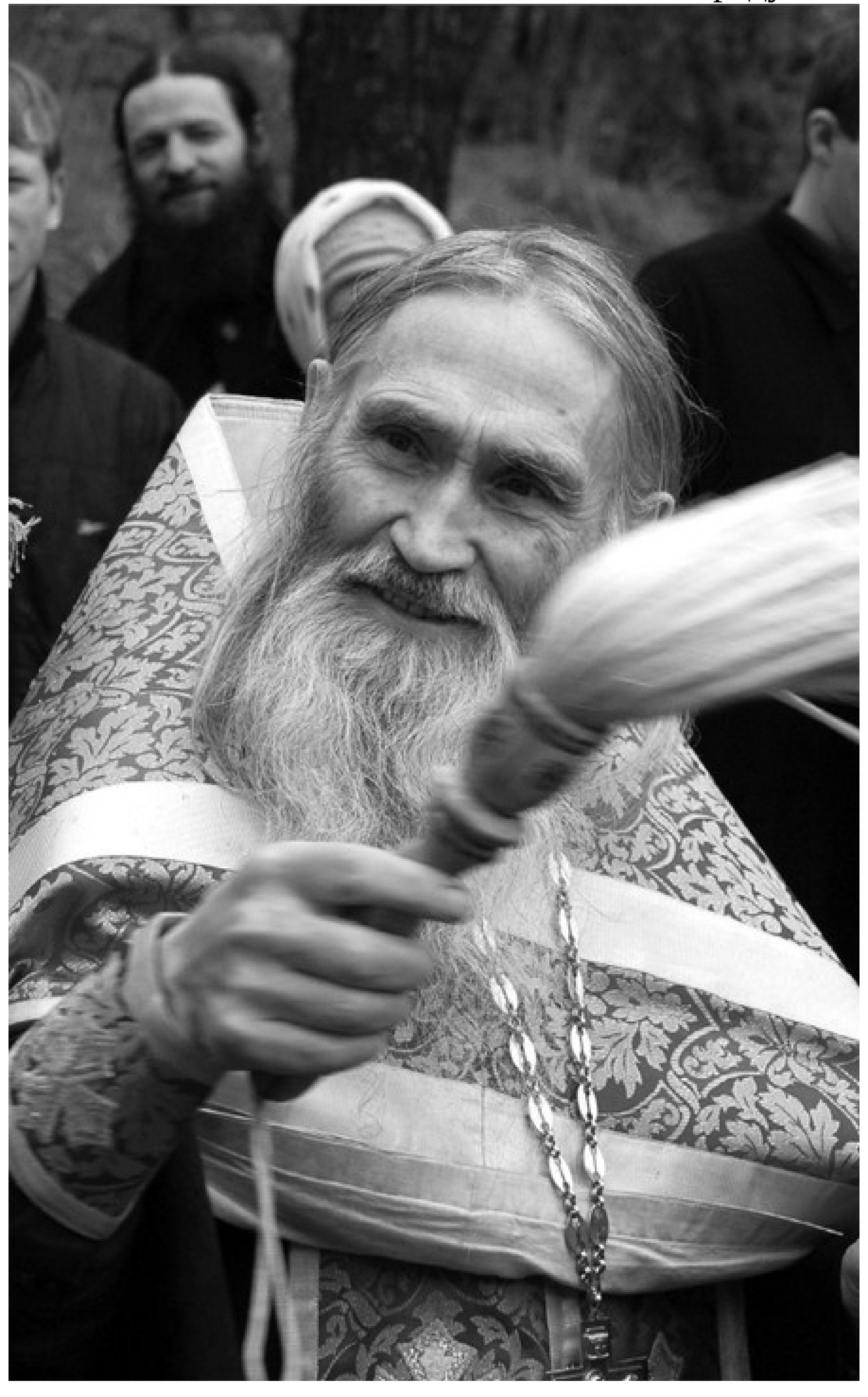
Отец Василий направлялся в Скит на святую литургию для совершения исповеди. Отец Трофим и отец Ферапонт звонили в колокола. Так все они пребывали на иноческом послушании».

Возвращаюсь немного назад… В дни недели Крестопоклонной отец Василий читал поучение из святого Макария Великого о состоянии «души человеческой, когда она понимает необходимость истинно христианской жизни, т. е. жительства под водительством Духа Святаго, и начинает искать таковаго жительства».

Отец Трофим спросил у сидящего рядом: «Отку да это?» – «Макарий Великий». И он замолчал. У преподобного Макария Великого это в таких словах описано!.. А отец Василий так это читал!.. С великой простотой отец Трофим сокрушался потом, что не запомнил слов поучения. Ему хотелось еще раз пережить их. На трапезе он опять вспомнил об этом и сказал: «Теперь уж не вернешь», – как о важном событии.

Надо добавить, что отец Трофим и отец Василий находились Великим постом – и по послушанию, и, конечно, по сердцу своему – в храме постоянно. Причем, надо сказать, в числе немногих. Обычно, кроме клироса, все несут послушания вне храма и мало кто может находиться практически постоянно – целый день или полдня – в храме: даже клирос меняется. Многие тогда болели. (Затем, после Пасхи и смерти отцов, некоторые братия говорили о своем нерадении.) Отец Василий находился в храме постоянно. Были моменты, когда он отпрашивался, на кафизмах или на чтении часов, и уходил, чтобы отдохнуть, потому что к концу поста силы его явно покидали. Вид у него был уже совершенно как у мертвеца. Особенно видна была желтизна на лице и бледность, характерная для людей, которые мало спят. Видно было, что человек находится на грани полного

изнеможения, и, тем не менее, он канонаршил. Жаловался, что у него горло болит, а заменить было некем. И он нес свою чреду…



Слово схиигумена Илия (Ноздрина) на годовщину убийства оптинских иноков

Для верующего человека, для христианина смерть не есть страшная участь, не есть предел нашей жизни, но за смертью есть воскресение. Другое страшно – есть зло, есть грех…

Поминая наших братьев, убиенных злодейской рукой, мы видим, что наша печаль растворяется в нашей вере в то, что они по смерти живы: пострадавшие, они обретут от Господа награду, обретут от Него радость будущую. Но в то же время зло, которое действует в мире, не может быть приветствуемо, не может быть оправдано тем, что это зло Господь обращает в добро.

Господь Иисус Христос на суде у первосвященника говорил: «Я не скрыто проповедовал, а пред всеми вами на виду говорил слово, и пусть слышавший свидетельствует, было ли что-нибудь преступное или злое в моей проповеди». Раб за эти слова ударил в щеку Господа, и Господь сказал: «Если я сказал неправду, то свидетельствуй об этом, а если я сказал правду, за что Меня биеши?»[45] Значит, это было зло, и Господь не мирится с ним. То, что раб ударил ни за что совершенно невинного Господа, есть проявление неправды, которую Господь осуждает.

Так, наши братья ни в чем не были повинны, они совершали доброе, правое дело. Эти двое звонили – вещали радость пасхальную, отец Василий шел на требу в Скит. Подкравшийся злодей нанес им у дары, он убивал их совершенно ни за что, а единственно по своему злому умыслу. По злой своей ненависти к чистым, невинным людям, к вере. Какой бы умысел ни привел к этому убийству – это было зло, с которым мы должны бороться. Если не можем мы каким другим путем бороться, то молитвой, силой Божией, всегда должны бороться со злом. Господь пришел на землю, чтобы разрушить дела диавола. Он принял страдания, чтобы каждый верующий в Него силой Креста Господня побеждал зло. Вот, возлюбленные, мы сейчас хотя и утешаемся, что эти братья у Господа, что они получили великую награду, но мы не можем утешаться тем, что это зло существует в мире излые умыслы человеков совершают то, что преступно. Мы не знаем, как было бы лучше, но сколько могли сделать эти братья добрых дел

как иноки наиболее способные, наиболее трудолюбивые и послушные. Например, отец Василий был великий пастырь, проповедник, был и поэт, он много-много сделал для Церкви полезного. Но злодейская рука пресекла его трудолюбивость.

Мы можем Крестом, который дал нам Господь как силу для верующего человека, побеждать все зло демонское, мы больше должны пользоваться этим орудием. Будем молиться Господу, приложив наши усилия, чтобы такие злодейские акты не совершались, чтобы Господь не допускал их, потому что это приносит многий вред Церкви. Будем помнить, что сила наша во Христе Иисусе, и идти – имея великое оружие, великую помощь от Господа, Его милость, Его Крест – молитвою и крестом против наших врагов, личных врагов и врагов Церкви.

На нашу Церковь, которая столько была разрушаема, поносима, диавол особенно страшно сейчас устремляется, потому что не хочет ее возрождения. Он смущает людей, и иные становятся послушным его орудием, чтобы как-то смутить святых и повредить Церкви. Помолимся Господу, чтобы дал Церкви мир, благоденствие и сподобил нас в мире встретить великий праздник Христова Воскресения. Аминь.

18 апреля 1994 г.

Примечания

1

См.: Прем. 8: 2, 21.– Зд. и далее примеч. ред.

(<< back)

2

Текст тропарей, сохранившийся в дневнике о. Василия (Рослякова), не был окончательно доработан, в скобках приводятся варианты.

(<< back)

3

Интервью было записано за девять дней до убийства о. Василия (Рослякова).

(<< back)

4

См.: Мф. 22, 32.

(<< back)

5

См.: Ин. 16, 33.

(<< back)

6

См.: Откр. 3, 19.

(<< back)

7

См.: Евр. 12, 6.

(<< back)

8

См.: Ин. 15, 16.

(<< back)

9

См.: Ин. 4, 24.

(<< back)

10

См.: Лк. 22, 44.

(<< back)

11

См.: Мф. 16, 24.

(<< back)

12

См.: Прит. 23, 26.

(<< back)

13

Речь идет о цикле стихов автора дневника.

(<< back)

14

Из пасхального канона.

(<< back)

15

См.: Еккл. 1, 18.

(<< back)

16

См.: 2 Кор. 7, 10.

(<< back)

17

См.: Мф. 26, 41

(<< back)

18

См.: 1 Кор. 1, 23.

(<< back)

19

См.: Откр. 21, 22–23.

(<< back)

20

См.: Пс. 50, 12.

(<< back)

21

См.: Гал. 5, 22.

(<< back)

22

Из воспоминаний Натальи Дмитриевны Симоновой, бывшей учительницы о. Василия.

(<< back)

23

См.: Мф. 5, 8.

(<< back)

24

См.: Лк. 21, 19.

(<< back)

25

См.: Ин. 17, 21.

(<< back)

26

См.: Ин 14, 1.

(<< back)

27

См.: Лк. 12, 49.

(<< back)

28

См.: Мк. 19, 29–30; Лк. 10, 26–27.

(<< back)

29

Из часов Святой Пасхи.

(<< back)

30

Из воскресного тропаря по непорочных «Ангельский собор».

(<< back)

31

Проповедь на Неделю пятую Великого поста. Произнесена 4 апреля 1993 г.

(<< back)

32

См.: Мк. 10, 37.

(<< back)

33

См.: Мк. 10, 43–45.

(<< back)

34

Текст содержится в дневнике о. Василия (Рослякова). Очерк сопровождается дополнительными черновыми фрагментами. В угловых скобках приводятся зачеркнутые в дневнике слова.

(<< back)

35

Ср.: 1 Кор. 15, 14.

(<< back)

36

Из песнопений Страстной седмицы.

(<< back)

37

Из песнопений Великой Пятницы.

(<< back)

38

Стихиры Пасхи.

(<< back)

39

Стихиры Пасхи.

(<< back)

40

Текст проповеди о Таинстве Крещения содержится в дневнике о. Василия (Рослякова).

(<< back)

41

См.: Ин. 3, 5.

(<< back)

42

Стихотворения этого цикла были прочитаны о. Василием (Росляковым) друзьям и записаны на магнитофонную пленку.

(<< back)

43

Оптинские события конца марта – начала апреля 1993 г. вскоре были внесены в монастырскую летопись. В 1999 г. комментарии к летописи ее составителя, о. М., были записаны на магнитофонную пленку.

(<< back)

44

Из пасхального канона.

(<< back)

45

См.: Ин. 18, 20–23.

(<< back)

FB2 document info

Document ID: 0b411116-10f3-4ad9-8f7b-5c6589694855
Document version: 1,1
Document creation date: 02.01.2014
Created using: FictionBook Editor Release 2.6.6 software
OCR Source: Текст предоставлен правообладателем

Document authors :

- Олег Власов (prussol)

Source URLs :

- http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6110765

Document history:

V 1.0 by prussol

About